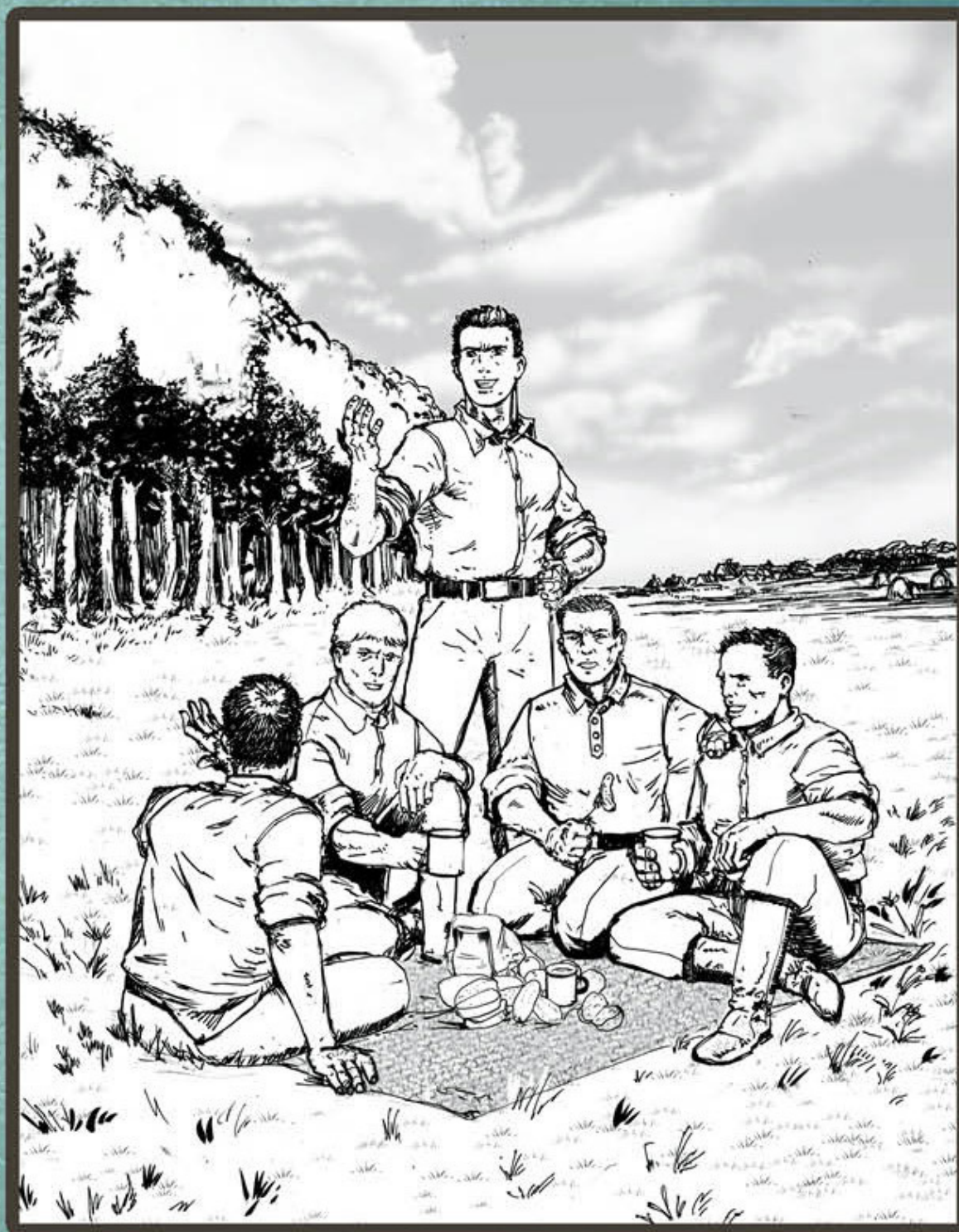

ВОЗВРАТА К СТАРОМУ НЕ БУДЕТ СОСНОВСКИЕ АГРАРНИКИ

Повести и рассказы

Илья Земцов

Илья Земцов

Возврата к старому не будет

«Алисторус»

1976

УДК 82-94
ББК 84(4)-44

Земцов И. А.

Возврата к старому не будет / И. А. Земцов — «Алисторус»,
1976

ISBN 978-5-00180-042-2

В новую книгу И. Земцова вошли роман «Сосновские аграрники» и рассказы, действие которых происходит в послевоенное время. Автором правдиво показана жизнь простого деревенского люда, беспредел властей, противоречия в умах тех, кто строил коммунизм. Жить было тяжело, но весело. Особняком в книге стоит недописанный фантастический рассказ «Планета Кшушиши», выдумка чистой воды. Впрочем, современному читателю неправдоподобными могут показаться некоторые герои и явления во всех произведениях, включенных в сборник. Так много времени прошло с тех пор, как они были написаны, но кое-что в нашей стране не искоренится никогда...

УДК 82-94

ББК 84(4)-44

ISBN 978-5-00180-042-2

© Земцов И. А., 1976

© Алисторус, 1976

Содержание

Повести	6
Возврата к старому не будет	6
Сосновские аграрники	39
Глава первая	39
Глава вторая	45
Глава третья	54
Глава четвертая	61
Глава пятая	73
Глава шестая	85
Глава седьмая	97
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Илья Земцов

Возврата к старому не будет

Издание данной книги стало возможным благодаря труду большого количества людей. Огромная благодарность:

Надежде Юрьевне Достоваловой за невероятный труд по редактированию рукописи;

Илье Александровичу Алексеву, Сергею Александровичу

Алексеву, Еришову Александру Олеговичу за финансовую помощь в издании книги;

Екатерине Алексеевне Еришовой за помощь в оцифровке рукописи.

Подготовкой и изданием рукописи занимался Еришов Алексей Олегович, внук Ильи Александровича Земцова.

Иллюстрация и оформление обложки – Андрей Ильиных.

© Земцов И.А., 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

Повести

Возврата к старому не будет

Апрель 1945 года. Война далеко откатилась на запад, за пределы России. Больше не пахали русскую землю снарядами и не боронили пули. Не горели города и села. Затихли артиллерийские канонады. Дым пожарниц колыхал уже на вражеской земле. Но наши люди продолжали умирать, оставались на всю жизнь калеками. Ручьями текла человеческая кровь.

Николай Васин шел с железнодорожного разъезда в родную деревню. Он возвращался с войны из госпиталя домой. Шел он медленно по слабо наезженной, разрушенной теплом снежной дороге. Сильно хромал на правую ногу и опирался на деревянную трость. В полях снег осел, дорога возвышалась над окружающей полевой равниной. Идти было тяжело, местами снег не выдерживал, и ноги проваливались. Васин вошел в лес. Снег там лежал не тронутый теплом, рыхлый, зимняя дорога сохранилась хорошо.

Лес во всякое время года красив, а населяющая его фауна еще более украшает. Шел Васин не спеша. Сосновые боры сменялись еловыми раменами с остроконечными кронами пихт и елей. Местами виднелись белые стройные стволы берез и серые, обросшие лишайником, как бородой, осины. Лес, казалось, был мертв. Не слышно было птичьего гомона, только временами раздавался стук дятла и шум падавшего с крон деревьев снега.

Николай возвращался в родную стихию. Война, бои, госпитали остались далеко позади, и вспоминать о всем пережитом не хотелось. Он думал, вот еще три километра и увидит свою деревню, родной дом. Знакомые лица родных и селян. Разнообразные, но похожие чем-то друг на друга деревенские дома и ветряные мельницы на окраине деревни. Он вспоминал давно исчезнувшие овины, крытые соломой. Запахи пряного дыма с ароматами копченой соломы и запахи распаренных в снопах зерен ржи и ячменя. Ему хотелось бы возвратиться в давно ушедшее детство, в те далекие нэповские времена, когда их небольшая деревня увеличивалась, разрасталась, строились красивые добротные дома с резными наличниками.

В 1934 году в деревне организовался колхоз, и она начала постепенно редеть. Дома увозились в город, появлялись пустые усадьбы, заросшие бурьяном и крапивой. Деревня уже больше не строилась. Многие рвались в город, так как в колхозе на трудодни получали по 500–600 грамм зерна и больше ничего. Николай думал: «Если бы мне доверили руководство колхозом, я бы эту землю поднял. Она стала бы давать больше, чем мужику». Три с половиной военных года он не был в деревне. Из скупых коротких писем отца знал, что большинство мужиков было убито, немногие пришли калеками. Он думал не о себе, а о земле, о большом хлебе, чтобы все были сыты. Поэтому поля представлял такими, как в те нэповские времена, то есть, заполненными морем цветущей ржи и ячменя.

Вышел на поле, близкое, родное, окруженное со всех сторон лесом. Вдали, за перелеском, показалась родная деревня. Каждое поле с самого его освоения получало свое название. Справа от деревни за рощей раскинулась Вязовая. Это большое поле с добротной землей. Ежегодно крестьян радовало большими урожаями. Когда-то на месте этого поля, говорили старики, росли громадные трехсотлетние вязы. Вяз мужики вырубали, древесину пережгли на поташ, пни выкорчевали, стало поле. Вяз в этих местах даже памяти о себе не оставил. Во всей округе не сыщешь ни одного дерева. В свое время мужики за вязом охотились как за большой ценностью, и он был полностью истреблен, уничтожен.

Деревня расположилась на невысоком бугре с уклоном на юго-восток. Свое название она получила от небольшой речки Боковая. Первые поселяне называли ее Забоковская, так как она находилась, как им казалось, за речкой.

Много разноречивых разговоров было между мужиками, кто же первый поселенец и откуда он появился. Старики утверждали, что это были два брата, которые ехали со всем своим скарбом и семьями в Сибирь из Курской губернии. По неизвестным причинам не доехали до Сибири, остались в Вятской губернии. Не одно поколение мужиков стремилось сделать деревню красивой, засадить улицу деревьями. Они приживались и росли, но немногие сохранялись. Их уничтожали лошади и козы, проходившие стадами без присмотра.

Николай вышел на проталину среди поля. Ему казалось, где-то вдали, поднявшись ввысь, пел жаворонок, курлыкали журавли, раздавалась однотонная тетеревиная песня. Воздух был чист и прозрачен, дышалось легко, приятно. Васин присел, поцеловал родную землю, негромко сказал:

– Вот я и дома.

Дома – по-русски обычная встреча солдата-фронтовика. Слезы и хлопоты матери. Как на чудо смотреть приходило по очереди все население деревни.

Через день-два началась обычная деревенская жизнь. Весна вступала в свои права, колхоз готовился к весенне-полевым работам.

Деревенские бабы говорили Николаю:

– Как тебе повезло. Пришел жив и здоров. Подумаешь, половину ступни правой ноги отняла война.

А некоторые, с острыми языками, утверждали:

– По-видимому, Николай высоко закидывал ноги, когда бежал от немцев, вот и угораздило в ступню. Ведь ступня-то почти всегда на земле. Все, чем убивает, – осколки, пули – летает выше земли.

– Да бросьте вы, бабы, издеваться над человеком! – говорила недавно избранная председатель колхоза Пашка Мироносицына. – Пришел человек с фронта, все должны радоваться. А вот мой Саня уже никогда не вернется, – вытирала глаза уголком платка, – оставил мне пятерых детей, да двух из них калек. Как хочешь, так и живи.

Пятнадцатилетнего Бориса пришлось отдать в трактористы. Парню скоро восемнадцать, насадил себя, не растет, все маленький, поэтому прозвали трактористы Воробьем. На днях Витька Ванин, они на одном тракторе работают, подошел к окну и кричит: «Воробей, ты дома? А ну пошли!» Борис откликнулся: «Иду». А меня это так разозлило, я схватила ухват и за Витькой, ну где же такую дылду догонишь. Вырос с коломенскую версту, а сверстник Борису.

– В нашем полку прибывает, – говорили мужики. – Седьмой человек возвращается демобилизованным по ранению. Первым пришел Ваня Гришин. Ему не повезло, ногу отняли под самый пах. Куда он годен? Хорошо, что грамотный. Вот уже второй год учится в лесном институте.

– Все правильно, – говорил Николай, – но было бы лучше, если бы учился в сельскохозяйственном. Выучился бы, приехал к нам в деревню, нашли бы ему дело. Сельское хозяйство будем поднимать.

На полях снег растаял, но ни пройти, ни проехать было нельзя. В лесу он еще лежал нетронутым, как зимой. Бабы каждое утро собирались не в правлении колхоза, а на улице. Старики в правление заходили редко, а на разнарядки и всяческие сборы на улице приходили все. Сначала решали хозяйственные вопросы, а затем переключались на личные. Судачили о вернувшихся с фронта по ранению, кто на какую работу способен. Затем многие бабы пускали слезу, говорили: «А мой хоть бы без рук и ног пришел, с удовольствием бы приняла. Стала бы ухаживать за ним, слушала бы его голос, советы, чувствовала бы близкое, дорогое сердцу тело».

Из сорока пяти ушедших на фронт мужиков на тридцать два пришли похоронные. Деревня осиротела. В каждом доме горе, в каждом доме слезы. Старые и малые с утра умывались слезами, вспоминая близких погибших. Но каждый чего-то ждал, надеялся на какое-то чудо. Чуда не было, мужики с фронта не писали. Надо было жить, думать о жизни, кормить

и воспитывать детей. Надо было обуваться, одеваться, а где взять? Всему кормилица земля-матушка, родное деревенское поле.

В колхозе в распутицу делать пока было нечего, и Николай ходил на тетеревиные тока. Выдвигался в два часа ночи, садился в шалаш и ждал рассвета, появления первых тетеревов, петухов, по-деревенски «косачей».

Хороши весенние ночи. Воздух чист, прозрачен. Легкий мороз постепенно пробирается к телу. Еще не светает, но белесый горизонт востока говорит о приближении утра. Тихо, еще все спит.

Неподалеку от шалаша журчал обмелевший за ночь от заморозка ручей. Временами со стороны поля набегали легкие порывы ветра. Шалаш стоял на самом краю поля, под одинокой кудрявой сосной. Время шло медленно. Николай считал до ста. Сначала по-русски, затем по-немецки, по-фински. Занимался физкультурой, чтобы не зябнуть.

Восточный край горизонта стал светлеть. Затем он медленно заалел. Где-то в лесу визгливо с хрипотцой залаял лис. Как бы откликаясь, загугукал, осмелев, заяц. На другом конце поля глухо, как покойник, захохотал филин.

Вдруг над самым шалашом, часто хлопая крыльями, пролетела тяжелая птица. С шумом опустилась в десяти метрах от Николая. Это токовик – тетерев-косач. Стрелять его нельзя. Убьешь токовика – может ток нарушиться. Больше ни один не прилетит. Косач высоко поднял голову, осмотрелся кругом, затем распустил хвост и крылья веером, издал грозный шипящий клич и затянул свою бесконечную булькающую тетеревиную песню. На его клич и песню отозвались со всех сторон несколько тетеревов. Появились три косача. Краснобровые красавцы побежали, шурша растопыренными крыльями, и устремились друг на друга. Пригнувшись к земле, они неистово кружились на одном месте, награждая друг друга тумачами, пуская в ход клюв, крылья и ноги. Ток начался. Всюду стоял шум, хлопанье крыльев и сплошное бормотание, похожее на рокот десятков родников.

Становилось совсем светло. Николай три раза выстрелил. Три тетерева лежали убитые. Остальные продолжали весеннюю брачную драку и песни, невзирая на выстрелы.

Солнце одним краем вылезло из-за горизонта. На ток прилетели несколько светло-коричневых рябых тетерок. Раздалось их квохтание и разговор «ко-ко-ко». Шум усилился, все слилось в единую брачную песню.

Косачи со вздыбленными лироподобными белыми хвостами на фоне черного наряда, как надутые упругие мячи, налетели друг на друга. Один прилетел и сел на шалаш. Николай просунул руку сквозь лапник и поймал его за ноги. Косач махал крыльями, крутил головой, но был без пощады протаснен сквозь хворост в шалаш и живым положен в вещевой мешок.

Николай сидел словно зачарованный, заколдованный. Просидел полтора часа, наблюдая за брачным обрядом птиц. Забыл про алчность и звериную природу охотника. Солнце уже высоко поднялось, ток заглох, птицы разлетелись, но песня их продолжалась. Они пели одиночками на деревьях, в поле и на болоте.

Николай шел домой под впечатлением тока и нес четырех птиц, а мог бы настрелять больше. У околицы его догнали Витька и Борис. Витька нес одного убитого косача и хвалился:

– Я влет убил.

А вот Воробью не повезло. Борис ростом был похож на двенадцатилетнего пацана и чем-то напоминал воробья. Он виновато улыбался, оправдывался:

– Если сегодня не повезло, то завтра обязательно убью. Да мы и вышли поздно, проспали. Когда пришли к шалашам, ток уже начался. Кругом раздавалась тетеревиная уркотня. Я и к шалашу не пошел. Витька вопреки осторожности направился к своему шалашу, всех поразогнал, и больше уже не прилетели. А ты вроде стрелял и не один раз? – обратился Воробей к Николаю.

– Да, стрелял. Трех штук убил, а четвертого живым поймал на шалаше.

– Вот это здорово, – сказал Витька. – А мы с тобой, Воробушек, даром сходили. Позавтракаем и пойдем в МТС, нам с тобой надо будет протопать еще семь километров. А ну, покажи!

Николай снял с плеча вещевой мешок, развязал и показал тетеревов. Витька с Воробьем широко заулыбались, говорили:

– Молодец!

На следующее утро на ток Николай не пошел. Витька с Воробьем ушли в час ночи. Принесли они по одному тетереву. Убили токовику, ток разогнали. Больше на том месте тока не стало, да и поблизости нигде не было. Николай несколько раз ходил и возвращался с пустыми руками. Только один раз повезло, убил одного, севшего на сосну, под которой находился шалаш.

Девятого мая, в День Победы, все население деревни собралось на излюбленное деревенское место, где встречали и провожали все праздники. Собрались старые и малые. Еще утром всем было известно, что кончилась война. Те, у кого с фронта было кого ждать, радовались. Говорили:

– Бог услышал нашу молитву. Сейчас придут наши, германцев, видно, совсем побили.

Те, кому некого было ждать, плакали об убитых, на душе у них тоже была радость, сквозь слезы они улыбались и говорили:

– Слава богу, война кончилась.

К обеду в деревню пришел инструктор райкома партии. Правый рукав шинели у него был пуст. Женщины тихонько говорили:

– Вот жизнь, ни одного целого мужчины не встретишь.

Он сделал доклад о победе нашей армии над гитлеровской Германией. Говорил более часа и в заключение произнес:

– Вечная память погибшим за честь и независимость нашей Родины.

После доклада председатель колхоза Пашка, обращаясь к народу, сказала:

– Конец войны – это очень радостная весть. Мы все рады и будем работать не покладая рук уже не на войну, а на благо нашего народа. Но дела в нашем колхозе идут из рук вон плохо. До сих пор мы еще не приступили к посевной, не спажано ни одного гектара, не посеяно ни одной сотки. Правда, осенью мы вспахали под зябь двадцать два гектара. Вручную мне запретили засеивать эту площадь, а тракторов не дают. Не вывезено ни одного грамма навоза под картошку, да и на чем возить. В колхозе одна непригодная для работы лошадь.

Никаких сил больше нет. Ну какой же я председатель – безграмотная баба. Выбрали меня на смех курам. Бабы, давайте переизбирайте меня. Вот Николай немного оправится, выберем его председателем. А то, чего доброго, возьмет и смотается из деревни, да еще вдобавок за собой какую-нибудь девку утащит. Сколько их уже приходило, месяц-два покантуются у родителей, то учиться, то работать уезжают.

Вы знаете, в деревне остались трудоспособны одни бабы, а остальные – старые да малые. Давайте, бабы, делать что в наших силах. Директор МТС Скурихин и разговаривать со мной не желает, говорит: «Ваши пески будут ворочать самыми последними».

Женщины, воспользовавшись паузой Пашки, заговорили все разом:

– Все будем делать, все. Если не дадут тракторов, на себе пахать будем.

Чуть поодаль стояли четыре старика. Старшему из них, Андрею Никулину, было 82 года. Ростиком он был маленький, но старик шустрый, его длинную бороду до сих пор почти не тронула седина. Он хорошо слышал и прекрасно видел. В колхозе со дня организации ни одного дня не работал. Когда колхоз организовался, ему было за семьдесят. Поэтому его никто на работу не приглашал. Колхоз Андрей Никулин называл коммуной, колхозников – безбожниками. Работать в колхозе считал большим грехом. Но без дела он сидеть не мог, плел лапти, пилил и колол дрова. Впрочем, по хозяйству для себя делал все.

Второй – Афоня Данилов, ему было 80 лет. Год назад старик ослеп. Люди ему казались какими-то теньями. Деревенские дома для него сливались в единый бесконечный забор.

Третий – Федор Матвеев, он считался самым грамотным мужиком на деревне. Отец с дядей когда-то оставили ему большое наследство – более двухсот ульев пчел, два дома и так далее. Получил он и образование – окончил гимназию и военное медицинское училище. С детства его не приучили работать физически. Он больше двадцати лет учительствовал. Учил детей в своем доме, отданном под школу. Медициной не занимался, не любил. Все нажитое отцом и дядей прожил. Вступил в колхоз, но почти не работал. Перед войной уехал из деревни на Урал. В 1942 году голод угнал его снова в деревню.

И четвертый – Алексанко, так его звала не только своя деревня, но и вся округа. Настоящее его имя Александр, отца он не помнил, воспитывался у отчима, а затем подростком взял его к себе дядя, чтобы обучить ремеслу. У дяди он вырос и жил до женитьбы. Они с Федором Матвеевичем были сверстники, им было по шестьдесят семь лет. Старик был шустрый, еще с допризывниками Витькой и Воробьем бегал на обгонки и на дистанции три километра прибегал первым. Старик еще заглядывался на женщин и крутил любовь с Марьей Тиминой. В колхозе он не отказывался ни от каких работ. Ремонтировал телеги и сани, конюшил. Он был кузнец, мельник и сторож.

Также Алексанко кормил колхозную лошадь в возрасте двадцати лет. Ноги у нее в коленных суставах не гнулись. Работать на ней было нельзя. Она часто падала, а сама встать не могла. Держали ее лишь потому, что в колхозе должна была быть хотя бы одна лошадь.

Еще Алексанко кормил колхозного быка, который до войны был производителем. В войну все коровы перевелись, и быка стали запрягать как лошадь. Надевали специально сделанный Алексанко хомут, седелку, дугу и так далее. Бык послушно возил сани, телегу, только не хотел таскать плуг и борону.

После председателя Пашки на середину площадки, где собрался народ, вышел Николай. Он кашлянул в кулак, наступила тишина.

– Товарищи колхозники, а вернее женщины, что будем делать? Хлеб, лен, мясо, молоко и картошка стране нужны как никогда. В городах рабочие и служащие получают скудный паек хлеба, пятьсот-шестьсот грамм и минимум жиров. Народ в городах голодает, да и вы невесело живете. Собираете на картофельном поле прошлогоднюю картошку, смешиваете с травой. Из этой смеси печете хлеб. Вам тоже трудно. Почти что каждой вашей семье война принесла горе. Не вернулся муж, брат, отец. Потерять близких горе очень большое, но с ним надо справляться. Вы не одни, на вашем иждивении остались старики и дети. Поэтому, засучив рукава, надо браться за работу, за землю. Надо поднимать всю землю, засеивать ее выгодными для нас культурами и добиваться получения максимума на трудодень.

Бабы тихонько перешептывались между собой:

– Смотрите, как война его наловчила. Раньше народу боялся, в ответ слова не добьешься, а сейчас целую речь закатил, как прокурор на суде. Надо, бабы, избирать его председателем. Человек свой, землю любит. А то райком грозит прислать кого-нибудь. Пришлют инвалида, остатки все пропьет, да еще и нас, вдовушек, будет в искушение вводить.

Снова заговорила Пашка:

– Вот ты, Николай, говоришь: «Давай за дело браться», а чем – подскажи. Скурихин тракторов не дает.

– Давайте сеять вручную. Алексанко нам эти двадцать два гектара зяби за три дня посеет, а мы на себе забороним.

Заговорил всегда молчавший дед Алексанко:

– Дак, говоришь, Скурихин наши земли называет «пески ворочать»? Да знает ли он, пузан, что наши земли до колхоза кормили деревню – сорок семей с населением до двухсот пятидесяти человек, восемьдесят лошадей, больше двухсот голов крупного рогатого скота, до

четырёхсот голов овец и коз, а сколько было свиней... А сейчас что осталось? Двадцать коров у колхозников, одна колхозная безногая лошадь и бык. Сенокосы все зарастают. Пахотные земли пустуют, заросли сорняками, а кое-где уже появляется береза и сосна. Если мер мы никаких принимать не будем, через десять лет наши поля превратятся в лес. Все мы помним, как мужики деревни делили эту землю между собой. За каждый вершок дрались. Сейчас голодаем, а нашу кормилицу забросили. Никому она стала не нужна.

Алексанко взмахнул правой рукой, как оратор, раскрыл рот, собирался еще что-то сказать, но раздумал, спрятался за стариков. Дед Андрей Никулин, опираясь на палку, стоял позади стариков. Казалось, он был безразличен ко всему окружающему. Смотрел полутусклым взглядом куда-то вдаль, в сторону от собравшихся.

– Правильно говорит Алексанко! – закричал он скороговоркой.

Все старики зашевелились и тоже говорили:

– Правильно, правильно!

– Ты, дед, не кричи, а выйди и скажи, что тебе не нравится, – сказала председатель.

Осмелевший дед вышел на середину площадки и глухо, срывающимся голосом заговорил:

– Что хотите со мной делайте, а я выскажу все, – голос его окреп, стал звонким. – Никого я не боюсь, ни Сталина, ни НКВД. Вначале советская власть любила мужика-труженика. Много она для нас сделала. Сменила нам деревянные сохи и бороны на железные. Продала мужику сеялки, молотилки, жатки, веялки, косилки. Все продавали дешево. Мужики, одному не под силу, покупали артельные на десять и больше хозяйств. Мужик голову поднял. Бедный да умный и трудолюбивый за три года креп и подospel к раскулачиванию. А потом, вы знаете, начиная с 1930 года, за два года всех мужиков разорили. Меня тоже в те времена называли кулаком. Отняли двух коров в коммунию. Двух лошадей покойный сын Николай увел и бросил на базаре. А в 1934 году, когда мы вступали в колхоз, были уже бедняки. Одна корова и одна лошадь остались на семью из одиннадцати человек. Лучшего мужика-труженика признали кулаком и выгнали из деревни.

– У тебя, дед, контрреволюционные разговоры, – сказал инструктор.

Женщины закричали:

– Пусть дед скажет, душу отведет. Все полегче ему станет.

Дед говорил, подбирая слова:

– Оставили на селе голь перекатную – Гришек, Мишек и Иванов, которые в своем хозяйстве не хотели работать. Чьи полосы не сжаты и не паханы стояли? Их. Чьи сенокосы не выкашивались? Их. Вот они все и записались в коммунию, все награбленное от богатых мужиков съели, и коммуния разбежалась кто в лес, кто по дрова. Перед войной все они уже в городе были. Стали и их заставлять работать.

– Тебе, дед, надо трибуну поставить для выступления, – смеялись бабы. – Смотрите, как стрижет всех.

– Вы, бабы, не смейтесь, я правду говорю, – говорил Андрей. – Я вот этими руками поля корчевал, да не только я, все корчевали. Пусть старики скажут, как тяжело нам каждый аршин земли доставался. Все делали топорами, лопатами и березовым дрыном. А вы, коммуния, эту землю отняли у нас, истощили, запустошили и совсем забросили. Я навозу столько вывозил в поле в былые времена, что вы всем колхозом ни один год не возили. Я его покупал в соседних деревнях и вывозил. А вам и вывезенный никакой пользы не давал. Возили больше зимой, складывали небольшими кучами. Он до запашки выветривался. После таяния снега вместо навоза оставалась куча сухой трухи. Бабы разгребали эти кучи по полю, да еще неделями сушили, ждали трактора. Какая от такого навоза польза? Вы все помните, кроме вот этих, – Андрей показал рукой на детей, – не так давно, пятнадцать-семнадцать лет тому назад, сколько деревня собирала хлеба? Государству сдавали, скот кормили и себе хватало. Как

ваш поганый колхоз организовали, не только государству перестали сдавать, но и сами ходили голодные. Не будет толку от вашего колхоза, вот умереть мне на этом месте. Вам никому ничего не надо, вы думаете каждый только о себе. В уборочную страду мы ночей не спали. Уходили в поле до восхода солнца и приходили после заката. Трактористы пахут глубоко. Весь плодородный слой нашей почвы закопали, как мертвеца, в могилу. Все маленькие участки еще далеко до войны забросили. Они уже заросли лесом. Вы только и умеете каждый день совещаться, решать, считать и спорить. Вот и досчитались до одного быка.

– Да тебя, дед, за такие слова могут упрятать, куда следует, – закричала Пашка.

– А твой муж Саня, ни пены, ни пузыря ему, царство ему небесное, если он жив, – сказал Андрей, – перед войной пятерых мужиков упрятал. Так все и сгинули. Они в колхозе-то пригодились бы. И меня сажайте, стреляйте. Я все равно последние дни на этом свете доживаю. Сноха меня хлебом из травы кормит, я его не ем. Умру, но в рот не возьму. Никогда не думал, что в глубокой старости придется умирать с голоду.

– Напрасно ты на него кричишь, Прасковья, дед Андрей правду говорит, – возразили колхозники. – Трудолюбивый дед всю жизнь трудился, не давая себе отдыха и покоя. В его хозяйстве с незапамятных времен были две рабочие лошади, а в отдельные годы и по две головы молодняка. Крупного рогатого скота с молодняком было до десяти голов. Овец – до двадцати штук. Ежегодно выкармливалось до десяти голов беконных свиней. Мяса хозяйство продавало до пятидесяти пудов в год. Семья же ела рожки да ножки. Все продавалось. А семья была все время большой, девять-десять человек. Семья жила только за счет земли, других побочных доходов не было. Но за услугами ни к кому не обращались. Для себя делали сани, телеги. Он плотник, кузнец и бондарь. Всю жизнь для семьи плел лапти и корзины. Без дела никогда не сидел. Всю жизнь, все время в работе.

Ходили по деревне и нехорошие слухи про Андрея, якобы в молодости жульничал. Топленое масло продавал с примешанной картошкой. Продавал мясо овец, задранных волками. Андрей всю жизнь держал в запасе водку. Многие утверждали, что в нее он добавлял воды. В деревне магазина не было, поэтому кое-кому приходилось брать взаймы. В этом он никому не отказывал.

Дед Андрей выступил перед собравшимися, перекрестился и, опираясь на палку, не спеша ушел домой.

– Вот старик, а душа-то болит о земле, – говорил инструктору райкома Николай Васин.

– Но взгляды-то у него кулацкие, и вообще-то он, по-видимому, из кулаков, – сказал инструктор.

– Какой он кулак, – в разговор вмешалась Пашка. – Всю жизнь в лаптях, домотканых штанах и рубахе. Всю жизнь жадничал, хранил на черный день. Семья цельного молока в праздничные дни не ела, не говоря о мясе.

Народ расходился по домам. На месте сходки остались председатель, бригадир Лида, Николай и инструктор. Инструктор спросил Николая:

– Ты намерен работать в колхозе?

– Да, пока до осени в колхозе, – ответил Николай, – а осенью попытаюсь поступить учиться. Если в сельхозинститут экзамены не сдам, пойду в техникум.

Инструктор посоветовал еще раз обратиться в МТС и пообещал позвонить Скурихину.

Идти в МТС выбор пал на Николая. На следующий день рано утром он ушел в МТС и вернулся уже вечером. Подошел к дому председателя, постучался в окно. Старая Николаевна, не открывая окна, ответила:

– Нет ее дома, пахут огород у Алексанко. Завтра, слава богу, наша очередь, пахать будут у нас.

Николай подумал: «В колхозе пахать им не на ком, у лошади ноги не гнутся, а личные огороды можно».

Придя на усад, Алексанко увидел живую картину «Бурлаки». Только бурлаками были шесть женщин во главе с председателем Пашкой, с загнутыми выше колен платьями, босиком, с растрепанными волосами. Только они тащили не баржу, а плуг. Обыкновенный однокорпусный конный плуг. К плугу умело были приспособлены постромки, к постромкам – три деревянных валька. В каждый валец упирались две женщины. Все шестером вместо лошади тащили плуг.

Алексанко грозно шествовал за плугом и покрикивал:

– А ну, бабы, жмите. Соня, Нина, Паша, айда быстрее.

Уставший за день ходьбы, забот и ожиданий начальства в МТС, Николай сел на лужайку возле двора. На сердце заскребли кошки. Ему стало до слез жаль этих деревенских тружениц, только во сне видевших хлеб. Вместо хлеба ели травяной горький суррогат. Отдавали последние силы и здоровье земле. Во имя земли, если бы это потребовалось, они не пожалели бы своих жизней. Он побоялся их спугнуть, оторвать от работы.

Женщины его увидели, на время прекратили работу. Почти разом все заговорили:

– Николай, иди сюда.

– Вот мы пашем и бороним, – заговорила председатель, – не только свои усады, но и в поле. В прошлый и позапрошлый год спыхали почти половину площади под картошку колхоза. Что выходил, рассказывай!

– Скурихин обещал послать завтра трактор, а через несколько дней еще один, – сказал Николай. – С нашими трактористами приедут, – хотел сказать, «твой Воробей», но вовремя спохватился, – Борис и Витька.

– Да что он? Спятил? Посылает пацанов. А знаешь ли, какой у них трактор? – почти кричала Пашка. – Латаный-перелатаный. Только и знают, что ремонтируют. Это он просто издевается над нашим колхозом.

– Ты, Прасковья, не кричи и не переживай. Я говорил с бригадиром Филиппом Тихоновым, он их хвалит. Хочет сам приехать с другим трактором. Скурихин говорил, что наш колхоз еще за прошлый год не рассчитался с МТС. Семена тоже обещают привезти. Я просил еще семян льна. Он сказал: «Чего нет, того нет, помочь не могу».

– А ну, бабы, впряглись, поехали, – сказал Алексанко.

– Да ты погоди. Дай им отдохнуть, – с злостью крикнул Николай. – Посмотри, они с ног до головы от поту мокрые, платья-то как после дождя.

– Некогда годить, – ответил Алексанко. – Скоро ночь, уже заходит солнце. Ночью отдохнут, мужиков нет, беспокоить некому.

Женщины захохотали.

– А ты к нам приходи, – сказала Пашка. – Вот и побеспокоишь.

Алексанко одной рукой разгладил бороду, другой подтянул осевшие вниз штаны, широко заулыбался. Глядел на раскрасневшуюся, потную, с распущенными волосами Пашку. Думал, что неплохо бы и сходить, но ответил:

– Эх, если бы годков десять скинуть.

– Брось прибедняться, – заговорили женщины, – ведь к Марье-то Тиминой ходишь.

Алексанко серьезно ответил:

– Хожу. А знаете зачем? Пить чай.

Женщины снова захохотали. Все разом заговорили:

– Знаем мы эти чаи.

Алексанко повелительно, как на подчиненных, крикнул:

– Впрягайтесь, поехали.

И женщины потащили плуг.

Николай, улыбаясь, вдогонку кричал:

– Алексанко, ты кнут возьми, быстрее дело пойдет.

Так они после колхозной работы пахали свои участки. Военный голод многих заставил вернуться в деревню и заняться не колхозной, а личной землей. Население деревни, включая старых и малых, трудилось на своих участках. Копали лопатами, боронили железными граблями, садили овощи и картошку, сеяли ячмень. Немногие пахали плугом, опять же на себе. На картофельном поле с невыкопанной прошлогодней колхозной картошкой целыми днями паслись старики и дети, выбирая клубни, превратившиеся в кусочек белого вещества, похожего на крахмал. Это вещество добавляли к мелко изрезанной траве и пекли хлеб. Этим хлебом деревня жила.

Скурихин не обманул, послал сразу оба трактора. С тракторами приехал и бригадир Филипп Тихонов. Для питания трактористов председатель поручила забить овцу и выпечь хлеб. Алексанко точил нож и возмущался:

– Где это видано, весной заставляют забивать тощую овечку. Бедная кое-как пережила зиму, не поспела еще по-настоящему отогреться на солнышке, и ягнята-то еще не подросли.

– Ты не возмущайся, а делай, – говорила Пашка. – Любое дело поручи, сначала наговоришься, а потом выполнишь.

Сам Алексанко радовался: поручили снова ему, а не кому-то другому. Колхоз без него, как без председателя, обходиться не мог.

Трактора поставили на ближние участки поля рядом с деревней. Круглые сутки раздавался гул моторов. Работа спорилась, Пашкины опасения не оправдались. Трактора не ломались, трактористы старались работать хорошо. Правление колхоза поручило Николаю вместе с бригадиром Лидой подобрать участки под посевы, замерить и составить план. Счетовода в колхозе не было, считать нечего. Обязанности счетовода выполняла Лида.

Николай ходил по заросшим сорняками полям, по давно не кошенным сенокосам колхоза и думал: «Война, сколько же бед ты натворила. Унесла, искалечила и похоронила почти всех мужиков и парней деревни. Работать стало некому, хозяйство осиротело. Даже личного скота во всей деревне осталось двадцать коров. Собаки и те стали редкостью. В лесу расплодились стаи голодных волков».

Он представлял, какой ужас они наводили на женщин и детей своим воем в осенние темные ночи, подходя близко к деревне.

Николай размышлял: «Годы рука пахаря не притрагивалась ко многим пахотным землям. Трактора пахали только участки с длинными гонами, более плодородные. От всей этой картины замирало сердце. Прав старик Андрей, он всю правду сказал. Сейчас, говорят, дышит на ладан, скоро умрет. Есть травяной хлеб отказывается, а хорошего нет. Ведь на моей памяти, а я доживаю двадцать седьмой год, мужики бережно относились к каждому квадратному метру этой земли. Они считали ее кормилицей всех домашних животных и человека. А как ее делили».

Николай хорошо помнил, как все мужики собирались на сходку, считали все живые человеческие души, тянули жребий, с кого начинать в каждом поле первую от деревни полосу. Деловые разговоры нередко переходили в шум и крик, дело доходило до драки. Все разногласия деревенская община улаживала, мужики расходились по домам. Обиженные ночами не спали в заботах о своем хозяйстве, семье. Сходки собирались ежедневно. Со сходок выходили в поле, ставили вешки, вбивали колышки и мерили с точностью до вершка. Делили все: неплодородные пески и покосы с аршинным и сплошным кочкарником. После дележа одни радовались удаче, другие были огорчены. Хорошо удобренные земли переходили другому. А ему самому доставались земли лодыря, деревенского тунеядца. На этих супесчаных и песчаных землях мужики не знали себе покоя. Работали круглый год не покладая рук, и многие добивались отличных результатов. Осенью их сусеки наполнялись до отказа отборным зерном. Мужик отдыхал только в праздники и то условно. Надо было кормить скот, а его было много.

«А сейчас пришли к финишу, – думал Николай. – Женщины, впрягаясь в плуг, пашут. Трудное время, тяжелое время. Народ голодный, вместо хлеба едят черт знает что. В хорошие

времена свиньи не стали бы есть то, что сейчас люди едят. Да тут еще и понять трудно, скоро не разберешься. Осенью осталось более трех гектаров невыкопанной картошки. Почему бы ее исполу не выкопать, если нет сил в колхозе. Народ был бы сыт, и колхоз от этого какую-то пользу имел бы. Копали бы ее все – старые и малые. Так нет, как собаки на сене. Ни себе, ни людям, ни государству. Пусть гибнет, но не тронь. Такое указание из района. Ведь в колхозах с первого дня войны работают бесплатно. За трудодень ставят палочки. Был на работе – молодец, не вышел – саботажник. Ну и порядки, кто их только придумал. Война кончилась, оставшиеся в живых скоро придут домой. Будем работать и устанавливать свои порядки. В первую очередь забота о многострадальном народе. Жизнь скоро наладится, будет все для народа», – так он думал, так его учила партия.

Завершили посевную и посадили картошку. Колхозники засадили и засеяли свои огороды.

Николая вызвали в город в райком партии. Принял его первый секретарь Смирнов. Смирнов спросил, где и в каких частях воевал, где был ранен. Николай коротко рассказал. Война застала его на границе в Молдавии. Служил Николай в пограничных войсках. Отступал до самого Сталинграда. Затем гнали немцев и румын. Три раза был ранен. После третьего ранения демобилизовался из армии.

– Мне говорили, что ты любишь землю и собираешься работать в колхозе.

– Пока да! – ответил Николай.

– Откровенно, я боюсь, будет ли отдача от ваших лесных земель. Сумеет ли мы их поднять, – говорил Смирнов. – Земля больше пяти лет не видела удобрений, а отдельные участки более десяти. Она не окупает затрат, на отдельных площадях семян не собирают. Колхоз большой должник государству. Давно коммунист?

– С 1942 года. Наши земли, товарищ Смирнов, тоже хорошие, – Николаю казалось, что откуда-то глухо доносятся слова уже покойного деда Андрея. – Наша земля была хорошей. Она не один век кормила наших мужиков. Наши колхозники ее восстановят. Народ хочет работать, но пока не за что зацепиться. Нет ничего, ни кола, ни двора, как раньше говорили. Ни коров, ни лошадей, скотные дворы пусты. Все общественное животноводство состоит из шестидесяти двух голов овец. На днях у нас умер один старик. На кладбище за семь километров отвезти было не на чем. Выпросили лошадь в соседнем колхозе.

– Мне нравится твоя настойчивость и принципиальность коммуниста. Мы хотим рекомендовать тебя председателем вашего колхоза. Будем помогать. Уговорю кое-кого, дадим ссуду на приобретение крупного рогатого скота и лошадей. Как ты на это смотришь?

– Не знаю, – сказал Николай. – Пока ничего не могу обещать. Да притом осенью собираюсь поехать учиться. Думаю поступить в сельхозинститут.

– Поступай на заочное, – порекомендовал Смирнов. – Поступить мы тебе поможем. Напишем направление от райкома партии. Считай, что поступил. Будешь работать и учиться. Твое согласие – и через несколько дней вышлю представителя райкома для рекомендации тебя председателем.

– Согласен, – сказал Николай. – Буду надеяться на вашу помощь.

Через неделю Николая единогласно избрали председателем колхоза. Смирнов не обманул. С его помощью колхоз получил ссуду. Купили восемь коров, трех лошадей и двух свиноматок. Работа в колхозе закипела. Возили навоз, ремонтировали скотные дворы, готовились к сенокосу. Возвращались в деревню и демобилизованные, правда, нестроевики, но рады были и им.

От имени фронтовиков колхоза Николай написал письмо маршалу Рокоссовскому. Правление колхоза просило оказать возможную помощь. Если можно, передать автомашину и несколько лошадей. Коротко описал, в каком состоянии находилось хозяйство.

Рокоссовский ответил быстро. Правление колхоза получило письмо в правительственном конверте за подписью самого маршала. Он выделил колхозу четырех списанных из армии лошадей и одну автомашину ЗИС-5. Просил немедленно выслать представителя с доверенностью. Через десять дней после получения письма в колхозе появились еще четыре лошади и автомашина. Пригнали их солдаты. Народ деревни воспрянул.

– Больше не будем на себе пахать, – говорили колхозники. – Молодец, председатель.

Работа кипела ключом, работали старые и малые. Надвигалась пора сенокоса. Готовили косы и грабли. Алексанко не вылезал из кузницы. Ремонтировал давно заброшенные телеги и колеса. Правда, кузнец он был ненастоящий, хотя любил похвалиться кузнечным ремеслом. Делал все грубо, с помощью Витьки. С ним они были неразлучные друзья. Возвращаясь с работы, Витька сначала заходил к Алексанко, а затем уже шел домой. Надо сказать, оба они были браконьеры. Ставили петли на лосей. Витька приносил с МТС проволоки, а Алексанко делал петли. Лоси им не попадались – или они неправильно делали петли, или не умели ставить. На охоту часто ходили вместе.

Алексанко с ружьем не расставался, но стрелять боялся. Ружье у него было куплено еще в 1930 году, одноствольное, переломка. Било оно хорошо. Если взглянуть в ствол, то он походил на дымогарную трубу. Ружье Алексанко никогда не чистил. Ложа ружья в нескольких местах была расколота, скреплена винтами и гвоздями.

Стрелял Алексанко только с приклада. Один раз выстрелил в зайца. Тот сидел, приподняв передние лапки, и крутил головой. Выстрел раздался, заяц, издав предсмертный крик, сделал прыжок и рухнул. Во время выстрела ружье переломилось. Дробь улетела в зайца, а патрон назад в Алексанко. Хорошо, что голова у него была за пнем и выдавался только верх шапки. Голова осталась невредима, пострадала немножко шапка. Витька ружье сносил в МТС и отремонтировал.

На тетеревов и рябчиков Алексанко ставил петли. Их у него было наставлено больше двух десятков. Поэтому каждое утро еще до восхода солнца он отправлялся на проверку петель, прихватывая иногда с собой Витьку, и приносил домой по одной-две птицы. Витька ходить ленился, просыпал. Если Алексанко попадались две-три птицы, то одну он приносил Витьке домой. Говорил:

– Можно бы еще парочку застрелить, да только зачем. На сегодня нам хватит, а завтра бог даст опять.

Воробья они с собой не брали, а если ненароком навяжется, не отказывали. Витька и Воробей работали вместе, но Витька его не любил. Отец Воробья, Саня Мироносицын, посадил перед самой войной отца Витьки. Всего посадил пять мужиков в возрасте от 55 до 62 лет. Самых коренных рабочих колхоза. Написал на них донос, что они недовольны советской властью, колхозом, имеют винтовки и пулемет и так далее.

Отец Витьки, Иван, участвовал при штурме Зимнего дворца. Воевал в Красной Армии с момента ее организации. Имел похвальные грамоты, за боевые заслуги был награжден именными часами. Не поверили ничему. Поверили доносу и упрятали.

Саня Мироносицын тогда посадил даже своего родного дядю, мужика умного и трудолюбивого, колхозного пчеловода, лишь за то, что тот его медом досыта накормил, просил домой – не дал.

Все пятеро еще в 1942 году умерли в лагерях особого режима.

Витька отца очень любил и жалел.

– Но что поделаешь, знать, судьба, – говорил он.

Семь раз приезжали с обыском. Искали винтовки и пулемет. На глубину до метра всю землю проштыковали на усадьбе и во дворе. Чего не было – не найдешь.

Витька Воробья хотя и не любил, но и не обижал, а иногда за него и заступался. Думал: «А причем тут Воробей. Сын за отца не ответчик».

Дни шли, травы начинали цвести, наступил сенокос. Колхозников распределили по звеньям. Каждому звену дали план и наметили участки, где косить. Решили выйти косить в понедельник. Говорили:

– Понедельник – легкий день.

В пятницу вечером на два дня пришел Витька. Работали все в двадцати километрах от деревни. Там Витька встретил Николая.

– Ну, как дела? – спросил Николай.

– Хорошо, – ответил Витька. – Завтра собираюсь на рыбалку. Надо Алексанко уговорить. У него есть небольшой бредень. Бережет его как реликвию. Если сам не пойдет, то и бредня не даст.

– Дело ты придумал, Витька, – сказал Николай. – Пойдем вместе, будем уговаривать. Я тоже с вами схожу. Надо отдохнуть и хотя бы на время забыться.

Алексанко находился в кузнице и усердно отбивал дробь маленьким молотком по наковальне.

– Что-то кует, – сказал Витька. – Не иначе как кинжал. На днях бабы видели медведя на писаревских покосах, а может и врут. Вот он и решил вооружиться.

Когда подошли к кузнице, все стихло. Алексанко, разглаживая бороду, вышел навстречу.

– Ты что ковал? – спросил Николай.

– Ничего не ковал, – ответил Алексанко.

– Но ведь мы не глухие, слышали.

Алексанко сделал виноватую физиономию, ответил:

– Хотел сделать рогатину.

– Уж не на медведя ли ты собрался? – улыбаясь, проговорил Витька.

– А там видно будет, – уклончиво ответил Алексанко.

– Мы пришли пригласить тебя завтра на рыбалку, – сказал Витька. – Пойдем после обеда с ночлегом. Захватим твой бредень и удочки.

– Ночью комары нас зажрут, – сказал Алексанко, – и мне что-то не хочется. Дел много, надо пчел проверить, крыша над двором течет, залатать требует.

– Да ладно ты, не обижай нас, – сказал Витька, – я несу литр водки из села. Уху сварим, выпьем. Отдых будет на все пять.

Старик любил на досуге выпить, поэтому, улыбаясь, ответил:

– Семь бед – один ответ, пошли.

– Может, ружьишко с собой прихватить?

– Не надо, – сказал Николай. – Для чего лишнюю тяжесть тащить?

В субботу в два часа дня, но за огородами деревни, избегая любопытных глаз, пошли на Боковую. Небольшая река с маленьким до двух метров руслом и омутами текла, казалось, оврагом, поросшим громадными елями. С обеих сторон на десятки километров простирался лес.

Бреднем Витька с Николаем наловили рыбы. Алексанко сделал шалаш и развел костер. Сварили уху, вкусную, душистую. Выпили, поговорили и легли спать.

Ночью Алексанко их разбудил. Говорить он боялся, толкал того и другого в бока и шептал:

– Кто-то рядом с шалашом ходит, а у нас и ружья нет.

Витька первым вылез из шалаша. Почти рядом, у омута, стояли два лося, а третий по пузо в воде ходил по омуту, что-то искал. Витька крикнул:

– Лоси, убежали!

– Ну и трус же ты, Алексанко, – сказал Витька и, не дожидаясь ответа, полез в шалаш.

Алексанко виновато, что-то бормоча в оправдание, полез за Витькой. Николай отошел от шалаша и сел на старый полугнилой пенек.

Наступал ранний июньский рассвет. Лес начинал просыпаться. На горизонте северо-востока чуть алели первые отблески зари. Где-то на покосе за омутом трещал коростель. В кроне высокой раскидистой ели пел соловей. Невдалеке в бору закаркала ворона. Ей откликнулась подруга. Закуковала кукушка, три раза прокричала и раздумала, затихла. Рядом в омуте раздался утиный голос.

Весь пернатый мир просыпался. Для всех начинался хлопотливый длинный летний день.

Кричал черный дятел, по-местному «желна». Близился восход солнца. Проворные синички в поисках гусениц и бабочек бегали по стволу столетней ели, заросшей, как бородой, лишайниками. В небе бездумно парил коршун, высматривая добычу. То он висел на одном месте, то стремительно кидался вниз, но, по-видимому, добыча исчезла, и он снова висел в изумрудно-чистом утреннем воздухе.

Николай думал, как же сложна жизнь на земле. Коршун в его представлении был похож на немецкую раму, которая тоже выслеживала жертву, опускала свои смертоносные щупальца на землю и сосала человеческую кровь.

Коршун камнем бросился на землю и больше не поднимался. Он поймал жертву и, расправляясь с ней, завтракал.

Какое прекрасное утро! Солнце поднималось из-за леса, наполняло своим живительным теплом все лесное пространство. Как хорошо дышать полной грудью, не думать ни о чем. Смотреть на окружающую лесную среду.

– Николай, гляди, – закричал Алексанко. – Какая здоровенная щука!

Размечтавшийся, зачарованный природой Николай не видел, как Алексанко вылез из шалаша. Он стоял на краю большого омута и смотрел в воду. Николай подошел и спросил:

– Ну, где твоя щука?

– Так она тебя ждать и будет, – улыбаясь, ответил Алексанко. – По-видимому, где-то под корягой завтракает.

– Ты давно наблюдаешь за омутом? – спросил Николай.

– Не наблюдаю, а рыбу ловлю, – ответил он.

– Да чем же ты ловишь? – удивленно спросил Николай.

– Вот, смотри, – ответил Алексанко, вытаскивая из воды длинный волосяной шнур с прикрепленными к нему крючками. Два небольших окуня и одна плотвичка повисли в воздухе. Казалось, что они догоняли шнур. Летели за ним из воды. Алексанко наживил на крючки червей и снова забросил шнур в омут.

– Надо сходить Витьку разбудить. Парень любит поспать, проспиг до обеда, – сказал Алексанко.

– Не надо, не буди, пусть спит, – ответил Николай. – В воду с бреднем лезть еще рано, холодно. Солнце хорошо обогреет – разбудим. Давай лучше вскипятим воды с брусничником и смородиным листом, чайку попьем.

Алексанко нарубил сухих дров, развел костер, повесил котелок с водой. Николай принес смородинного листа, цветов зверобоя и листьев брусники. Все бросил в котелок.

– Скажи, для чего ты делаешь рогатину?

– Как для чего? – удивленно переспросил Алексанко. – Ясное дело, чтобы пойти на медведя. У меня на писаревских покосах, где бабы медведя видели, висят на елях двенадцать долбленных колод с пчелами. Он, негодный, в прошлый год с двумя расправился. Остальные я спас колючей проволокой. Сделал из нее ограждение вокруг каждой колоды.

– При чем тут рогатина? – спросил Николай.

– Как при чем? – ответил Алексанко. – А ежели я приду проверить пчел, а он там.

– Но у тебя же ружье есть, – сказал Николай.

– Рогатина надежнее ружья, – последовал ответ.

Витька проснулся сам. Вылез из шалаша, дрожал, как в лихорадке. Подошел к костру, протягивая к огню широкие ладони.

– Ты словно дрожи продаешь, – пошутил Николай.

– Холодно, – ответил Витька.

– Пей чай, согреешься, – порекомендовал Алексанко. Зачерпнул ему из котелка литровую кружку кипящей воды. Витька, обжигаясь, выпил, сказал:

– Вот и нагрелся.

До обеда ловили рыбу, купались. Сварили на обед уху, пообедали. Домой возвратились с богатым уловом. Жена Алексанко, Егоровна, в воскресенье пекла рыбные пироги. Старики очень их любили.

В понедельник вышли косить еще с восходом солнца. По росе косить было прохладно и легко, Трава мягкая, коская. Косы, коса, пока роса, говорили женщины. Николай сам возглавил одно звено. Женщинам точил косы и шел за жоака. Женщины не отставали, за ним следовала Пашка Мироносицына и кричала:

– Побереги пятки и силу, жениться, наверно, скоро будешь.

Соседнее звено возглавила бригадир Лида.

Закружил Лиде голову солдат, пригнавший автомашину в колхоз. Он писал ей по два письма в неделю. Вначале Лида не отвечала. Затем, как долг вежливости, стала реденько писать ответы. Через месяц уже отвечала на каждое письмо. А если долго письма не было, переживала, ждала, думала, не разлюбил ли. Сама не ожидая, посредством писем влюбилась. Правда, об этом никому не говорила, но народ от письмоносеца все знал. В деревне разносчики всех вестей – письмоносецы, сплетницы и нищие. От них ничего не скроешь. Все они видят, все они знают.

Косы у Лиды в звене точил Алексанко и тоже косил, но тянулся позади всех, в хвосте, далеко отставая. Женщины отпускали в его адрес острые шуточки.

– Если бы с нами косила Марья Тимина, от нее ни на шаг бы не отстал. Когда к ней идет, словно ефрейтор, голову высоко держит, грудь вперед. Ноги строевой шаг отбивают.

Алексанко молчал, колкости пропускал мимо ушей, как будто разговор вели о ком-то другом. Он хорошо знал золотое правило: перед бабами не оправдывайся, в спор не вступай – засмеют, нигде не дадут прохода. Притом порученное председателем дело – точить косы – считал очень важным. Поэтому наточит косу, скажет: «Остра, как бритва», осторожно положит рядом с собой в сторону хозяйки, улыбнется и берет следующую.

– А все-таки ты счастливый человек, Алексанко, – сказала бригадир Лида на очередном привале. – У тебя все три сына остались живы. Беда тебя обошла. Правда, средний Устин пришел израненный, хромой. Да он и дома-то у тебя был десять дней, уехал учиться. Хромает сильно, но нога-то у него своя. Пройдет время, поправится, будет бегом бегать.

Алексанко отложил косу в сторону, на сей раз молча, не сказал: «Остра, как бритва». Взял в руки следующую, внимательно осмотрел лезвие и бросил серьезный взгляд на Лиду, чуть заикаясь, сказал:

– Ты ничего не знаешь, а говоришь. Какой из Устина жилец? Еле-еле душа в теле. Три раза был ранен. В нем уже и крови-то своей нет, вся влитая. Шутка сказать, удален тазобедренный сустав.

Алексанко протянул к Лиде руку, чтобы показать, где находится тазобедренный сустав. Та быстро встала и отошла, села чуть подальше. Женщины захохотали.

– Я сказал бы тебе наедине, – продолжал Алексанко. – Здесь говорить не могу, народу много. Он ведь на низкий табурет не сядет, ему нельзя. Представь себе, нога не гнется во всех трех суставах. Если положить его на землю на спину, ему на ноги не встать. Сидеть нельзя, стоять тоже. Что он за человек? Худуший, кожа да кости. Еще перенес какую-то гангрену, по-нашему заражение крови. Сколько парень муки принял. Самое главное, я от него большего ожидал. Помните, в августе 1941 года приходил на два дня в отпуск в деревню, после первого

ранения. Какой был красавец, старший лейтенант. Еще в то время командовал батальоном. В то время я думал, быть ему генералом.

– Ух ты, куда хватил, – заговорили женщины.

– Уехал тогда на фронт, – продолжал Алексанко. – Словно в воду канул. Через два месяца похоронную получили и письмо от полковника. Полковник писал, что наш сын погиб на его глазах, но похоронить с почестями не удалось. Немцы заняли территорию, и им пришлось отступить. Мы со старухой оплакали его. Тогда почти в каждую семью письмоносец приносила похоронные. Горе было в каждом доме.

Через два месяца после похоронной получаем от сына открытку с несколькими словами: «Жив-здоров, обо мне не беспокойтесь. Все хорошо». Старуха зажгла свечи перед образами, долго молилась, пока не прошептала все молитвы. Хорошо, что она не больше одного куплета в каждой молитве знает, а то хватило бы ей на день. Она говорила: «Наш Устин воскрес». Я ей говорю: «Он же не Иисус Христос. Вдолбила себе в голову «воскрес». Ну, думаю, хорошо, что ненароком его в отпуск не пустили. Отправил бы он нас тогда в психлечебницу, а то и на тот свет. Мы же его покойником считали.

Получили от него еще два письма и опять ни слуху ни духу. Я поехал в военкомат, а там мне вручили другую похоронную. Сам военком пригласил меня в кабинет. Назвал меня по имени и отчеству, сказал: «Ваш сын, капитан, пал смертью храбрых. Мы, его земляки, гордимся его мужеством и подвигами». Я подумал: «Вот если бы ты пал смертью храбрых, я гордился бы, а сына жаль». Вместо гордости долго мы со старухой оплакивали его. Я ходил в город в церковь, отслужил по нему три панихиды. Больше не ждал, что воскреснет.

Через полгода от него снова такая же открыточка. Снова пишет: «Жив-здоров, все хорошо». Вот тут уже меня зло взяло. Думаю: «Какой ты каналья, над стариками издеваешься. Вот я напишу тебе такое письмо». А писать было некуда. На открытке обратного адреса не было. Старуха снова помолилась Богу и сказала: «Воскрес из мертвых».

Через два месяца стали регулярно два раза в месяц получать от него письма. Дождались, пришел домой в старой полугнилой шинели, побелевшей от времени гимнастерке и брюках, да и подпоясан был брезентовым ремнем. Погоны не надевал, неудобно. Он ведь вернулся, только подумать, старшиной.

– Ты его спрашивал, как это произошло? – спросила Лида.

– Много раз заводил разговоры на эту тему. Смеется, говорит: «А тебе не все равно. На войне всякое бывает, сегодня генерал, а завтра рядовой». Ему-то все равно, а мне как. Ты, Лида, говорят, замуж выходишь, – в заключение сказал Алексанко. – Он тебя письмами сватает.

Лицо Лиды покраснело, вместо ответа она громко сказала:

– Пошли, бабы, еще разик пройдем и домой пойдем.

Погода для сенокоса стояла прекрасная. На летнем голубом небе не было ни одного облака. Работа спорилась. За две недели установленный колхозом план на заготовку сена перевыполнили в два раза. Озимые и яровые обещали быть хорошими. Народ удивлялся стойкости земли. Больше десяти лет не видала удобрений. Старухи говорили, что бедная земля отдает последние соки.

Рожь наливалась, а влаги в почве было недостаточно, дождя давно не было. Старухи молились Богу, просили дождя. Николай тоже часто смотрел на уходящий за лес горизонт и ждал появления облаков. Народ собрался делить сенокосы для личного скота. Травы было еще целое море. Лесные сенокосы никто косить не хотел. Все надеялись на полевые.

У собравшихся попросил слово Алексанко. Все в недоумении смотрели на него и думали, что он скажет. Он вышел на середину площадки, правой рукой разгладил бороду, громко произнес:

– Дождя-то все нет и нет. Может быть, мне съездить за попом в город? Если председатель разрешит автомашину, мигом слетаю. Отслужим молебен, по полю с иконами пройдем, побрызжем святой водой и, как пить дать, Бог дождика пошлет.

Молодые захохотали. Пожилые и старики кричали, что дело придумал, надо послать.

– Граждане, тише! – крикнул Николай. – Ты, старый хрен, больше ничего придумать не мог. Увидел шофера и вспомнил, что тебе надо поехать в город. Решил прокатиться на колхозной автомашине и начал воду мутить.

Алексанко виновато ответил:

– Да нет, в город мне не нужно. Если только по пути сноху из города захватить. Она женщина сильная, помогла бы косить.

Николай собирался отругать его по всем правилам. В это время к Алексанко подошла письмоносец и отдала ему письмо. Бабы закричали:

– Напрасно отдала. Надо было заставить его, старого, поплясать.

Алексанко стоял растерянный, глядел на конверт. Руки у него тряслись. Николай уже без злобы подошел к нему и спросил:

– Что с тобой?

– Чую что-то неладное. Это почерк не моих парней.

Николай взял из его рук письмо, разорвал конверт и прочитал:

– Твой сын, Степан, 20 июня 1945 года в схватке с бандеровцами в Ужгороде погиб смертью храбрых.

Алексанко побледнел, опустил низко голову. Взял письмо из рук Николая, пошел домой. Походка его резко изменилась. Он стал походить на дряхлого столетнего старика. Через несколько минут в его доме раздались рыдания и причитания Егоровны. Он молчал, но из глаз его текли слезы. Текли они по щекам, застревали и оседали в бороде. До позднего вечера он сидел в одном положении, вспоминая образ своего любимого младшего сына – красавца, гармониста, любимчика всей деревни, не по годовому серьезного. Егоровна, не переставая, ревела до хрипоты.

Многие женщины плакали, вспоминая своих погибших, и говорили:

– Какое несчастье, война-то уже кончилась.

Чему быть, того не миновать. И его семью беда не обошла. Степана в армию в пограничные войска призвали за год до войны. Служил на финской границе, где-то недалеко от Кандалакши. Воевал с финнами, два раза был ранен. В апреле 1945 года их часть с Севера перебросили в Западную Украину для борьбы с бандами Бандеры.

Сенокос поделили, люди косили для себя. Алексанко косить не начинал. Чтобы утопить свое горе, он купил водки и отправился на пасеку на писаревские покосы, где на громадных елях висели его долбленки с пчелами. Пасеку уже посетил медведь. Не удержала косолапый и колючая проволока. Медведь разорил две семьи пчел. «Беда следует за бедой, – думал Алексанко. – Но на тебя-то, любителя меда, я найду управу». На ели он сделал шалаш на высоте трех метров от земли. Засел на ночь, прихватив с собой ружье и рогатину. Медведь появился за полночь. «Навадился, обжора, – подумал Алексанко. – Сейчас разорит всю пасеку». Трудно сказать, что с ним творилось, однако набрался мужества и выстрелил, но куда – только ему самому было известно. Медведь струсил и убежал.

Алексанко еще далеко до рассвета прибежал в деревню. Домой не пошел, не хотел расстраивать Егоровну, а разбудил Витьку и поделился с ним своей бедой. Витька рассказал ему историю, только вчера услышанную от одного солдата, с которым ждали попутную автомашину. Солдат говорил, что медведя на пасеке можно поймать. Напоить его до потери сознания медом, смешанным со спиртом.

– Давай попробуем, – сказал Витька. – Чего мы с тобой теряем? Если медведь откажется пить, сами выпьем.

– А где взять спирт? – спросил Алексанко.

– Я попробую достать, – ответил Витька. – У меня есть один знакомый в городе. Он меня раза три угощал спиртом.

– А сколько он, косолапый, выпьет? – снова спросил Алексанко.

– Вот этого я тебе не скажу, – смеясь, ответил Витька. – Но думаю, что больше трех литров водки не выдержит. Двух литров спирта вполне будет достаточно. Я сейчас пойду.

– Но ведь ты пешком долго проходишь. Давай в колхозе попросим лошадь, – посоветовал Алексанко. – Верхом быстро съездишь.

– Надо спрашивать Николая, а он спит, – сказал Витька. – Я лучше до МТС пешком дойду, а там у ребят попрошу велосипед. Быстро скатаю, к обеду жди. Готовь рамки с сотами, желательнее свежими, и улей.

Вернулся Витька к обеду, привез два литра спирта. Алексанко выпросил в колхозе лошадь, погрузил на телегу улей. С Витькой уехали на писаревские покосы. Там они смешали мед со спиртом, в каких пропорциях – секретов не обнародовали. Смесь заливали в соты и ставили в улей. Они говорили, что сами не пили, но пчел угощали. Однако Витька домой пришел веселый и с песнями.

В два часа ночи они ушли с ружьями на пасеку. Еще издали увидели, что улей лежал на боку с брошенной крышкой. Кругом валялись рамки с выеденными сотами. Но медведя было не видно.

Витька возмущался:

– Попьянствовал на славу! Выпил весь спирт с медом, закусил сотами и восвосяи утопал. Ночевать на пасеке не остался. Сейчас хрен его найдешь. Спит где-нибудь на мягкой куче хвороста и видит веселый сон.

Алексанко, как сыщик, крадучись, осторожно ступая, шел по опушке леса и осматривался. Вдруг он резко остановился и негромко крикнул:

– Витька, медведь под елью лежит!

– Не шуми, а то разбудишь, – ответил Витька.

Медведь спал под раскидистой елью, прижавшись к толстому стволу. Бурый ствол ели и окраска медведя сливались во что-то единое.

– А спит словно человек, даже тихо храпит, – сказал Алексанко. – Жалко будить прохвоста.

Они сделали ему из цепи ошейник и намордник, надели и привязали цепью к ели, под которой он спал. Связали цепями задние и передние лапы. Витька все это делал надежно и искусно, применяя захваченные им болты и гайки с шайбами.

Целые сутки лесной бродяга спал. Алексанко не хотелось его будить: пусть сам проснется. Когда медведь проснулся и хотел потянуться, ему что-то помешало. По-видимому, подумал, что с похмелья ноги онемели. Начал рот раскрывать – не раскрывается. Открыл глаза и попытался встать. Зазвенели цепи, и тогда он понял, что связан. Грозно заревел на всю округу, пытаясь освободиться. Но не тут-то было. Алексанко подошел к медведю, наставил ствол ружья в голову и закричал, представляя, что медведь понимает его:

– Что, бродяга, попался? Медком решил полакомиться? За твои проделки надо бы с тебя с живого шкуру снять, но я не немец, не могу. Вот если бы тебя живым можно было кому продать. Даром бы отдал, чтобы жизнь твою сохранить.

Витька убежал в деревню за лошадью. Алексанко долго еще разговаривал с медведем. Тот рычал, ревел и свирепо смотрел.

На лошади приехали Витька и Николай. Николай не верил, что медведя поймали живым, и решил ехать сам. Лошадь, еще за пятьдесят метров чуя косолапого, при всех мерах принуждения отказалась подъезжать ближе. Изю всех сил рвалась убежать. Пришлось Николаю с Витькой ехать, не погрузив медведя.

К вечеру сколько поместилось приехали на автомашине. Зверя занесли на носилках в кузов и уложили на сено. Нашлись добрые люди, кто-то позвонил в город и сообщил, что пойман большой живой медведь. Из города пришла телеграмма: «Медведя не убивать, доставить живым!» Председатель колхоза ругался, проклинал Алексанко с Витькой и медведя. Говорил:

– Вот несчастье на мою голову свалилось. Определенно заставят его в Киров отвозить.

Так оно и случилось. На автомашине колхоза медведя увезли в Киров в зоопарк. Витька и Алексанко ходили героями. Они говорили, что Витька поймал медведя, а Алексанко быстро заковал его в цепи. На то он и кузнец первой гильдии. За медведя получили хорошее вознаграждение. Но Алексанко не прочь был получить больше. Он говорил:

– Вот за волка дают овечку, а почему нет такого закона за медведя давать быка? Не поймай его вовремя, он бы мог натворить много бед с колхозным скотом.

– А может быть, он первой твою корову задрал бы, – отвечали ему колхозники.

– Нет, он не дурак, – возмутился Алексанко. – Знает, где без ущерба можно взять.

С сенокосом ему помогли управиться женщины. Выкосили, огребли и скопнили. Хотя он на них и пахал, когда не было лошадей, но они на него не обижались. Каждая считала его своим человеком. В трудную минуту он всегда приходил на помощь.

Сено он с Витькой привозил к себе на сеновал на колхозном быке. Бык хотя и тихо ходил, зато возил, тракторные сани мог утащить. Да и Витька на физическую силу не жаловался, ростом он был с Петра Первого, только раза в два толще.

На сердце у Алексанко скребли кошки. Степан сутками крутился в его не засоренном культпросветработой мозгу. Радости быстро забываются, а горе годами вспоминается. Такое горе как потеря сына исчезнет из сознания только в гробу.

Рожь уродилась на славу, народ радовался. Это первый такой урожай за пять лет. Правление колхоза обещало авансом дать по двести грамм на трудодень. Женщины рвались на уборку ржи. Обжинали серпами придорожные участки для разворота комбайнов. Домой приносили в карманах по триста-четыреста грамм зерен ржи. Сушили их, дробили и варили для детей кашу. В рационе народа еще был травяной хлеб и картошка. Дети, как стая журавлей, целыми днями паслись на посевах гороха. Правление колхоза не запрещало. Говорили, пусть едят, не жалко. Взрослые ходили таясь, украдкой.

Из МТС пришли два комбайна и два трактора на уборку ржи и посев. От комбайнов на автомашине и лошадях возили зерно на крытый ток, где его веяли, сортировали и сушили. Работали все – старые и малые. Неслыханное дело: за трудодни авансом дадут ржи. Николай, не спрашивая никого из вышестоящих, выдал колхозникам по триста грамм на трудодень. Весть об этом на второй же день дошла до руководства района. В колхоз прислали двух уполномоченных. Один целыми днями дежурил у комбайнов, другой – на току. Приготовленные семена высеяли. Остальную рожь забрали в город. Оставили только для расчета с трактористами МТС. Так же поступили с овсом и ячменем. Оставили только мякину да пелеву на фураж.

Николая вызвали в город, грозили исключить из партии и судить, но как неопытному, молодому простили.

Чтобы воодушевить народ, Николай обещал раздать за трудодни излишки соломы, сена и по три килограмма картошки. Он говорил:

– Из-под палки работать пользы мало. Лучше дать своими руками, а то больше потеряешь.

Народ работал не покладая рук, надеясь на обещанное и будущее колхоза.

Двадцать пятого августа Николая вызвали в институт сдавать экзамены. Пропуска на проезд по железной дороге еще не отменили, и все делалось только по вызову. Секретарь райкома Смирнов не обманул – Николаю выдали направление райкома партии и хорошую характеристику как председателю колхоза. Этого было достаточно. Экзамены он с натяжкой сдал на три и был зачислен на заочное отделение, на зоотехнический факультет.

В период отсутствия Николая картошку выкопали всю без всякой посторонней помощи. Здесь им снова была проявлена самовольщина. Двадцать процентов от выкопанной картошки заплатили колхозникам. Картошку выбрали настолько чисто, что при повторной вспашке поле не походило на картофельное. Урожай собрали хороший. Колхозникам дали по три килограмма на трудодень. Все это было сделано без Николая по его указанию.

Такую партизанщину без согласования прощать ему уже не собирались. Из райкома приехала комиссия во главе с начальником НКВД. Члены комиссии – заведующий райзо и представитель райфо – за один день подняли и проверили все документы, все решения. Начальник районного НКВД забрал с собой все колхозные бумаги и за заботу о народе обещал посадить.

Николай все переживал по-своему, было обидно. Колхозники успокаивали:

– В случае чего Сталину будем писать коллективное письмо.

Пришел к нему Витька.

– Брось переживать, успокойся. Пойдем завтра на охоту.

Выдвинулись они еще до рассвета. Прошли большое расстояние, а дичи никакой не встречали. В два часа дня, уставшие, нашли очень много брусники. Ягода была крупная, спелая, но ни мешка, ни корзины с собой не оказалось. Поэтому решили прийти завтра. Ели ее полными горстями, утоляя жажду.

В Кировской области гроза в сентябре – редкое явление. Где-то вдали вдруг загремело. Сначала они понять не могли. Николай сказал:

– Где-то идут артиллерийские учения, бьют из тяжелых орудий.

Витька запротестовал:

– Какие учения, это рвут толлом пни.

На краю неба показалось синее куполообразное облако. Оно быстро увеличивалось, закрыло солнце и половину неба. Подул ураганной силы ветер. В лесу стоял неопиcуемый шум. От ветра гнулись и ломались деревья. Становилось совсем темно, как ночью в пасмурную погоду. Молнии разрезали матовое небо. Раскаты грома достигали оглушительной силы. Николай прятался под кроной ели, прижавшись к стволу. Витька стоял на открытом месте, подставляя свое могучее тело ветру и дождю. Он кричал Николаю:

– Отойди от ствола дерева подальше, может ударить молния.

Ветер внезапно затих. Пошел крупный дождь с градом. Витька, промокший с ног до головы, настойчиво стоял на открытом месте.

Гроза как внезапно пришла, так же внезапно и кончилась. Появилось яркое солнце. На деревьях изумрудом светились дождевые капли. Воздух наполнился озоном. Тяжелые темно-синие тучи ушли на восточную половину неба. Их сопкообразные белые спины украшала радуга. На дороге и лужайках появились зеркальные лужи. Они отражали голубое небо и кроны деревьев. Последние лучи уже опускавшегося к заходу солнца бежали по мокрой земле, догоняли тучи, взлетали на них и, казалось, пробегали по ним. От этого все на земле и в небе загоралось ярким светом. Алела дорога и ее обочины. Пылали опушки мелкого частого леса. Выглядело все красиво, сказочно.

Витька ни на что не обращал внимания, он был мокрый, спешил домой. Николая от дождя спасла легкая брезентовая куртка, сшитая умелыми руками матери из старой солдатской плащ-палатки.

Как легко дышать в лесу после грозы. Николай костылял следом за Витькой, стараясь не отставать, но все его усилия были тщетны. Больная нога плохо прислушивалась к командам мозга и находила все неровности тропы. Николаю казалось, что Витька не шел, а бежал. Председатель злился на свою непослушную ногу и на товарища. За 12–15 минут отстал на почтительное расстояние, до 400 метров. Витька стал надолго исчезать за излучинами лесной дороги. Только на прямых участках Николай видел Витьку, его могучее, сильное тело слегка покачивалось, как у моряка на палубе, и снова исчезало за поворотом.

Витька исчез из поля зрения надолго. Николай неспешно пошел в меру своих сил, успокаивая нервы насвистыванием никому не известной мелодии. Вдали показалась плель. За что такое название дали мужики этому месту, он не знал. Обширная лесная площадь была покрыта низкорослым корявым сосняком внушительного возраста, местами молодняками березы, сосны и ели.

Витька ждал его за крутым загибом дороги. Когда Николай вышел из-за поворота, поднял правую руку кверху и резко опустил, что значило «иди осторожно».

В голове у Николая пронеслось неприятное воспоминание. В августе 1932 года здесь, в плели, в 30 метрах от стоявшего Витьки, на дороге был убит инструктор крайкома Соловьев. Первыми убитого увидели они со старшим братом Георгием. Николаю тогда было 14 лет. Расстояние в пять километров до деревни они, как тогда показалось, пробежали быстрее марафона, минут за 15.

Николай остановился, но Витька мимикой и рукой звал к себе.

Когда Николай подошел к нему, Витька тихо сказал:

– Волки, заряжай картечью.

Николай быстро перезарядил одноствольное ружье, приготовился к бою. Тогда только услышал, что почти рядом с дорогой выл волк. Витька двинулся по направлению к хищнику. Следом за ним шел и Николай. Прошли они не больше 20 метров. Витька резко остановился и встал по стойке смирно. Ружье он держал в боевой готовности уже одной левой. Пальцы правой руки искали не пусковой крючок, а опору в воздухе, то сгибались, то разгибались. Николай, глядя на странную позу Витьки, захохотал и спросил:

– Что с тобой?

Вместо ответа Витька показал рукой. Николай бросил взгляд в заданном направлении. В редком малорослом сосняке в ста метрах от них сидели, вытянув кверху морды, семь волков. В десяти метрах от них вправо еще восемь, влево – шесть. Волки смотрели на безоблачное небо. Казалось, они что-то искали. Уже на краю неба пламенел закат. В лесу сгущались туманные сумерки. Волки, видя приближение людей, отнеслись к ним спокойно, пренебрежительно. Продолжали смотреть на небо и чему-то улыбаться зубастыми ртами. Витька глухо, со стоном выдавил:

– Бежим.

Николай подумал: «Хорошо у тебя ноги здоровые, крепкие, как у лося. Мне далеко не убежать».

Витька быстро повернулся и пустился бегом к дороге. Достигнув ее, остановился, по-видимому, вспомнив о Николае. Когда тот подошел, Витька сказал:

– Не подумай, что я струсил. Просто решил согреться. Что-то стало слишком прохладно. Одежда на мне вся мокрая.

Николай в знак согласия кивнул ему, но промолчал. Витька шел, казалось, не спеша. Но Николай отдавал все свои силы, чтобы не отставать.

Волки еще усиленной наполняли лес своей многоголосой песней. Слышалось в ней что-то печальное, страшное, невозвратимое и неизбежное.

Солнце давно спряталось за горизонт, но было еще достаточно светло. Были хорошо различимы деревья, дорога и по обочине ее тропинка. Из глубины зеленых темнин едва ошутимый ветерок доносил запахи смолы, прелой лесной подстилки и грибов.

От волчьей песни становилось как-то не по себе, жутко, но в то же время разгорался пыл охотника. Хотелось вернуться и вступить с ними в единоборство. Николай ощупал холодный ржавый ствол ружья, спусковой механизм, дававший частые осечки, и храбрость с охотничьей страстью тут же пропали. Невольно в голове зарождалась фантастика. Сейчас бы автомат и несколько гранат, не страшны были бы волки, вооруженные одними зубами.

Мысли Николая прервал Витька. Он первый раз за всю дорогу глухо выдавил из себя:

– Слава богу, два километра осталось до деревни. Как думаешь, волки могли бы напасть на нас?

Николай с небольшой паузой ответил:

– А бог их знает, что у них на уме. Но одно ясно – отнеслись они к нам по-джентельменски миролюбиво. Растерзать нас могли бы в любую минуту, в один момент. Но борьба за жизнь, тяга к жалкому волчьему существованию создает трусость перед сильным двуногим врагом. Запах ржавого металла, дроби и пороха вселяет страх. Волки – это организованные и умные животные. Они прекрасно понимают, что напасть на человека, от которого исходит запах пороха, это смерть. Хотя вели себя гордо, не обращали на нас никакого внимания. Но будь мы вооружены хотя бы двустволками, при первых четырех выстрелах вся эта стая пустилась бы наутек.

От волчьей стаи они удалились примерно на пять километров, и воя слышно не было. Зато в противоположной стороне, где-то на писаревских покосах, выл на высоких нотах матерый волк, а ему подвывал тоненькими голосами молодой выводок.

– Много волков появилось за войну. Им сейчас полное раздолье. В деревнях одни бабы да маленькие детишки, – с веселой ноткой в голосе заговорил Витька. – Главное, пороху нигде не достанешь, да и хорошие двуствольные ружья еще в 1941 году отобрали. Да только ли волков. Зверя и птицы в лесу стало много. Вот, к примеру, у нас с тобой есть ружья, пусть невидные, ржавые, одноствольные, но попадись один волк на расстоянии до шестидесяти метров – не уйдет. Ружье еще не все. Мы вот целый день ходили, прошли более двадцати километров и никого не убили. Зверь и птица не дураки. Они нас далеко слышат – или удирают, или прячутся. Рядом пройдешь – не заметишь. Для охоты нужна собака. Без нее мы не охотники. Сейчас собак трудно сыскать во всей округе. Нет дураков в такое голодное время содержать еще и собаку. Была у нас в деревне у Пашки Мироносицной лайка, взяла убила и переварила на мыло. Конец пришел всему собачьему роду, а без собак и охоте. Без собаки можно охотиться рано утром на тетерева, поджидая их в шалаше, выставив чучело. На уток – на болоте и на Боковой. На глухаря надо выходить рано, вот на эту дорогу, по которой мы идем. Они ранним утром прилетают для сбора камушков. Вот тут и бей, не зевай.

На небе горели яркие звезды. Тропинка по обочине была не различима. Шли наугад по центру дороги, спотыкаясь о колеи и неровности. В темноте показались силуэты деревенских построек и изб. Вот и родной дом. Тускло горела семилинейная керосиновая лампа. На столе – горячие щи из русской печи. Хлопоты матери за столом и лукавый взгляд отца. Он, по-видимому, намеривался спросить: «Что убили?», а может быть сказать: «Горе-охотники», но не хотел портить настроения. Охотник, вошедший в азарт, не считается ни с силами, ни со временем. Охота пуще неволи, гласит пословица.

Витька с Алексанко, не пропуская ни одного утра, ходили на охоту. Витька ставил на дереве чучело тетерева недалеко от шалаша и приносил дичь почти каждый раз. Алексанко проверял свои петли. У Витьки дела шли лучше. Один раз он убил из шалаша сразу трех штук. Алексанко зависть взяла. Надеясь, что Витька проспит, он решил сесть в его шалаш. Но Витька пришел.

– А я думал, что тебя сегодня не будет, и решил посидеть в твоём шалаше.

– Раз пришел, то сиди, – сказал Витька. – Только одно условие. Первого убиваю я. Второй прилетит – ты. И так далее.

– От дождя не в воду, – сказал Алексанко. – Приходится и такие условия принимать. С чужого коня среди поля ссаживают.

Так они сидели и ждали. Косачи на другой стороне поля перелетали, однотонно гортанно пели, но к чучелу лететь и не собирались.

В пять часов утра Алексанко с Витькой уже сидели в шалаше в двух километрах от деревни. О чем-то шептались, а может и ругались. Прислушивались к каждому шороху, ждали

прилета тетеревов. Напрасно напрягали в полумраке зрение, вглядываясь в два чучела тетеревов, установленные на раскидистой опушечной березе.

Их шалаш находился на Андреевой поляне на опушке леса под старой елью с плотной раскидистой кроной. В двухстах метрах от опушки начиналось Чистое болото. Между ним и Андреевой поляной площадь из заболоченной переходила в покрытое черной ольхой болото с редкой елью, с кочками, достигающими в пол человеческого роста. Пространство между ними было заполнено водой. Днем территория между поляной и болотом местами просматривалась хорошо.

Болото шириной от двух до четырех километров и длиной более десяти представляло собой чистую площадь, поросшую малосъедобной грубой травой, подвид белоуса. В топких местах рос сплошной трилистник. Местное население называло его «тройка». С древних времен горький настой из тройки считался лучшим лекарством от всех болезней.

Середина болота казалась выпуклой, то есть выше краев, кое-где виднелись мелкие, слабо развитые сосны болезненного вида с куполообразными вершинами. Вот поэтому наши предки дали болоту меткое название «Чистое».

На болоте чернели окна с водной поверхностью диаметром до 10 метров. Почти все имели эллипсоидную форму. Жители окрестных деревень, граничивших с болотом, называли их озерами. У каждого озера, вернее ямы, было свое название. Черное, Холодное, Бездонное, Змеиное, Журавлиное и так далее. Их десятки. В 200 метрах от них земля под ногами начала качаться. На поверхности воды появлялись небольшие гребни, похожие на речную рябь.

Старики рассказывали, как болотная яма получила свое название «озеро Бездонное». В одно из засушливых лет, в 1891 году, по болоту гоняли и пасли скот. Старики говорили, что это было чуть ли не самое засушливое лето от рождения Иисуса Христа. К зияющей яме, наполненной холодной водой, подошел бык и тут же провалился. Долго он плавал, напрягая свои сильные мускулы. Старался вылезти из лукавой ловушки, но твердой опоры ногам не находил. Закинутые передние ноги отрывали от берегов куски торфяной массы, расширяя площадь ямы. Силы покидали животное. Немного не дождавшись помощи, бык утонул. На помощь ему с баграми и веревками прибежало все население небольшой деревни. Искали в торфяной гуще баграми. Удлиняли ручки шестами, но ни дна, ни быка нащупать не могли. Решено было установить глубину ямы. Для этого мужики собрали со всей деревни вожжи и веревки, привязали к ним двухпудовую гирию, однако дна так и не достали. Суеверный народ решил, что дна у озера нет, и нарекли его Бездонным.

Из шалаша в полумраке раннего утра была видна часть Андреевой поляны до водораздела, а там, казалось, до самого горизонта колыхалось безбрежное море. Андреева поляна – это поле с ржаной стерней площадью около 20 гектаров.

До вылета тетеревов надо было сидеть еще более часа. В голову лезли разные мысли. Воспоминания, рассказы мужиков о разных трагических случаях, о лешем и его проделках. В истории каждой деревни много легенд, а нашей – особенно.

Первые минуты после прихода сидеть было приятно. Чистый лесной воздух, наполненный до предела влагой болота, усыпляюще действовал на организм. Хотелось спать. Глаза закрывались сами, и тут же появлялись мгновенные сновидения и миражи. Скоро тело стало чувствовать влажный холодный болотный воздух. Охота ко сну пропала. Восток стал отделяться узкой белой полосой, которая постепенно расширилась и охватила половину неба. Звезды тускнели, меркли и исчезали. Занялась пурпурно-розовая заря. Алексанко сказал:

– Такая заря к ветру.

В лесу раздались первые птичьи голоса. Далеко, почти на другой стороне поляны, запел проснувшийся тетерев. Алексанко и Витька сидели, напрягая слух и зрение. Ружья держали на боевом взводе. Мысленно молили Бога, чтобы тетерева увидели их чучела и хотя бы один прилетел. Из одногласной тетеревиной песни превратилась в многоголосую. Видны были перелеты

косачей по поляне, но ни один не подлетал. Охотники с трудом держались в шалаше. Хотелось выскочить и побежать, подползти ближе к уркотне.

Сзади в болоте раздались шаги. Кто-то шел, не соблюдая охотничьей предосторожности. Витька и Алексанко мысленно проклинали незваного гостя. Думали: «Тетерева сейчас улетят, и утро, да какое чудесное, пройдет задаром». Они стали медленно разворачиваться, так как шаги слышались уже за их спинами. Оба хотели хотя бы одним глазком взглянуть на незнакомца и бросить ему отборное словечко.

Звук шлепанья ног по воде доносился ближе. Вот он затих на несколько секунд и снова раздался. В полумраке редкого тумана показалась собачья голова, а затем и сама собака. Следом за ней другая, третья. «Волки, – молнией пронеслось в голове. – В двадцати метрах от шалаша».

В ствол ружья охотники опустили по три крупных картечи, так как патроны менять было некогда. Несогласованно оба прицелились в грудь первого волка и нажали пусковые крючки. Раздались выстрелы. Алексанко сильно толкнуло в плечо. Как по команде разломил ружья, вставили по второму патрону с картечью-самокаткой. Шлепки ног стали удаляться. Охотники целились в мутную тень убежавшего зверя и стреляли. Все исчезло в пороховом дыму. Только слышен был бег многих ног по воде.

Оба вылезли из шалаша. Алексанко попытался перезарядить ружье. Раздутый патрон застрял в патроннике и не вынимался. Недалеко крутился волчком волк. Не раздумывая, с незаряженными ружьями, Витька и Алексанко направились к животному. Волк принял оборону. Встал на шаткие передние ноги. Устремил на людей полные ненависти глаза, защелкал зубами, но тут же упал. Витька первым подбежал к волку и со всей прилежностью ударил его по шее прикладом ружья. От удара отвалилась ложа. Волк вытянулся как умирающий человек и с ненавистью посмотрел на Витьку. Повернул голову, трижды глубоко выдохнул и затих. Конец одной волчьей жизни.

Витька с большим трудом вытащил волка на сушу к шалашу. Алексанко прикрыл тело ветками, оба в хорошем настроении пошли в деревню, не заходя домой, прямо к председателю колхоза Николаю Васину. Он выслушал их, осмотрел Витькино искалеченное ружье. Не спеша проговорил:

– Скажи конюху, пусть запряжет быка. Везите волка в деревню. Тогда решим, что делать дальше.

Быка они сами запрягли и поехали со скоростью три километра в час. У Алексанко не сходила с лица улыбка. Он изредка гладил свою бороду, но не проронил ни одного слова. Ехали всю дорогу молча. Когда положили в телегу убитого зверя во всем его величии, лишь тогда негромко заговорили.

– Я, грешным делом, не верил. Думал, подкараулили мы с тобой несмышленного волчонка.

Заготконтора потребовала привезти волка неободанным. За одну шкуру зверя отказывались выдать деньги и документ, необходимый для получения вознаграждения за истребление хищника. Полагалась овца с колхоза, на территории которого убит волк. Добычу на лошади довели до самого Покровского и сдали в сельпо. Получили деньги, 20 килограмм ржаной муки и распоряжение на получение овцы из колхоза. Николай Васин выбрал им большую, но плюгавую. Шерсть на ней от какого-то кожного заболевания местами вылезла. На фоне серой густой шерсти были видны неприятные плешины с коростами. Алексанко ругался, не брал, просил полноценную. Доказывал ценность истребленного волка, объяснял, какую опасность он представлял для стада. До Николая слова Алексанко не доходили. Он говорил:

– Дают – бери, а бьют – беги. В мясопоставку овцу совестно везти, еще не возьмут. В зиму оставлять нельзя – заразная, а тебе по делу.

Дело между стариком и председателем принимало крутой оборот. Они уже не говорили, а кричали, осыпая друг друга меткими словами. На выручку пришел Витька. Он внимательно осмотрел овечку. Как знаток ощупал ее со всех сторон и реденько сквозь зубы проговорил:

– Что вы раскричались. Эта овечка стоит двух ярок.

Алексанко и Николай заулыбались. Алексанко обвязал шею веревкой, потащил сопротивлявшееся животное. Председатель стоял в недоумении, провожая взглядом Алексанко и Витьку с овечкой. По-мужицки с душой выругался трехэтажным матом. Закрутил козью ножку самосада и крепко затянулся. Откашливаясь, выдал из себя:

– Все-таки зря я отдал такую большую овечку. Надо было отдать ярочку.

Алексанко быстро расправился с овечкой. Ободрал и разделал. Виктор был прав – овца была на редкость упитанная. На печенку охотники пригласили Николая.

Николай не находил себе места, ждал вызова в город. «А там бог знает, что будет, – думал он. – Черт меня сунул в это ярмо. Дело сделано, чему быть, того не миновать. Только в кинокартинах случается, что в последнюю минуту герои из-под расстрела и виселицы уходят, остаются живы».

На этот раз повезло и Николаю. Приехал жених бригадира Лиды. Тот самый, от которого она получала письма. Они сходили в сельсовет, зарегистрировали брак. Устроили скромную вечеринку с угощением, пригласили Николая.

Лида сказала ему:

– Я уезжаю, и вряд ли мы больше увидимся. За добрые дела платят добром. Решение правления с твоей подписью я уничтожила. Написала и расписалась сама, так как оставалась за председателя. Вызовут – говори, что не знал, ездил сдавать экзамены. Всю картошку раздали без тебя. Завтра мы поедем. Я схожу в райком партии к Смирнову и скажу, что все сделано без твоего согласия и разрешения.

– Зачем ты это сделала? – спросил Николай.

Лида ответила:

– Затем, что народ увидел будущее, верит тебе и сам просит работы.

На второй день Лида с чемоданами поехала из родной деревни на Украину, на родину мужа. Она ходила к Смирнову. Сказала, что виновата она одна, больше некого винить.

В деревню через несколько дней приехал районный начальник НКВД, привез забранные им на проверку колхозные бумаги. Спрашивал Лидину мать, куда уехала ее дочь. Старуха крестилась и божилась, говорила, что не знает. Может быть, хитрила, а может и в самом деле адреса не знала. Николай отделался легким испугом. Он хотел быть председателем.

В небольшом колхозном хозяйстве дела шли хорошо. Земля стала давать небольшую отдачу. Появилась ферма крупного рогатого скота, свиней и овец. Конюшня тоже ожила. В стойлах стояли лошади. Свиноматки поросились, появились разновозрастные поросята.

Первый снег выпал на Покров. Старики говорили:

– Бог знает свое дело. В Покров матушку-землю покрыл снежком.

Хоть и была плюсовая температура перед октябрьскими праздниками, но снег не растаял, сразу после праздников ударил мороз, наступила зима. Автомашину колхоз на выгодных условиях использовал на подрядных работах.

В марте 1946 года из райкома получили директивное указание что сеять и в какие сроки. Колхозу установили план сдачи зерна, овощей и продуктов животноводства. План был явно непосильный. Члены правления, а затем и колхозники, обсуждая его, с энтузиазмом говорили, что он выполним, а сами думали: «Война кончилась, может, приедут разберутся и план снизят». Николай сам поехал в МТС заключать договор на полевые работы. Директор МТС Николай принял доброжелательно, вышел навстречу из-за стола.

– Рад тебя видеть, – говорил Скурихин. – Больше бы нам таких председателей. Может быть, и дела пошли бы.

Николай не понимал, за что его хвалят. Поэтому бросил Скурихину ряд комплиментов по принципу «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку».

Скурихин обещал на посевную послать в колхоз лучшую бригаду Филиппа Тихонова. Николай спросил Скурихина:

– Что будет, если мы контрабандой сверх плана посеем на бросовых землях двадцать гектаров льна? Земля не пахалась больше десяти лет. Местами начала зарастать лесом, зато хорошо отдохнула. Лен там расти будет, эту поляну мужики не зря называли «льняным полем». Там с незапамятных времен сеяли лен и репу.

Скурихин посмотрел на Николая, ответил не сразу.

– Надо ли рисковать собой? Узнают – могут взбучку дать, да еще какую, – говорил Скурихин. – Ты еще молод, не порти себе карьеру.

– Я должен думать не о своей карьере, – сказал Николай, – а в первую очередь о народе и государстве. Надо делать так, как лучше и выгоднее народу. Выполнение директив не требует приложения своего ума. Что скажут, то и делай, а пользы от этого нет.

– Давай не будем критиковать начальство, им виднее, что делать. Мы с тобой простые исполнители. Много ты таких бросовых земель найдешь?

– Много, – ответил Николай. – На первый раз сорок, а там еще можно подобрать.

– Значит, думаешь посеять двадцать гектаров льна, – с растяжкой сказал Скурихин. – Неплохо придумал. Как же ты его убирать будешь?

– Вот за этим я к тебе и приехал, – сказал Николай. – Может, в МТС осталось что-нибудь из довоенной механизации по посеву и уборке льна?

– Должны быть сеялки и льнотеребилки, – ответил Скурихин. – Но где же ты возьмешь семян? Сейчас они на вес золота.

– Это моя забота, – ответил Николай.

– Ты парень смелый, – сказал Скурихин. – Не случайно тебя сам Смирнов зовет «партизаном». Мне кажется, он тобой доволен.

– Доволен, доволен, – сказал Николай, – а осенью грозился посадить.

– Это еще бабушка надвое сказала, – ответил Скурихин. – Испугом брали, сажать не за что. Грозные довоенные годы, мне кажется, кончились. Сейчас уже вся контора иссякла. Берии скоро делать будет нечего.

– Что посоветуешь? – спросил Николай.

– Надумал – не отступай, делай. На то мы с тобой и коммунисты. Трусы в карты не играют. Сей, но сводки в район не давай. Вспашку поведем паровым полем. Семь бед – один ответ. Ни пуха ни пера, действуй.

Скурихин встал из-за стола и проводил Николая до дверей кабинета. На прощание сказал:

– Всего хорошего.

Весной в точно установленное стариками время Николай посеял 20 гектаров льна. Лето выдалось не совсем благоприятное. Урожай зерновых собрали ниже среднего, а лен уродился на славу. Алексанко вспоминал, когда в последний раз был такой урожай льна, но так и не вспомнил. Выросла отличная и картошка.

Районное начальство ругало Николая за посев льна. Называли анархистом, а за глаза между собой хвалили. Обмолоченные хлеба увезли с тока государству. Зато за сданную льняную тресту и семена колхоз получил деньги и пшеницу. Колхозники на трудодень получили по три килограмма пшеницы и по два рубля на нос. Жители деревни стали верить в своего вожака. О Николае говорили с почтением. Колхоз богател, на фермах увеличивалось поголовье скота.

Весной 1948 года засеяли все земли деревни. Бросовых земель больше не стало. Одного льна сеяли до 50 гектаров. Колхозники получали хорошую оплату на трудодень. Колхоз планировал построить клуб и школу для молодежи.

Мечты колхозников не осуществились. В январе 1949 года колхоз объединили с соседней деревней, которая находилась в пяти километрах. За партизанщину райком не порекомендовал Николая председателем колхоза. Имя анархиста ему крепко привилось. Все нажитое деревней за трудные годы перетащили в соседнюю деревню на центральную усадьбу. Николаю предложили должность бригадира, он отказался, поступил учиться очно. Окончил институт и по распределению уехал на работу на Курильские острова. Там он переквалифицировался. Заочно окончил институт рыбного хозяйства и остался там жить и работать навсегда.

Витьку в 1948 году взяли в армию. Бронь как трактористу больше не дали. Отслужил три года в армии, в деревню больше не вернулся.

Алексанко продал все свои гнилушки, уехал к сыну в Москву. Через два года навестил деревню, говорил, что очень соскучился по родным местам.

– Лучше наших мест нет нигде. Нет такого раздолья. Никому не советую уезжать с родного, всю жизнь прожитого места.

Через неделю после приезда Алексанко умер. На своей родине, в своей деревне. Народ говорил:

– И умирать-то приехал домой.

Борис-Воробей вырос, женился и уехал в колхоз ближе к городу. Народ из деревни уезжал, убегал. В деревне не осталось ни одной живой души. Еще стояли сиротливо четыре дома, низко осевших, с полусгнившими крышами и заколоченными окнами. Лишь небольшая стая серых голубей напоминала, что когда-то здесь жили и трудились люди.

Каждый человек назовет своей родиной ту деревню, село, город, где он родился, провел свое детство. Детские годы самые памятные, самые лучшие из прожитой жизни, какими бы трудными они ни были. Вот поэтому тянет, как магнитом, человека в родные места, в места детства.

Через двадцать пять лет Васин Николай приехал в родную деревню. Ее уже не было, осталось одно название. Четыре полусгнивших дома с забитыми окнами напоминали ему о прошлом, о былых временах. Ему казалось, что кругом была невообразимая пустота, на сердце – тоска. Мысли стремились в прошлое.

Николай вышел на бугор. Раньше здесь был центр деревни. В летнее время в праздничные дни парни и девки устраивали хороводы. Здесь было место сбора, собраний и досуга мужиков. В воображении Николая, как кинолента, протекала жизнь деревни с времен, когда он начал мыслить и запоминать окружающее. Перед ним вставали образы давно умерших и погибших на фронтах войны людей. Ему казалось, что люди деревни проходят мимо него по пустынной безмолвной улице без домов и уходят в прошлое, прожитое, невозвратимое.

Николай шел медленно, все его тело от тоски давило, как клещами. Ему казалось, что несет на плечах тяжелый груз. Он шел по когда-то существовавшей улице, по деревенской дороге. Сейчас она была еле заметной. Вспоминал образы не только людей, но и домов, лошадей, коров и изгородей.

– Вот, кажется, здесь стоял последний дом, за ним – поскотина, – сам себе сказал Николай.

Все до неузнаваемости изменилось. Когда-то на огороженной площади поскотины паслись телята, дети бегали, собирали шавель. Сейчас она заросла молодым лесом. Не слышно было рева телят и голосов женщин. Только шептались между собой осины, шелестя чуть покрасневшими листьями.

Николай вышел в поле, родное, с детства знакомое. Каждый уклон, возвышенность – все ему было близко, дорого и знакомо. За плугом, бороной, с серпом и косой проходил он тысячи раз. Радовался хорошим урожаям и огорчался плохим.

Когда-то здесь стояли ветряные мельницы, их было четыре. Из-за дола, покрытого еловым лесом, выглядывал полевой бугор. Это вязовая, лучшая земля деревни. В низине раньше

были полевые сенокосы деревни. Как быстро они заросли чистой остроконечной елью! С этих покосов деревня кормила всех лошадей и овец, а их было много. Такое сено считалось лучшим.

«Родная земля, кормилица, – думал Николай. – За что же, за какие грехи тебя забросили люди? Где же твои пахари, косцы и жнецы? Ни татарского, ни фашистского нашествия на тебя не было. Холерой, чумой и проказой твои сеятели не болели и не умирали. Где же они? Почему же они тебя забросили?»

Другой голос ему говорил: «Забросили, как и ты. Потому что тяжело было жить. Потому что в деревне были созданы невыносимые условия жизни. Убежала молодежь, многие старики со слезами на глазах уехали доживать свой век в городах».

Давно не паханные поля выглядели сиротливо на фоне окружавшего, как частоколом, леса. Николай обошел все поля. Из-под ног вылетали с шумом тетерева, но он не обращал на них внимания. Заряженное двуствольное ружье висело на плече. Он хотел переночевать в последний раз в родной деревне. На всех домах висели ржавые замки. Лезть для ночлега в закрытый дом было сверх человеческих сил. Он решил пойти на кордон в лесничество. Там когда-то тоже была небольшая деревня. Может быть, остались и живут какие-нибудь знакомые. Хотелось поговорить, спросить, кто куда уехал из деревни.

Кордона Николай не узнал. Он превратился в большой населенный пункт с добротными двухквартирными домами лесничества. Вырос целый лесозавод. Лесники вместо выполнения своих прямых обязанностей по охране леса занимались его заготовкой. «Из государственного защитника леса лесничий превратился в лесопромышленника. Берет для плана лесничества где ближе, где выгоднее, не считаясь с элементарными правилами лесного хозяйства, – так думал Николай. – В лесу должен быть один хозяин – это лесничество, созданное по одному принципу на всем земном шаре. Лесничий – царь и бог своего лесничества. На его совесть отданы до сотни тысяч гектаров леса со всей фауной и флорой. Наш лесничий превращается из друга леса в его врага. Все его стремление и внимание сосредоточено на заготовке и переработке леса».

Николай зашел к другу детства Петру. Тот узнал его не сразу, пришлось коротко объясниться. Радужные хозяйка даже нашли ниточку дальней родни. Хозяйка возилась на кухне, готовила ужин и кипятила самовар. Николай с Петром сидели у стола, кидали друг на друга непродолжительные взгляды.

– Как все меняется, – сказал Петр. – Тебя я представлял молодым, а вижу седым, почти стариком.

– Жизнь идет, ни на минуту не останавливается. Молодежь растет, старые старятся, – ответил Николай. – Петр Павлович, скажи, пожалуйста, какому колхозу все эти земли принадлежат?

– Земли более пятидесяти деревень одного нашего колхоза «Путь к коммунизму». Правление колхоза находится в селе. Колхоз получил хорошее наследство от МТС. Короче говоря, и организовался на базе МТС, – ответил Петр.

– Почему же они забросили все наши и ваши земли? – снова спросил Николай.

– Да разве только наши и ваши земли заброшены? – говорил Петр. – Давно заброшенных, пустующих земель сейчас больше половины района. Далеко забегать не будем, к примеру, возьмем четыре ранее существовавших сельских совета: Мысовский, Козловажский, Ждановский и Смертинский. В них насчитывалось более ста деревень. Перечислять тебе не буду. Но не совру, если огульно скажу, что от деревень остались одни названия. Где дом, где два, а в большинстве уже нет ничего. Кое-где еще доживают свой век старики, кому приютиться негде. В основном в колхозе все население сосредоточено на центральной усадьбе. Село выросло, расширилось. Народу много, а на полях и фермах работать некому. Все пристроились. Кто в кооперации, кто в школе. Контора правления колхоза разбухла, сидят один на другом, от нечего делать анекдоты рассказывают. Да, собственно, сейчас председателю колхоза и думать

стало не надо. Потребовался народ – звонит в райком партии. Столько-то надо и столько-то. С организаций, с завода и школ на городских автомашинах и привозят. Только руководи, все делают. Картошку перебирают весной в буртах. Кстати, кто их только придумал? В редкие зимы картошка не сгнивает. Порча и отходы очень большие. Прополку делают, сено и солому убирать помогают, картошку и корнеплоды убирают.

– К слову, – продолжал Петр, – сейчас придумали сенаж. Я не знаю, может, эта штука и хорошая. Делают большие затраты на строительство бетонных траншей. Полусырое сено возят, сваливают, трамбуют и, как правило, половину сгнойт. Все это делается в хорошую погоду. На мой взгляд, высушили бы это сено, сложили на зиму. Скот не хуже сенажа ел бы. А вместо траншей-то сенажных делали бы овощехранилища. Картошка и все корнеплоды были бы в сохранности. По сенажу району и области дают план, попробуй не выполни, не сгнои траву. Голову снимут, говорит председатель.

– Петр Павлович, – спросил Николай, – разве колхоз не занимается травосеянием? Чем земле пустовать, можно бы травами засеять.

– А зачем им травы, – ответил Петр. – Им поблизости земель хватает. Рядом с селом не всю землю обрабатывают. На общественное животноводство хватает, а частники купаются по горло в траве. Да и животноводство-то резко сократилось. Мы с тобой хорошо запомнили конец НЭПа, 1926-27-28-29 годы. Сколько же у крестьян было скота, хотя бы на землях нашего колхоза? Было примерно 1800 хозяйств, в среднем по две коровы, это минимум 3600 коров да молодняка по две головы. Лошадей с молодняком тоже почти по две головы, да овец бедняк имел пять-шесть штук. Всех кормили, а они – нас. Сейчас одной десятой не осталось, что было. Вот поэтому земли пустуют, зарастают лесом.

– Завтра схожу посмотрю на лесные сенокосы, – сказал Николай. – В нашей деревне когда-то славились сенокосы по речкам Козловаж, Елховка, Чернушка, Становье. Вся деревня обеспечивалась сеном.

– Если только ради охоты, то сходи, – сказал Петр. – А если смотреть, то там нечего. Все заросло лесом. Больше тридцати лет там и с косой никто не бывал. Я сам там давно не бывал, но еще найду. Ты же вряд ли найдешь эти сенокосы. Лес больше десяти лет назад вырубил, сейчас молодняки. Все лесные дороги заросли. Появилось много медведей. Даже росوماхи откуда-то пришли. В наших местах их никогда не было. Рыси прямо в деревню заходят. Сейчас уже нет нужды ехать на дальние сенокосы, в полях десяти процентов не выкашиваем.

– Молодежь сейчас я не пойму, – продолжал Петр. – Рвутся куда-то к черту на кулички, то на БАМ, то в какие-то Челны. Лучше житья как здесь нигде не сыщешь. Какая здесь благодать стала. Скота держи сколько душа желает. Никто не притесняет. Пасем по непаханным полям. Косим почти под окном. Колхоз здесь никогда не косит, им рядом с селом хватает. А ведь ты знаешь, какие площади полевых сенокосов-то были. Они сейчас позаросли лесом. Идешь и до слез жалко. Такое богатство пропадает. Ведь одного процента не выкашивается. Агрономы из правления колхоза каждое лето приезжают, ходят и смотрят. А что толку! Уедут и забудут.

– Петр Павлович, кировское радио только сейчас передавало, что претворяется в жизнь постановление партии и правительства о мелиорации земель, повышении плодородия земель и так далее вне черноземной зоны Российской Федерации.

– Не хочется их слушать, им дают сводки, а они кричат на всю область. На местах не бывают. Истинного положения не знают. На наших заброшенных землях они скоро откроют целину, на бумаге раскорчуют и вспашут. На деле только подискутируют и снова забросят. Землей заниматься надо не на бумаге. Мы с тобой отлично помним, сколько же в городе на базаре было мяса. На него глядеть-то никто не хотел. Было всякое. Какого только душа желает. Мужики не знали, куда сбывать. Кто поумнее – возили в Нижний. Один наш район большую долю мяса давал Нижнему Новгороду. Мужик в то время и занимался только выращиваем хлеба и скота. Весь доход у него был от сельского хозяйства. Жизнь заставляла его быть тру-

жеником. В городе он покупал все необходимое в хозяйстве: соль, сахар, спички и так далее. Надо было одеваться и обуваться, платить налоги. Деньги были только от продажи сельхозпродуктов. Другие доходы тоже были, но не у всех. Вот поэтому мужик и берег матушку-землю. Улучшал и расширял сенокосы. Все делал сохой, бороной, топором и своим верным помощником – лошастью. Ему никто – ни государство, ни управление – не помогал. Он был хотя и неграмотный, а думал получше агронома и председателя колхоза. Дай ему в то время то, что колхозам и совхозам дают сейчас, я даже представить не могу, какая бы от него была отдача.

Современный мужик стал грамотный и думает он грамотно. Жена ходит с отращенными и покрашенными ногтями. Оба они получают приличную зарплату. Об урожае они не беспокоятся, будет он или нет, а зарплату отдай и в магазин все доставь. Интерес у него к личному скоту пропал.

Начиная с 1931 года, мужику запрещали держать больше одной коровы и одной головы молодняка. За эту корову он платил мясом, молоком и налог. Как бы тяжело ни было, а мужик стремился к большему. Разреши в то время держать ему двух коров, он вылез бы из своей шкуры, а держал бы и работал в совхозе или колхозе.

Сейчас никто не запрещает, коси и держи хоть пять. А ведь редко кто больше одной держит. Молодежь, особенно механизаторы, зарабатывает больше, чем в городе. Им и одна корова стала не нужна. Колхоз им дает молоко и мясо по дешевой цене. Они скоро и от овощей откажутся. Лень будет поливать и полоть грядки. На базаре мяса почти совсем не стало.

Ты мне ответишь, что государство очень выгодно принимает скот в живом виде. Что верно, то верно. Но есть и другая сторона. Колхозник или рабочий, проживающий в деревне, нужды в деньгах не имеет. Он зарабатывает больше, чем в городе. Поэтому и скот держит только для своих потребностей.

Вот, к примеру, у меня два зятя, оба работают в колхозе, оба механизаторы. Заработки хорошие. В прошлый год тот и другой забили по двенадцать голов овец и по поросенку, так пудов по шесть. Никто ни грамма не продал. Засолили весной, а потом выкинули. Я их ругать: «Что вы, такие-сякие, делаете?» Они говорят: «Деньги у нас есть, нужды ни в чем нет». Выходит, лучше выбросить, чем продать.

– Петр Павлович, – спросил Николай, – ты крестьянин, всю жизнь прожил в деревне. Отлично запомнил крестьянина-единоличника. Почти сорок лет работал в колхозе. Как ты считаешь, в чем заключается главная причина такого опустошения? Весь народ из деревень разбежался, разъехался.

Петр рассмеялся, негромко продолжил:

– Ты что, не знаешь? Сам работал председателем. Хорошо, я тебе отвечу, о чем ты сам думаешь. В колхозах двадцать пять лет до 1956 года оплата труда была слишком низкая. Денег не давали. Считалось, что три-четыре килограмма на трудодень – самая высокая оплата, причем только в богатых колхозах. У нас больше семисот грамм обычно не давали. Между нами, что стоят три килограмма зерна? Одного рубля не стоят. Короче говоря, работали за палочки. В придачу колхозники платили большие налоги. Народ из деревень разбежался еще до 1956 года. Когда в деревне наладилась жизнь, остались уже старики да старухи. Они занемогли, уехали к детям. У кого не было детей, доживали свой век в деревне. Из города в наши деревни и сейчас никто не возвращается. Вот так деревни с лица земли и исчезают.

– Но ведь дела в вашем колхозе идут, по-видимому, хорошо, – спросил Николай. – Пашут выборочно лучшие земли. Пастбищ и сенокосов с лихвой хватает. Государство дает крупные ссуды, снабжает всем необходимым.

– На первый взгляд, вроде хорошо, – ответил Петр, – если смотреть только одним глазом. А если посмотреть внимательно обоими глазами, создается впечатление, что никому ничего не надо. Никто, кроме председателя, ни за что не хочет браться и отвечать. Получается, один

с сошкой, а семеро с ложкой. Работать не хотят, а требуют за работу. Такой шум поднимут в конторе, неудобно слушать.

Я приведу только один пример, опять же по работе механизатором. Трактористы, шоферы вывозят органические удобрения на поля. К примеру, торф, навоз. Каждый старается обмануть. Редкому пишут правду, если только какому недотепа. Вывез десять тонн, а бригадир или учетчик на весах пишут двадцать. Во всех случаях общий язык находят. После работы смотришь – всей ватагой пьют и договариваются на будущее. Земля, говорят, все спишет. А если бы он принимал эти удобрения себе на усад? Мерил бы и вешал не один раз. Председатель с агрономом за всеми не усмотрят. Да им и смотреть-то некогда. Они только и знают: совещания, собрания, заседания каждый день. Вот так в нашем колхозе и получается. Один бережет, вернее, старается беречь и преумножать богатство, а семеро ташат, разбазаривают.

Сейчас для воров хорошие законы придумали. Понемногу каждый день тащи. Попадешь с пудом зерна или с пятью пудами сена – мало взял, судить нельзя. Опять же вспомнить крестьянина-единоличника. Какой был честный и трудолюбивый народ! Дай ему такую помощь и волю, как сейчас дали колхозам, он, сдавая свою продукцию по ценам государства, был бы миллионером.

Давай, Николай, будем ужинать и чай пить.

На столе стояла сковородка с жареным мясом, картошкой и пузатый старинный вычищенный до блеска самовар.

– Живем мы сейчас, слава богу, очень хорошо, – снова заговорил Петр. – Раньше в деревне так ни один кулак не жил. Все-то у нас есть. Если своего не достает, то покупаем, деньги имеются. Я работал в колхозе более десяти лет на лесораме станочником или рамщиком. Зарабатывал хорошие деньги. Сейчас получаю пенсию семьдесят рублей, да еще и работаю на той же лесораме. В деревнях сейчас все живут хорошо.

Петр и Николай ужинали, пили чай.

– Вот ты, Петр Павлович, говоришь, единолично мужики помногу хлеба намолачивали, но ведь хлеб ездили покупать, – сказал Николай.

– Не все покупали, – ответил Петр. – Покупали немногие многосемейные. В основном хлеб покупали не для себя, а для скота. Скота держали помногу. По две лошади, по две-три коровы да молодняк. Всем был нужен хлеб. Лошадей кормили овсом без нормы. Сколько съест. Богатые мужики сколько засыпали зерна в закрома, потом целый колхоз столько не засыпал. Хлеб не жалели, кормили им скот, переделывали на мясо.

– Ты в пример приводишь больше богатых мужиков и середняков. Были и бедняки, – сказал Николай. – Всю жизнь за ними долги тянулись.

– Да, были, – швыряя чай с блюдечка, ответил Петр. – Они и сейчас есть. Работать не хотят, а выпить и поесть мастера. В те времена тоже были те, кто не хотел работать.

– Ну это ты брось, – сказал Николай. – Было много и таких, кто всю жизнь спину гнул, а досыта не ел.

Петр поставил блюдечко, посмотрел на Николая, заговорил:

– Были, и много было. Я тебе прямо скажу, были они настоящие дураки, жить не умели. У нас во всей округе ни помещиков, ни кулаков не было. Землю делили поровну. В лесу сенокосов сколько угодно, расчищай и коси – не ленись. Лесничество по поводу освоения сенокосов никогда не возражало. Это сейчас выйди с топором, две сушины сруби – лесник уже бежит. Кричит: «Ставь пол-литра». Раньше лесники отказывались от предложения выпить. Сейчас ни стыда ни совести не стало. Наша земля в любую засуху родила. Неурожаев никогда не было. Потому что поля кругом в лесу. Только работай, не ленись, держи скот. Думай о своем хозяйстве. Ух, если бы сейчас дали такую свободу, да при такой-то механизации. Те, кто живет в селе рядом с правлением колхоза, косить выйдут и оглядываются. Трава из года в год не выкашивается, а не тронь. Увидят – тут же отберут. Как собака на сене. Сама не ест и другому не дает.

– Что ты возмущаешься, – сказал Николай. – Ты же косишь, сам говорил, сколько душа желает.

– Я не за себя, мне хватит. От меня еще остается на сто таких хозяйств, – ответил Петр. – Дело не в этом. Жаль, столько добра гибнет. Пусть даже и частник скосил, сено-то было прибрано и осталось у нас в СССР. Все какая-то польза была.

– Ты многое не понимаешь или вообще не хочешь понимать, – заговорил Николай. – Ведь коли все побегут косить где кто придумает, всю работу в колхозе бросят, тогда будет полная анархия. Все развалят, все растащат.

– Ты неправильно меня понял, Николай, – перебил Петр. – Я веду речь о разрешении косьбы после окончания колхозом сенокосных работ.

– Вот будь ты в правительстве. Как бы поступил с этими заброшенными землями?

Петр улыбнулся, показал свои наполовину съеденные зубы, сказал:

– Да кто меня в правительство пустит. Близо не захотят видеть.

– Ты мысленно представь, что тебе поручили решить вопрос с этими заброшенными землями. Что бы ты решил?

– Что решил бы? – переспросил Петр. – Во-первых, те, которые возле кордона, забрал бы себе. Остальные земли раздал бы мужикам-работягам. Через три-пять лет они стали бы родить не хуже черноземов. Государство бы на первых порах мужику помогло. Дало бы ссуду на приобретение самого необходимого сельхозинвентаря, машин и минеральных удобрений.

– А куда бы ты девал продукцию, полученную с земли? – спросил Николай.

– Как куда? – в недоумении переспросил Петр. – Сдавал бы государству. Сейчас государство дорого за все платит. Оно от колхозов-то покупает в убыток себе.

– Еще один вопрос. Допустим, получил ты разрешение на кордонную землю, отдали тебе ее по договору или в вечное пользование, суть не в этом. Что бы ты делал и с чего бы начал?

Петр на мгновение задумался, заговорил:

– У нас пахотной земли в 1946 году числилось восемьдесят два гектара. Разделили бы мы ее на четверых. У меня два зятя и племянник, все механизаторы.

Немного подумал, разговор продолжил:

– Нет, делить бы мы ее не стали. Люди все свои. На первых порах я бы ее принял, измерил. Взял бы образцы почвы и послал бы в почвенную лабораторию для определения чего на первых порах в нее вносить. Навоза на такое количество земли сейчас нет. От кордона в пяти километрах торфопредприятие. Поехал бы туда, купил торфа и договорился о погрузке.

– На чем же ты стал бы возить торф? На корове что ли? – спросил Николай.

Петр сделал паузу, выражение лица его стало серьезным, на впалых щеках от самых глаз образовались глубокие борозды, ответил:

– Зачем на корове? Это не послевоенные 1945-46 годы. Сейчас, слава богу, тракторов и автомашин уйма. Шоферы иногда приедут в гости, поставят автомашину под окно и гостят по три-четыре дня. То же самое с тракторами МТЗ, которые после работы и в выходные дни стоят под окнами трактористов. А сколько этого добра проходит за день через кордон. С любым договаривайся. За бутылку любой сделает один рейс в пять километров. Это на первых порах. А со временем появилось бы все свое. Последнюю корову, дом – все бы продал и купил бы в колхозе брошенный трактор с тележкой. Плуг, борону можно в чермете из металллолома подобрать взамен ржавого железа, а его найти можно – везде валяется.

– С кем же ты стал бы работать? Нанимать рабочих нельзя, эксплуатация чужого труда, – сказал Николай.

– Я и нанимать никого не собираюсь. Два зятя, племянник, их жены, детишки. Летом много своих едут в отпуска, справились бы и без найма. Стал бы выращивать хлеб, лен, картошку. Построил бы животноводческую ферму, полностью механизированную. Разбогател бы,

купил десятка два коров, штук пять лошадей, овец и свиней. Появился бы навоз. Мечты, мечты, где ваша сладость, – закончил Петр. – Возврата к старому нет и не будет.

– Хорошо, что деревню вспомнили после смерти Сталина. Кто о нас, крестьянах, позаботился, спасибо тому, – снова продолжал Петр, а он поговорить любил. – Говорят, что Маленков с Хрущевым и Булганиным. А то ведь дело доходило до полного разорения. Я грешным делом тоже мечтал уехать в Крым. Там у меня две дочери живут. Я за одну корову, двух овец платил две тысячи рублей налога – мясо, молоко, шерсть, яйца. Налог был на все: на пчел, яблоню, вишню. На трудодни ничего не доставалось, а платить надо было. Работникам райфо в то время можно было позавидовать. У каждого в деревне все пронюхают. Только родились трое ягнят, а они уже знают какой они масти, серые или рыжие. Зато сейчас благодать, никто не спрашивает и ничем не интересуется.

Я считаю, самое главное сейчас, Николай, – менять форму хозяйствования как колхоза, так и совхоза. Искать что-то новое, не шаблонное, а реальное. Пусть это будет государственное или кооперативное хозяйство. В том и другом хозяйстве надо ставить всех в зависимость от урожая, животноводства, дохода хозяйства. Дать свободу действий директору совхоза или кооператива, чтобы он был полноправным хозяином. Оплату производил не по этим путаным нормам, расценкам, составленным в Москве людьми, не знающими деревни. Иногда эти расценки до смешного доходят. Какой-то головопаяк установил норму подачи сена на стог семь тонн. Вот этого составителя и заставить бы стоговать. Да и вообще много казусов, что не страшица, то абсурд.

Директору надо разрешить в зависимости от вида работ и времени года самому производить оплату. В два-три раза увеличить зарплату ему самому, дать ему личные фонды. Какой же он хозяин – получает 170–180 рублей. Сейчас шоферы зарабатывают больше 300 рублей. С 180 рублей он платит подоходный, партвзносы и профсоюзные, еще разного рода сборы, то Красный Крест, то МОПР, то НОТ – всего не перечислишь. То человек умрет или дом сгорит, тоже сборы. Директору не платить неудобно. У него от зарплаты и остается шиш.

Еще забыл, надо выписать газеты, журналы, заплатить за квартиру, свет и газ и так далее. Да у него еще каждый день гости. Едет к нему районное начальство, прихватывает и областных начальников. Если их всех пересчитать, то пяти зарплат не хватит. Мне жена знакомого директора рассказывала, что не поспевает со стола убирать. Только и знает, что кормит, поит и бегаёт за водкой. Вот директор и крутится как белка в колесе. Деньги нужны, а где их брать, в совхозе все государственное, зарплата маленькая. Его, как Остапа Бендера, заставляет нужда думать, где взять денег. В наше время попробуй кого-нибудь не угостить. Один пошлет ревизию, все перевероят, как царская полиция. Другой не даст запчастей. Третий такие планы преподнесет, что как волк в феврале завоешь. Четвертый лишит новой техники. Пятый, шестой, седьмой вообще скажет, что товарищ не внушает доверия, надо заменить. Вылезай из собственной шкуры, а угощай.

Вот директор и мудрит, хитрит и кое с кем из проходимцев заводит грязные дела. Проходимец для директора сделает на сто рублей, а себе в карман две сотни положит. Так директора часто и сходятся с нечестными людьми и залазят в петлю. Этот негодяй будет прибирать к своим рукам все, что близко лежит. Ему директор не помеха. Он его на поводку держит.

Если бы у директора свой фонд был, он поручил бы завхозу организовать угощение. Перед бухгалтерией отчитался бы по официальному счету из столовой или магазина. Все законно, все официально. Сейчас любого директора можно сажать без суда и следствия. Все нашли лазейки. Но, поверь, директор не виноват. Необходимость вынуждает его хулиганничать. Вначале он переживает, может быть, ночами не спит, со временем свыкается, думает, что так и надо.

В колхозе это значительно проще. На заседании правления председатель колхоза утверждает отчет, что израсходована на угощение такая-то сумма. Члены правления кричат «утвердить». Тут брат генеральный прокурор не подкопается.

– Ты, Петр Павлович, упрощаешь все, – сказал Николай. – Так можно утвердить, что сегодня съели барана, а завтра – быка, выпили столько-то ящиков коньяка.

– Так все и бывает, – ответил Петр. – Ничего не упрощаю. Сам больше десяти лет был членом правления.

– И голосовал? – спросил Николай.

– А куда деваться. От дождя не в воду, – ответил Петр. – А сейчас, Николай, давай спать. Поговорили мы с тобой по-мужицки, по-крестьянски. Наговорились досыта, отвели душу. Земли нашей и вашей деревни скоро зарастут лесом. Лес на них вырастет добротный и расти будет быстро.

Утром Николай распрощался с гостеприимными хозяевами и ушел. На востоке еще чуть адела неширокая полоса бледно-розовый зари. Ему очень хотелось пройтись по знакомым местам, по знакомым лесным покосам. Ведь когда-то в радиусе семи километров он отлично знал весь лес, все дорожки и тропинки. Когда он удалился в лес на три-четыре километра, у него защемило сердце. Все заросло лесом. Нет больше тех дорог и тропинок. Ничего знакомого не осталось. Где раньше были молодняки ели и березы, там уже шумел спелый лес. От лесных покосов не осталось и следа. Они заросли ивой и ольхой.

По лесу Николай ходил до обеда. Затем вышел в поля. Где раньше леса не было, кругом были деревни и поля. Его взору представилась печальная картина. Во многих деревнях сиротливо стояли по одному-два старых обветшалых дома, сгнившие, с провалившимися крышами сараи. Некоторые деревни можно было узнать по разбросанной кирпичной щебенке и стоявшим, как часовые, деревьям липы, рябины и черемухи.

Николай пешком дошел до города. С тяжелыми, удручающими впечатлениями снова уехал на Курилы. Со словами: «Новая Родина – Курилы. Деревни нет, нет больше и прежней Родины».

Сосновские аграрники

Начато в апреле 1976 года

Глава первая

На большой площади раскинулись Муромские леса. Старики говорят, начало они берут в Мордовии, пересекают Горьковскую область. Уходят за реку Ока во Владимирскую область и дальше до Москвы.

Лес как лес. На первый взгляд он кажется однообразным, но трудно найти похожие друг на друга лесные площади и отдельные деревья. Всюду резкое разнообразие. Бора сменяются раменями и болотами. Лесные массивы изрезаны непересыхающими ручьями, речушками и реками. Питанием им служат болота и заболоченные поймы, которые в периоды весенних и осенних паводков перенасыщаются водой, а затем медленно, словно по установленной норме, отдают воду.

В лесных глухоманях на больших площадях раскинулись живописные озера карстового происхождения с прозрачной чистой водой и речными видами рыб. Много озер специфических, с причудами. В отдельные годы вода из них уходит. На большой площади озера остается одна воронка с водой. Она походит на жерло вулкана. Вместе с водой уходит рыба. Как правило, весной такие озера наполняются водой, и снова появляется рыба. Набор рыб в этих озерах разнообразен: окунь, щука, лещ, ерш и язь, карась, линь, вьюн и так далее. Животный мир в лесу еще разнообразнее. Здесь встретишь медведя и кабана, лося и волка, рысь, выдру и бобра, куницу, енота и барсука, не говоря о лисе, зайце и белке. Да разве всех перечислишь. Птиц – от больших глухарей до маленьких клестов – множество.

С незапамятных времен в этих лесах на супесчаных и песчаных почвах образовались русские деревни и села. Русская земля, родное поле издавна кормили здесь только трудолюбивого и бережливого мужика. Бедным и лодырям приходилось туго. Каждый аршин земли мужиком отвоевывался у леса с большим трудом. Лес в этих местах считался врагом земледельца. Стоило мужику запустить поле на пять-шесть лет, как оно снова зарастало лесом.

В лесных деревнях и селах издавна привились лесные промыслы. Одни артелями строили смолокурные мастерские. Гнали смолу, деготь, скипидар. Другие нанимались на зиму на заготовку и вывозку леса. Многие были кустари. Делали из дерева необходимые предметы обихода: бочки, кадушки, телеги, сани и так далее. Всего не перечислить, что делал кустарь из дерева. Основное направление сельского хозяйства как мужика-единоличника, так позднее и колхозов было скотоводство. В лесах сенокосных угодий много. Только расчищай – не ленись, всегда с сеном будешь.

На песчаных и супесчаных подзолах пшеница не росла. Сеяли неприхотливые культуры: рожь, овес и ячмень. В отдельные годы снимали рекордные урожаи. Сеяли просо и гречиху, тоже на больших площадях. За труд и пот земля вознаграждала. Народ в лесных деревнях славился удалью, трудолюбием и выносливостью. Люди там росли крепкие, закаленные.

Сосновский район Горьковской области снова был организован в марте 1965 года. Территория его разделялась на две части: лесную и полевою. Лесная часть находилась на песчаных и супесчаных почвах, окруженных Муромскими лесами. В полевой – глины и суглинки. Поля в водораздельной зоне реки Оки были изрезаны множеством оврагов и небольших речушек, давно пересохших с уничтожением леса. Район организовался вновь спустя три года. В 1962 году его разделили на две части. Одну часть отдали Вачскому району, другую – Павловскому, а затем снова укрупнили и из пяти районов сделали один – Богородский. В полевой части района или, как называли, «в полях» находились три крупных совхоза: «Панинский», «Сосновский» и

«Барановский». В лесной части или «в лесах» – три колхоза: «Николаевский», «Рожковский» и «Венецкий».

Секретарем райкома стал местный человек Чистов. Свою партийную деятельность начал с инструктора райкома, а трудовую – со счетовода колхоза. Уже в возрасте за сорок окончил высшую партийную школу, а в сорок семь – сельхозинститут. Председателем райисполкома он взял себе однокашника по партийной школе, с которым поступил учиться в институт. Бойцов был такого же возраста. Человек себялюбивый, эгоистичный и жадный. В общем, подобрал под стать себе.

В качестве секретаря райкома Чистову предлагали другой район, но он решил ехать на свою родину, в родной район. Его привлекала не партийная работа, а личный дом и сад. Его манила частная собственность, которая тянет нас всех, как магнит ржавую консервную банку. Дом у него был небольшой, полезной площадью всего не более 20 квадратных метров, но, главное, свой, изолированный от соседей с той и другой стороны большим пространством и садом. «Ни слышимости, ни видимости, кругом полная изоляция», – думал Чистов.

За три последних года, как уехал из Сосновского в Сергач, он достаточно хлебнул горя в благоустроенной квартире в большом доме. Кругом глаза и уши. Кто бы чего ни привез, ни принес, об этом через час узнавал весь 80-ти квартирный дом. Начинались разговоры, шушуканья. Без принесенного и привезенного жить нельзя. С голоду не умрешь, но и от зарплаты ничего на черный день не сбережешь.

Сосновский район Чистову был знаком как свой маленький дом. Он знал не только все деревни и всех людей. Он знал луга, леса и даже болота. Он знал, с кем надо начинать жизнь во вновь организованном районе. Кому можно доверять как себе, а кому – нельзя. Он знал и о том, что сельское хозяйство в районе находится в запущенном состоянии. Маленькие колхозные хозяйства за тридцать лет существования стали примеряться к коллективной жизни, и кое-где дела шли неплохо. С организацией совхозов все резко изменилось в худшую сторону. Если в колхозе всем находили работу на круглый год, то в совхозе штат сразу укомплектовали по директивным указаниям свыше. Остальной народ стал считаться сезонным. На первых порах руководство области, районов и совхозов считало, раз совхоз – государственное хозяйство, то пусть государство и финансирует. У государства денег много. Если не хватит, то напечатают. С организацией совхозов все примитивные кустарные колхозные мастерские были ликвидированы как ненужные. Руководство района говорило: совхозы должны заниматься только сельскохозяйственным производством.

Анатолий Алексеевич Чистов во вновь организованный Сосновский район приехал председателем организационной комиссии, так как по уставам и инструкциям секретарь райкома партии не назначается, а избирается. Фактически же обкомом партии он был назначен. Следовало только соблюсти формальности. Провести партийные собрания во всех партийных организациях района с выбором делегатов на районную партийную конференцию. Провести районную партийную конференцию. Огласить подготовленный заранее список коммунистов, входящих в состав пленума. Выступать против власти дураков нет. Народ что постарше хорошо помнит сталинские времена. У нас диктатура пролетариата пока не отменена. Коммунисты все понимают, умные молчат, а дураки ни о чем не думают.

Вместе с Чистовым приехал и Бойцов Иван Нестерович, назначенный председателем райисполкома, но пока неформально, то есть без проведения выборов. Партийная конференция и выборы в местные советы пока не проходили, но товарищи работали, считали себя хозяевами района. Подбирали себе заместителей, укомплектовывали штаты райкома партии и райисполкома, всех районных организаций. Здание старого райкома партии было занято школой, райисполкома – детским садом, поэтому вновь организованные райком и райисполком заняли здание заводоуправления предприятия «Металлист». Заводоуправление выселили в цеховые

конторы. К партийной конференции и выборам в местные советы были подобраны все работники.

До проведения выборов в советы и партийной конференции народ знал, кто кем работает и будет работать (к сожалению, это у нас распространено вплоть до ЦК партии и Совета Министров). На партийной конференции, а спустя неделю и на организационной сессии выборов в районный совет было официально объявлено и на следующий день уже напечатано в первом номере районной газеты «За коммунизм», что первым секретарем райкома КПСС избран Чистов Анатолий Алексеевич, вторым секретарем – Бородин Михаил Яковлевич, третьим – Сафронов Николай Михайлович, а также состав бюро и заведующие отделами. Председателем райисполкома избран Бойцов Иван Нестерович, его заместителем – Зыков Александр Михайлович. С сего дня Сосновский район стал правомочным и управляемым партийным руководством. Сеть сельских советов пока осталась без изменений.

После конференций Чистов пришел домой навеселе. Каждому делегату-коммунисту после конференции положен обед и 150 грамм водки. Избранному секретарю райкома с компанией приглашенных близких товарищей и представителю обкома партии водка не ограничивалась. Но Чистов, не зная присланных из области на руководящие работы товарищей и представителя обкома, выпил только 100 грамм, съел положенный обед. Ссылаясь на занятость, извинился перед товарищами, ушел. Находчивый Бойцов сидел в недоумении. Бросать стол и водку жалко, оставаться тоже неудобно. Секретарь ушел, а он же его не только правая рука, иногда мозг и все жизненно важные органы. Поэтому Бойцов наполнил 200-граммовый стакан водкой, встал на ноги, предложил выпить тост за всех здесь сидящих. Почти одним глотком выпил. Пожелал продолжать выпивку, а сам сослался на занятость и вышел. Попутно прихватил литр водки, подготовленной для делегатов. Недалеко от столовой догнал Чистова. Задышавшись от быстрой ходьбы, проговорил:

– Анатолий Алексеевич, у нас какая-то несогласованность. Почему меня не предупредили, что вы пойдете?

– Виноват, Иван Нестерович, – ответил Чистов. – Я думал пробыть до конца вместе со всеми, но что-то мне эта компания приглашенных не совсем по нутру. Каташин, заведующий отделом пропаганды и агитации, ни с того ни с сего сел рядом и стал учить меня с чего начинать, как руководить районом. Сафронов сел по другую сторону, внимательно меня разглядывал, угощал водкой. Надо ко многим товарищам по-настоящему присмотреться. Да и ты, Иван, при первой встрече показал себя недостойно, пьешь целыми стаканами.

Оправдываясь, Бойцов говорил, язык его был непослушен:

– Анатолий Алексеевич, ничего особенного. Я же пил молча.

Они шли не спеша. При встречах с людьми молчали. Как отходили от них на почтительное расстояние, разговор продолжался. В маленький домик Чистова вошли оба, загородив узкий проход прихожей и столовой. Жена Чистова, Антонида Васильевна, женщина средних лет, изрядно упитанная, вышла из спальни комнаты навстречу мужу, улыбаясь, заговорила:

– Вот какая большая наша хата, вы, двое одетых, и я почти половину нашей жилплощади стоя заняли.

Чистов быстро разделся, снял ботинки и ушел на кухню к умывальнику. Высморкался, застучал металлический шток умывальника. Бойцов не раздеваясь подошел к столу, поставил пол-литра водки. Вытянулся как солдат перед командиром. Посмотрел в угол, где должны находиться иконы. Не найдя их, подумал: «А все-таки были у Чистова иконы, ведь полочка-то для икон приделана не для модели, чтобы мы глядели. Вторую бутылку не выставлю. Оставлю себе, завтра похмелюсь». Антонида Васильевна, уловив взгляд Бойцова на полке для икон, как бы оправдываясь, сказала:

– Когда дом выстроили, мать Анатолия собственноручно приделала эту полочку в угол и поставила икону. Икону мы убрали, а полочка до сих пор сохранилась. Раздевайтесь, Иван Нестерович, я сейчас приготовлю для вас закуску.

Бойцов не спеша разделся и сел за стол. С кухни вышел Чистов, поставил на стол три стограммовых стакана и литровую банку вишневого компота. Антонида Васильевна принесла тонко нарезанную колбасу, хлеб и соленые огурцы и, обращаясь к Чистову, спросила:

– Может быть, картошки пожарить?

За Чистова ответил Бойцов:

– Ничего не надо, Антонида Васильевна.

Бойцов наполнил стаканчики, чокнулись, выпили. Воцарилась тишина, слышалась работа челюстей.

Антонида Васильевна спросила:

– Как прошла конференция?

– Отлично, – ответил Чистов. – Большинство коммунистов рады организации района. Многие знают, что я внес большую лепту. Кто организатор делегации во главе с Бабочковым в Москву? Я. Против организации нашего района был Чугунов, однако после звонка и разговора с Игнатовым не устоял.

– Вот этого я не знал, – запинаясь, проговорил Бойцов.

– Об этом вообще надо молчать, – сказал Чистов и наполнил стаканчики. Пол-литровая бутылка опустела. Бойцов внимательно смотрел на нее и думал, выставлять вторую или нет, но Антонида Васильевна перебила его думы. Поставила на стол литровый графин с водкой. Чистов красноречиво говорил:

– Конференция прошла тихо, гладко. Не очень доволен был только Козлов. Он просил в облисполкоме, чтобы территорию Барановского совхоза оставили в Богородском или в Павловском районе.

– Какой негодяй этот Козлов. Он мне с первого взгляда не понравился, – сказал Бойцов.

– Неправда, Иван Нестерович, – вступилась за Козлова Антонида Васильевна. – Это отличный специалист и человек. Мы с Анатолием не один год работали вместе с ним.

– Я с ним разговаривал, – сказал Чистов. – Он не знал, что я буду секретарем. Сейчас он очень доволен.

После нескольких выпитых рюмок Бойцов отяжелел. Глаза его бессмысленно смотрели в одну точку.

Антонида Васильевна предложила:

– Иван Нестерович, ночуйте у нас.

Бойцов ответил:

– Пойду к ребятам.

Семью Иван Нестерович еще не перевез с Кстова, где он работал заместителем председателя горисполкома. Дом-особняк ремонтировали. Жил он временно в небольшой комнате конторы маслозавода. Там же жили Сафронов, Каташин и секретарь райкома комсомола Сучков.

Бойцов встал, пошатываясь, направился к вешалке, где висело его пальто. Вместо того чтобы осторожно снять пальто, он с силой дернул за рукав. Вешалка оборвалась, пальто упало. Спрятанная бутылка водки с шумом выкатилась ему под ноги. Чистов поднял пальто и помог Бойцову одеться, бутылку положил ему в карман.

– Дойдешь, Иван Нестерович? – с беспокойством спросил Чистов.

– Дойду до ручки, – шуткой ответил Бойцов. – Не беспокойтесь, Анатолий Алексеевич. Будет все в ажуре.

Прошли довыборы в местные Советы. Состоялась первая сессия районного совета по организационным вопросам. Бойцов был избран председателем райсовета. Его заместителем –

Зыков, секретарем исполкома – Иванов. После сессии сразу же собрали партийно-хозяйственный актив.

С небольшим докладом выступил Чистов. Главное внимание он заострил на проблемах сельского хозяйства района, которое, по его словам, находится в упадке. В районе три крупных совхоза и три колхоза. За последние три года здесь резко сократились поголовье скота и надой молока, урожайность снизилась. Чистов поставил очередные задачи перед директорами совхозов и председателями колхозов, в том числе сосредоточиться на вывозке торфа с Лесуновского торфопредприятия к фермам и непосредственно на поля. Обязал промышленные предприятия оказать помощь в вывозке органических удобрений. В конце доклада обратился ко всем присутствующим:

– От имени сессий райсовета, партийного актива района и всех коммунистов мы будем просить обком КПСС об организации в районе четвертого совхоза из трех колхозов.

Все присутствующие поддержали его аплодисментами. Особенно усердно хлопали в ладоши председатели колхозов Трифонов и Попов. Третий председатель Стачев участия в аплодисментах не принимал. Организация совхоза для него была крахом. Он знал, что директором совхоза его, с семилетним образованием, райком не поставит. Два других, Попов с Трифоновым, надеялись на удачу.

В прениях участвовали двенадцать человек. Особенно резко выступала директор совхоза «Панинский» Тихомирова. Она с момента организации совхоза, с 1960 года, зарекомендовала себя хорошим руководителем. Областное начальство возлагало большие надежды на ее хозяйство. Совхоз из убыточного хозяйства быстро превратился в рентабельное, только изначально не за счет сельского хозяйства, а благодаря подсобным промыслам и использованию машинно-тракторного парка. Рабочие совхоза делали для заводов полмиллиона тарных ящиков. Их продавали на договорных условиях по завышенным ценам, что перекрывало все убытки от животноводства и полеводства.

Чем Тихомирова занимала народ в зимнее время? Торфа с Лесуновского торфопредприятия она вывозила до 25 тысяч тонн. Вывозила его в основном к фермам и компостировала. Поэтому урожайность в ее совхозе с каждым годом незначительно, но повышалась.

Выступление Чистова задело Тихомирову за живое. Она резко отпарировала:

– Анатолий Алексеевич, не считайте нас за идиотов и бездельников. Мы и без вас кое-чем занимались. Народ работал не покладая рук. Кое-какие сдвиги имеем. Поэтому бездельниками нас называть не надо.

Чистов кинул реплику:

– Вы меня, Надежда Александровна, неправильно поняли. К вам это не относится.

Тихомирова, немного волнуясь и чуть заикаясь, резко заговорила:

– Я вас отлично поняла. Вы считаете, что в ваше отсутствие в течение трех лет мы ничего не делали, бездельничали, все развалили и разорили. Мне кажется, прежде чем говорить, надо было разобраться в наших делах и использовать не общие фразы, а факты.

Она в упор смотрела на разинувшего от удивления рот Мишу Попова. Миша как загипнотизированный смотрел на Тихомирову и думал: «Вот баба дает, никого не боится. Как же воспримет ее выступление Чистов?»

Лицо Чистова порозовело. Он молчал, реплик больше не кидал. Тихомирова в конце выступления сказала:

– Главное, Анатолий Алексеевич, это подбор кадров. У нас в районе есть такие руководители, кому лично я даже лошади не доверила бы.

Ее слова многие приняли на свой счет. Миша Попов, Трифонов и Борис Андрианов, директор Сосновского совхоза, думали, что это касается их. В чей адрес Тихомирова бросила эти слова, об этом знала только она сама.

Попросил слова Ульян Зимин, начальник участка Богородской машинно-мелиоративной станции, коротко ММС, организованного год назад на базе Лесуновского торфопредприятия. Он, припадая на правую ногу, не спеша зашел по лесенкам к трибуне.

Чистов бросил реплику:

– Сейчас Ульян Александрович расскажет нам, сколько у него в наличии торфа, каково его качество и как он думает его реализовать.

Зимин ответил:

– Фрезерного торфа, пригодного для топлива, лежит мертвым капиталом 80 тысяч тонн. За осенне-зимний период совхоз «Панинский» вывез 23 тысячи тонн, «Сосновский» – 12 тысяч, колхоз «Рожковский» – 600 тонн. Вывозят совхозы «Таремский» и «Ярымовский», но теперь они стали не наши, а Павловского района.

– Больше им не давать ни одной тонны, – сказал Чистов. – Все вывезем на свои поля.

Зимин ответил:

– Не могу. Распоряжается торфом Богородская ММС, директор Юрин. Они продают, а я отпускаю.

– Мы скоро организуем свою ММС, поэтому торф придержи.

Зимин охарактеризовал участок (наличие техники, трактористов) и обратился к руководителям колхозов и совхозов, чтобы давали заявки на составление проектов на осушение заболоченных площадей и коренное улучшение лугов и пастбищ.

– Без проектов не будет финансирования, а использовать мощную технику где-то надо. Пока имеется проект только на пойму реки Чары, где вся техника и работает.

Следом за Зиминим выступил Трифонов, председатель колхоза «Николаевский». В колхозе Трифонов работал только один год после окончания двухгодичной партийной школы в городе Иваново. Он начал с бахвальства, что за год колхоз многого достиг: увеличил урожайность, выполнил план по сдаче мяса государству. Про молоко умолчал. Затем жалобно начал выпрашивать для колхоза три новых трактора «ДТ-54», два трактора МТЗ и две автомашины. Кто-то из зала бросил реплику:

– Надо дать, а то не на чем дрова возить продавать.

Чистов умильно улыбался выступающему Трифонову. Услышав реплику в адрес Трифонова, посерьезнел, стал острым взглядом прощупывать присутствующих.

Трифонов продолжал, реплика его не смутила. Он ожесточенно обрушился на председателя Рожковского колхоза Стачева, который не дает ему готовить торф на осушенном торфянике поймы Чары. Затем на Зимина, который не дает технику для осушения Горского болота, расположенного рядом с полями колхоза.

Когда Трифонов закончил выступление, Чистов обратился к Зимину:

– Ульян Александрович, почему не поможете Михаилу Ивановичу?

– Анатолий Алексеевич, для осушения торфяника нужен проект, а отсюда финансирование, – ответил Зимин.

– Все верно, – сказал Чистов.

Снова встал Трифонов и громко заговорил:

– Я нашел такой участок, где не надо проекта. Там прокопать только две канавы небольших и можно готовить торф. Этот участок я показывал Зимину.

Зимин не вставая ответил:

– В сухое лето можно готовить, а сейчас ничего не выйдет. Если только поставить экскаватор.

– А ты поставь ему экскаватор, – обрадовано сказал Чистов. – На погрузке торфа у тебя два экскаватора. Один сними.

Но Чистову договорить не дала Тихомирова. Она почти крикнула:

– Как это снять? А торф грузить чем? Итак отдельные дни тракторист часами простаивает, ожидая погрузки.

Ритмичность плановой работы актива нарушилась. Все разговаривали между собой, многие возмущались. Для ответа на завязавшийся разговор Зимин встал, ему хотелось крикнуть: «Тише, товарищи», но он громко сказал:

– Один экскаватор забирают в Богородск для погрузки торфа в совхоз «Лакшинский».

– Кто забирает? – почти крикнул в гнев Чистов.

– Известно кто, – негромко ответил Зимин, так как в зале воцарилась мертвая тишина. – Юрий сегодня утром прислал записку, приказал приготовить к отгрузке экскаватор и экскаваторщика. Сегодня к вечеру или завтра должен приехать трейлер.

– Не давать без нашего письменного разрешения, – сказал Чистов.

– Не могу, – ответил Зимин. – За невыполнение приказа директора Юрий может уволить меня и взыскать с меня прогон трейлера.

– Как это ты не можешь? – обрушился на Зимина Чистов. – Или ты не патриот своего района?! Почему ты молчал, не говорил об этом мне?

Затем, обращаясь к секретарю райкома Сафронову, тихо сказал:

– Вы, Николай Михайлович, сейчас же езжайте на болото вместе с Зиминим, перегоняйте своим ходом, если не на чем будет перевезти экскаватор в Николаевку.

Зимин и Сафронов покинули зал Дома культуры, где проходил партактив. После их ухода еще выступили директора совхозов Козлов и Андрианов. Они восхваляли работу своих хозяйств, рисовали перспективы и просили помощи в технике, тракторах и автомашинах. С заключительным словом выступил Чистов. Многие ждали, что он даст отпор и хорошую трепку Тихомировой за столь смелое выступление, но Чистов ответил на выступления Козлова и Андрианова. Пожурил Стачева, сказал, что тот, как собака на сене, сидит на десятках миллионов тонн Чарского торфяника, а своему соседу не хочет дать заготовить несколько тысяч тонн. Призывал руководителей колхозов и совхозов переключить весь имеющийся транспорт на вывозку торфа с Лесуновского болота. О выступлении Тихомировой промолчал.

Глава вторая

Зимин с Сафроновым вышли из Дома культуры на улицу. Сафронов спросил:

– Где твоя автомашина?

– У меня ее нет, – ответил Зимин.

– На чем же мы поедем? – улыбаясь, продолжил Сафронов.

– Пойдем на выход, доедем на попутной автомашине, – сказал Зимин и подумал: «Вообще-то сейчас на участке делать нечего. Времени семнадцать часов. На болоте все работы прекращены. Все механизаторы ушли домой. Если с Богородска и приехали за эвакуатором, то без меня им никто грузить на трейлер не будет», но Сафронову об этом ничего не сказал. Думал, что он сам обо всем догадается.

Сафронов думал другое: «Сегодня ночью у Зимина. Общежитие на молокозаводе и столовая с безобразным приготовлением пищи не только надоели, но и опротивели».

Не спеша дошли до перекрестка дороги, идущей из города Павлово в Лесуново, то есть в залесную часть района. Идти было приятно. Среди дня по-весеннему грело солнце. Проезжая часть центральной улицы поселка почернела, по краям журчали ручьи. Стояли не больше пяти минут – подошла автомашина «ЗИЛ-150». Шофер, увидев Зимина, остановился.

– Вы куда, Ульянов Александрович?

– До болота надо добраться.

– Садитесь, я еду в Лесуново, а до поселка вас подкину, – сказал шофер.

Сидевших в кабине женщин с большими сумками пересадил в кузов. Улыбаясь им, говорил:

– А ну, спекулянтки, вылезай, доехали. Подышите свежим воздухом.

Женщины улыбались, обнажая белые ровные зубы.

Мотор затарахтел, выдавая виды кабина заскрипела, покачиваясь из стороны в сторону. Вся автомашина на неровностях дороги тряслась и гремела, как будто на буксире тянула тонну металлолома. Стекла дверок были закреплены деревянными клиньями и привязаны для прочности проволокой, так как стеклоподъемники давно не работали.

Сафронов спросил шофера:

– Почему ты их зовешь спекулянтками?

Шофер не задумываясь ответил:

– Они и в самом деле спекулянтки. Ездят в Москву, набирают там разной ерунды, а затем ходят по деревням, ездят в Павлово.

– Откуда они? – спросил Сафронов.

– Известно откуда, из Лесуново. Там половина села спекулянтки. Село большое, более пятисот дворов. Никакого производства. Один сушильный завод, как его громко называют. Он был построен для сушки картофеля, сейчас такая необходимость отпала. Поэтому работает на нем пятьдесят человек. Осенью делают крахмал. Зимой перерабатывают лук на соусы и салаты, разливают вино из бочек в бутылки. Летом делают напитки, в том числе квас. Более тысячи трудоспособных нигде не работает. Земли наши Сосновский совхоз забросил, они заросли сорняками и частично молодой березой. Около ста гектаров лесхоз засадил сосной, а ведь эти земли кормили большую деревню.

– Ты тоже с Лесуново? – перебил его Сафронов.

– Да, – ответил шофер. – Семья живет в Лесуново, а я работаю в городе Павлово в автохозяйстве. Очень неудобно, по неделе, а иногда и по две не бываю дома.

– А ты знаешь этих женщин? – спросил Сафронов.

– Как не знать, – ответил шофер.

– На всякий случай я запишу их фамилии, имена и отчества, – сказал Сафронов и вытащил из кармана пальто блокнот. На выручку шоферу пришел Зимин. Он посмотрел в глаза Сафронову и чуть слышно сказал:

– Зачем, Николай Михайлович? Не надо писать. Это дело милиции, а не наше с тобой.

Шофер с благодарностью посмотрел за Зимина и из болтуна превратился в молчуна. Он больше не сказал ни одного лишнего слова, только коротко отвечал на заданные вопросы.

На болоте у караванов торфа стояли два экскаватора, а у вагончика, где днем находился учетчик, а сейчас сторож, были четыре бульдозера.

Сафронов вылез из кабины, навстречу ему вышла сторож тетя Маша, как ее все звали. Он спросил у нее:

– Давно кончили работать?

– Около часа назад, – ответила она.

– Ульян Александрович, почему рано бросили работать?

– Как рано, – ответил Зимин. – Начало работы в семь, конец в три, работают без обеда, а кончили работу в пять. Мне кажется, большая переработка.

Сафронов не спеша сел в кабину и спросил:

– Сейчас куда поедем?

– Не знаю, Николай Михайлович, на ваше усмотрение, – ответил Зимин. Он лукаво посмотрел на шофера. – Иван обещал подвезти нас в поселок, где контора участка, или поедем в Лесуново.

– Что у тебя в поселке? – спросил Сафронов.

– Поедем – увидишь, – ответил Зимин. – Контора, мастерская, правда, примитивная деревянная, однако в люди редко ходим, все сами делаем. Ремонтируем трактора и все торфодобывающие и мелиоративные машины.

– Я не об этом, – сказал Сафронов. – Ты же там не живешь?

– Почему не живу? – возразил Зимин. – Зимой, как и Иван, – Зимин поглядел на задумчивого шофера, – дома не бываю по неделе. У меня там комната, две кровати. Имеется и комната для приезжих, где стоят четыре кровати.

– Надо где-то пообедать и заодно поужинать, – сказал Сафронов. – Сегодня целый день заседали, усердное начальство про еду забыло. Не могли организовать даже буфета.

– Что-нибудь сообразим, – ответил Зимин. – Хлеб и картошка там есть, а остальное найдем.

– Поедемте ко мне, – сказал Иван. – У меня дом большой, места хватит. Продукты все есть: мясо, молоко, огурцы, капуста, грибы и ягоды. У нас в деревне все свое, мы ничего не покупаем.

Лицо Сафронова оживилось. Он, обращаясь к Зимину, с улыбкой сказал:

– Давай примем предложение Ивана. До нельзя холостяцкая жизнь надоела. Один вечер побыть в обстановке семьи, хотя и чужой, – это отдых.

– Воля ваша, Николай Михайлович, – ответил Зимин. – Но мне обязательно надо побывать в поселке. Может быть, из Богородска приехали за экскаватором и сейчас через каждые пять минут звонят жене, спрашивают меня, дома или нет.

– Ну что, давай заедем в поселок, узнаем и там решим, – ответил Сафронов.

Иван открыл дверку кабины и, обращаясь к женщинам, сидевшим в кузове, крикнул:

– Ей вы, клуши, живы или нет?

Послышались хохот и ответ:

– Живы!

Он с силой захлопнул дверку, нажал на акселератор, старушка-машина взревела, как ракета при старте, и громыхая понеслась по хорошо накатанной дороге, покрытой слоем черной массы торфа.

Остановились у сторожевой будки. Зимин забежал внутрь и через минуту вышел. Стоявшему у автомашины Сафронову сказал:

– Не приехали.

– А все-таки какое прекрасное место у вас здесь, – сказал Сафронов. – Садись, поехали к Ивану.

Зимину не хотелось ехать в Лесуново, ночевать где-то в чужой семье. Отказаться почти при первом знакомстве с Сафроновым от его предложения было неудобно, да и опасно. Сафронов как секретарь райкома по сельскому хозяйству мог сформировать о нем любое мнение у Чистова и Бойцова. Поэтому Зимин принужденно улыбнулся, сказал:

– Ну что, поехали.

Поселок, как его называли, Лесуны или поселок Лесуновского торфопредприятия был расположен в сосновом бору. Громадные двухсотлетние сосны с раскидистыми кронами одиночками стояли около домов, барачков и на всей территории. Со всех сторон поселок окружал сосновый бор. Площади были всхолмленные, с большими котлованами и возвышениями карстового происхождения. В километре от поселка находилось большое озеро Токмарево. Оно одной стороной упиралось в сосновый бор. Процесс заболачивания на озере шел давно и активно. Его берега далеко отступили от бора, превратились в трясины, поросшие чахлой сосной и березой. Основная часть озера обмелела, лишь середина была глубокая. Как утверждали рыбаки, глубина достигала более полкилометра. Рыба водилась речная и озерная, озеро непересыхающим источником соединялось с рекой Сережей. Из реки в озеро свободно заходила

рыба и выходила обратно. Беда в том, что этот исток рыбаками ежегодно перегораживался, они ставили морды и крылены. В озере вода была прозрачная, чистая, торфом не пахла.

В двух километрах от поселка находилось другое озеро – Родионово. Это большое озеро площадью более квадратного километра, карстового происхождения, окруженное со всех сторон бором-беломошником. Берега его крутые, гипс, в том числе алебастр, известняк и доломит выступали сплошной массой, чередуясь между собой на большую глубину. Природа хорошо поработала над озером. Она создала на его берегах два прекрасных песчаных пляжа. В озере водился весь набор пресноводной рыбы, кроме стерляди. По словам рыбаков, вода стояла на одном уровне круглый год. Одно удовольствие посидеть на берегу этого пустынного озера и полюбоваться перелетающими стайками уток, которые тут живут из года в год. В бору вокруг озера в грибные годы росло множество белых грибов, не говоря о других.

В село Лесуново приехали, когда солнце уже спряталось за горизонт. Несмотря на легкий морозец, все напоминало о приближении весны: само безоблачное небо, прозрачный воздух, сосульки на крышах домов и все окружающее.

Лесуново было расположено на берегу небольшой реки Сережи на песчаном косогоре. Состояло оно из трех улиц – крайней от Сережи Дешевки, Центральной и Выселков. Здесь у жителей привилась тяга к родине, тяга к своему селу и прекрасной природе. Село не уменьшалось, а из года в год увеличивалось, несмотря на незанятость населения после преобразования колхоза в Сосновский совхоз. В совхозе работало не более двадцати человек, да и в колхозе не много. Мужики давно превратились в плотников и бригадами в семь-восемь человек отправлялись в начале апреля на заработки. Уезжали даже за пределы области. Все как один возвращались к сенокосу, то есть к первому июля. Косили недолго в колхоз, позднее – в совхоз, а затем для себя. Обеспечивали себя сеном и снова уезжали на заработки до ноября-декабря.

Шофер Иван Галочкин жил на противоположном краю села. Ехали по Центральной улице. В центре села стояла разрушенная церковь, рядом с ней примостилось небольшое деревянное здание столовой. Рядом со столовой – деревянная контора сельпо с огороженными забором складами. Иван остановил автомашину под окнами столовой. Женщины вылезли из кузова. Приглашали Ивана с Зиминим зайти в гости.

Сафронов вылез из кабины, внимательно разглядывал Воронину Катю, женщину лет сорока, дородную, толстую. Она это заметила, кокетливо оправляя одежду и прихорашиваясь, подошла к кабине автомашины. Улыбаясь, обратилась к Зимину:

– Ульян Александрович, жду вас, приходите на чашку чая.

Зимин что-то невнятно промямлил себе под нос и громко сказал:

– Поехали, Николай Михайлович.

Катя жила на Дешевке, ее провезли далеко от дома, этого она, по-видимому, хотела сама.

Дешевкой улицу прозвали потому, что там живет много одиноких женщин и вдовушек. С кем в возрасте двадцати пяти – тридцати пяти лет не бывает в жизни греха. Люди здоровые, жизнерадостные, требуется и противоположный пол.

– Зачем эта развалина до сих пор стоит посередине села? – Сафронов показал на церковь. – Она не украшает село, а, наоборот, делает его центр безобразным. Надо разобрать и на этом месте построить клуб.

– Пробовали в 1958 году, – ответил Зимин. – Секретарь райкома Сулимов организовал штаб по разборке церкви. Из пригодного строительного материала заложить клуб, а щебенку вывезти на строительство дороги. Председателем штаба был избран председатель райисполкома Гусев. Я тоже был членом штаба. Всем штабом приехали в Лесуново. Привезли из Горького подрывника с взрывчаткой и рабочих-коммунистов с завода. Пока Гусев требовал ключи, чтобы открыть эту развалину, как по тревоге собрался весь народ села. Поднялся шум, старухи плакали. Мужики Лесуново сказали: «Церковь принадлежит нашему селу, то есть народу. Она была построена на сборы и пожертвования наших прадедов. Поэтому по-хорошему просим

вас оставить ее в покое». После таких выступлений и угроз мы из Лесуново уехали ни с чем. Церковь, вернее ее остов, осталась стоять до сих пор. Сельпо приспособило ее под склад тары и соли, но она начинает рушиться, штукатурка валится. Своды потолочные обваливаются.

Иван жил в новом пятистенном доме. Жена его Маша быстро приготовила ужин и выставила на стол бутылку спирта. Сафронов спросил:

– Откуда у вас спирт?

Маша ответила:

– Я работаю бухгалтером на сушильном заводе. На складе у нас его больше тонны. У директора Ивлева я не просила. На днях он выписывал себе, приезжал Чистов и сказал, чтобы я выписала и себе один литр. Иван у меня совсем не пьет. Поэтому хранить не для кого. Пейте, пожалуйста, дорогие гости. Сами разводите водой по вкусу.

Она налила Зимину и Сафронову по полстакана.

Сафронов внимательно посмотрел на атлетически сложенного Ивана, спросил:

– Совсем не пьешь?

Иван ответил:

– Не пью, никогда не пил ничего алкогольного, кроме пива.

– Какой молодец, – сказал Сафронов. – Давай, Ульян Александрович, по маленькой.

Сафронов добавил воды в стакан со спиртом и залпом выпил. Зимин немного выпил чистого спирта и запил водой.

– Ты что не пьешь? – спросил Сафронов Зимина.

– Что-то не идет, – ответил Зимин.

После третьего выпитого полстакана Сафронов, пользуясь отсутствием хозяев, шепнул Зимину:

– Своди, познакомь меня с Катей.

– Можно, – ответил Зимин и вышел из-за стола.

Иван с Машей негромко разговаривали на кухне, у их ног на полу сидели дети, мальчик и девочка. Иван подошел к Зимину и тихонько сказал:

– Чуть не влип, обозвав баб спекулянтками. Получилось очень неудобно. Я не знал, что он с райкома партии. Считал, что из вашего треста.

– Ничего особенного, – ответил Зимин. – Я его не знаю, но он вроде мужик.

Зимин не договорил – показался Сафронов.

– Вы тут о чем калякаете? – спросил он.

Зимин ответил:

– Иван давно просится ко мне на работу, но пока всего одна автомашина на участке, а шоферов более десяти человек.

– А ты бери его и сади на эту автомашину.

Зимин подумал: «Как ты красиво решаешь вопросы». Ответил:

– Шофером не могу, а слесарем – пожалуйста, а потом время покажет.

Иван обрадованно сказал:

– Я завтра подаю заявление, надоела мне эта работа вдали от семьи.

– Дело твое, Иван, но потом не раскаивайся и не жалей.

– Чего там жалеть.

– Сегодня только Чистов говорил: будет вместо участка своя ММС, тогда будут и автомашины, – сказал Сафронов. – Вопрос этот должен решиться в течение месяца. Управляющий трестом Афраймович дал согласие. В облисполкоме не возражают. Значит, вопрос решен. Самое главное, кадры подбирать не надо, все на участке есть.

Зимин не сомневался, что он будет директором ММС. Об этом ему говорил и Чистов.

Сафронов надел пальто и шапку.

– Вы куда? – спросил Иван.

– Может быть, сумеем добраться до дома, – ответил Сафронов.

Иван, чуть заикаясь, сказал:

– У меня вам не понравилось?

– Наоборот, Иван, очень понравилось, – ответил Сафронов. – Если только мы не сумеем уехать, то обязательно вернемся к тебе.

– Я вас отвезу, – не унимался Иван.

– Не надо, – ответил Зимин. – Я зайду к Павлу Галочкину, у него автомашина под окном, он отвезет.

Павел Галочкин работал шофером на единственной на участке автомашине «ГАЗ-51».

Зимин с Сафроновым ушли. На улице то там, то тут встречалась идущая из клуба молодежь. Шли молча. В центре села встретился лесник Иван Иванович Шевяков, изрядно пьяный. Закричал громовым голосом:

– Ульян Александрович, откуда и куда? Пойдем ко мне в гости.

Зимин вырывался, говорил, что некогда, но Шевяков, как репей, вцепился в него обеими руками. Все было тщетно. Зимин с Сафроновым довели лесника до дома, сказали ему, что через полчаса придут.

Подшли к дому Кати. В одном окне, завешанном шторами, тускло горел свет. Зимин постучался в сени. Раздался детский голос:

– Кто там?

Зимин ответил:

– Володя, позови маму.

Через минуту вышла Катя и, не спрашивая, открыла дверь. В прихожей на столе стоял кипящий самовар. Катя сказала:

– Раздевайтесь и садитесь пить чай. Я не знала, что вы придете, ничего покрепче не приготовила.

Зимин хотел сказать: «Мы сыты, нам ничего не нужно», но Сафронов опередил:

– У нас кое-что есть.

Вытащил из кармана полбутылки недопитого у Ивана спирта и поставил на стол.

«Ну и нахал же ты, братец, – подумал Зимин, – а еще секретарь райкома».

Катя принесла закуски, разбавила спирт. Сидели долго, все это Зимину надоело. Он встал и начал одеваться. Сафронов сидел за столом. На вопрос Кати: «А вы?», заявил:

– Я никуда не пойду, ночевать буду у вас.

Катя говорила:

– Неудобно вам здесь оставаться, что скажут люди.

Зимин сообщил, что будет у лесника Ивана Ивановича, и вышел на улицу.

В шесть часов утра к Ивану Ивановичу пришел Сафронов. Зимин еще спал. Проснувшись, он быстро оделся и направился к выходу.

– Ты куда? – спросил Иван Иванович.

– Как куда, – ответил Зимин. – На болото.

– Ничего не выйдет, – сказал Иван Иванович. – Позавтракайте, похмелитесь и в путь-дорогу.

Выставил на стол пол-литра водки. Сафронов разделся и сел. Зимин со злостью сказал:

– Вы оставайтесь, Николай Михайлович, а я пойду. Мне нужно сделать разнарядку.

В это время под окном остановилась автомашина. Зимин выскочил бегом. Ехал Павел Галочкин. Вез на болото полный кузов рабочих.

Сафронов пришел в контору участка в 12 часов, в это время Зимин обедал в столовой. Пришел не один, а в сопровождении Ивана Ивановича. Вместо обеда Сафронов запросил выпить. Зимин увел его на кухню, тихонько сказал:

– Вам нельзя больше, Николай Михайлович. Два раза звонил Чистов, спрашивал вас. Я ответил, что вы на болоте, на погрузке торфа и отправке экскаватора в Николаевку. Неточно, но обещался сам приехать. Из Богородска выехали с трейлером, звонил Юрин. Я сказал, что экскаватор районное руководство не дает, обещался приехать сам.

– Этого еще не хватало, – ответил Сафронов заплетающимся языком. – Экскаватор отправил?

– Да, – ответил Зимин. – Мы его поставили на пену и двумя «С-100». Недавно звонили, он уже на месте.

– Может быть, мне от греха подальше уехать в Николаевку? – сказал Сафронов.

– Вообще-то лучше бы, – ответил Зимин, – но если Чистов не приедет, то мне одному от Юрина не отбиться. Заберет экскаватор и с Николаевки. Кроме того, за невыполнение приказа не допустит меня до работы, короче говоря, уволит. Он по телефону уже грозил.

– Ничего он не сделает, – ответил Сафронов. – Мы здесь власть на месте, поэтому наше решение закон.

– О-о-о, милый мой, – протянул Зимин. – Ты знаешь анекдот? Как кастрировали верблюда, а к месту кастрации шел ишак. Навстречу ему попал заяц и закричал: «Бежим, там кастрируют верблюда!» «Но я же не верблюд», – возразил ишак. «Э-э-э, милый мой, вырежут яйца и не спросят, верблюд ты или нет, а после ходи разбирайся». Вот так и меня уволит Юрин, а после ходи – все в стороне окажется.

– Не может этого быть, – с возмущением сказал Сафронов. – А я на что?

Пришел в столовую бухгалтер участка Васильев Виктор Иванович и крикнул:

– Зимины к телефону!

– Кто? – спросил Зимин.

– Чистов велел немедленно позвонить.

Зимин позвонил. Чистов сказал, что к нему приехал Юрин, велел немедленно явиться к нему. Сафронов потянул руку к трубке, но Зимин отстранил, сказал, что Сафронов сопровождал экскаватор до Лесуновского моста, а сейчас на погрузчике должен приехать обедать. Чистов ответил:

– Увидишь – передай, пусть не спешит, хорошо разберется с вывозкой торфа.

Зимин попросил у повара, она же буфетчица, бутылку водки, отдал ее Сафронову и на попутной автомашине с торфом уехал в Сосновское в райком.

В приемной Чистова его встретил Юрин и заявил:

– Я привез приказ о твоем увольнении за невыполнение моего распоряжения и умышленную отправку экскаватора в Николаевку. Будешь платить за прогон трейлера туда и обратно и за два трактора «С-100», что увезли экскаватор. Кроме того, заплатишь за срыв погрузки экскаватора. Так что тебе у Чистова делать нечего. Иди домой, а я подъеду за тобой, захвачу тебя в Богородск для полного расчета.

Юрин раскрыл папку и отдал Зимину приказ. Зимин взял его и без стука влетел в кабинет Чистова. У того сидели Бойцов и Бородин.

– А, Ульянов Александрович, проходите, – улыбаясь, сказал Чистов. Встал и протянул Зимину руку: – Ну, как дела?

Зимин положил на стол бумагу, врученную Юриным, и сказал:

– Вот такие дела.

Чистов внимательно прочитал, сказал: «Ну и негодяй», – и протянул бумагу Бойцову. Бойцов быстро прочитал, улыбнулся, ничего не сказав, отдал Бородину.

– Ну и дела, что ни день, то чудеса, – сказал Бородин. – Раз, два и в дамки.

Чистов снял трубку и попросил междугороднюю станцию, заказал телефон управляющего трестом «Мелиоводстрой» Афраймовича.

– Где ты его встретил? – обращаясь к Зимину, спросил Бородин.

– В приемной, – сказал Зимин. – В кабинет к Анатолию Алексеевичу не пускал, говорил: «Тебе там делать нечего. Больше никаких вопросов по участку решать не имеешь права».

– Анатолий Алексеевич, – спросил Бородин, – может, позвать его сюда?

– Не надо, – сказал Чистов и снова повторил: – Ну и негодяй. Мы еще просили обком партии направить его секретарем по сельскому хозяйству.

– Правильно павловчане сделали, что его прокатили, – сказал Бородин. – Он никогда хорошим и не был. Я его знаю с детства. Юрин после службы в армии несколько лет работал в районе секретарем райкома комсомола. После реорганизации района в 1962 году его пригласили в Богородск работать инструктором в партком управления сельским хозяйством. Надо отдать должное его трудолюбию и настойчивости. После службы в армии у него было семь классов образования, он окончил вечернюю школу – одиннадцать классов. Поступил учиться в Горьковский сельхозинститут на зоотехнический факультет, который окончил в 1964 году. Но по своей специальности ни одного дня не работал. Партком управления сельского хозяйства выдвинул его на должность директора ММС.

Зимин сидел потрясенный случившимся. Вид у него был словно его приговорили к смертной казни. Чистов, улыбаясь, сказал:

– Вопрос об организации ММС на базе вашего участка, можно с уверенностью сказать, уже решен. Написан проект решения исполкома облсовета. На днях будет заседание исполкома облсовета. Поэтому Юрину с участка ничего не давай.

– Я же не имею права не давать, – возразил Зимин. – Он же меня уволил. Сейчас он поедет по совхозам и будет продавать торф в караванах на месте, а не по мере вывозки. Продаст весь торф, это примерно на семьдесят тысяч рублей. Заберет деньги в Богородск. Когда организуется ММС, тут думай, как платить зарплату и так далее.

– Не может он этого сделать, – возразил Чистов.

– Я бы на его месте тоже сделал, – сказал Зимин. – Он хорошо осведомлен, что участок, который дает восемьдесят процентов валовой продукции, отнимают. Без нашего участка дела у него пойдут очень плохо.

– Поживем – увидим, – сказал Бородин, – рано такие выводы делать и набивать себе цену. Однако, Анатолий Алексеевич, он прав. Вам надо позвонить в Сосновский совхоз Андрианову и предупредить, пусть никаких счетов к оплате не принимает до раздела. При дележке рассчитаются.

Чистов снял трубку, попросил Андрианова. Его на месте не было. Чистов спросил секретаря:

– А Юрина у вас не было?

– Здесь, – ответила секретарь, – оформляет вывозку торфа.

– Кто ему оформляет? – краснея, крикнул в трубку Чистов.

– Известно кто, – ответила секретарь, – главный агроном Арепин.

– Позовите к телефону Арепина.

В это время на весь кабинет раздался голос телефонистки междугородней станции:

– Горький, трест «Мелиоводстрой», Афраймович у телефона.

– Александр Исакович, – начал Чистов, – как ваше здоровье, настроение? Когда сможете приехать в наш вновь организованный район?

Афраймович ответил:

– Благодарю вас, все хорошо. Приехать скоро не могу, – и, не дожидаясь вопроса Чистова, сказал: – На днях мы организуем в вашем районе Лесуновскую ММС. Решение исполкома состоится, по-видимому, послезавтра. Готовьте кандидата на должность директора. Как это делать, вы знаете.

– Кандидат на должность директора у нас готов. Он сидит напротив меня, – Чистов, улыбаясь, посмотрел на Зимина.

– Кто, если не секрет? – послышался голос Афраймовича.

– Думаем доверить этот пост Зимину Ульяну Александровичу, вашему начальнику Лесуновского торфучастка.

– Я лично и наши специалисты будем очень довольны и тронуты такой заботой с вашей стороны. Мы знаем Зимина только с положительной стороны. Я собирался вам звонить по этому поводу, но вы опередили. Еще раз благодарю вас за назначение его директором ММС. Я его знаю с момента организации нашего треста. Кстати, мы с ним вместе оформлялись на работу, я – управляющим треста, а он – главным инженером Богородской ММС.

– С вами разговаривал Юрин? – спросил Чистов.

– Да! – ответил Афраймович. – Вы не дадите ему перевозить экскаватор «Э-352». Вы об этом звонили Ключеву и Семенову. Вообще-то все это напрасно затеяли. Экскаватор надо было отдать, он крайне нужен в Лакшинском совхозе. Притом жалеть-то нечего, куча металлолома. Он принят нами от торфопредприятия. У вас будет ММС – дадим новые экскаваторы. Я не возражаю, оставляйте его у себя. Но шума такого создавать не надо было. Перевозку экскаватора Юрин согласовал со мной. Мне кажется, и Зимин неправильно себя повел.

– Почему неправильно? – перебил его Чистов. – Он обязан был доложить нам не только по долгу службы, но и по долгу совести. Юрин повел себя неправильно. Он, не разобравшись, написал приказ об увольнении Зимина. Чего он этим хотел достичь, неизвестно. Сейчас ездит по совхозам, продает не вывезенный с Лесуновского болота торф. Хочет с участка забрать все, что можно.

– Уволить Зимина без нашего согласия не имел права. Зимин как начальник участка – номенклатура треста. Приказ Богородской ММС на Зимина недействителен. Авансом оформлять торф ему тоже не надо. Деньги мы у него все равно снимем в трест.

– Благодарю вас, Александр Исакович, за откровенный разговор, жду вас в район.

В трубке раздалась короткая гудка. Афраймович повесил трубку. Чистов несколько раз клал трубку и только через минуту телефонистка спросила:

– Вы кончили?

Чистов ответил:

– Да! Вызовите мне Сосновский совхоз.

– Занят, – ответила телефонистка.

Чистов несколько раз пытался вызвать совхоз, но линия была занята.

– Товарищ Зимин, все, вопрос решен. Можете Юрина на территорию участка не пускать, делать ему у вас нечего.

В это время раздался звонок. Звонил Арепин:

– Вы меня, Анатолий Алексеевич, спрашивали?

– Да! – ответил Чистов.

– Слушаю, – сказал Арепин.

– Алексей Георгиевич, Юрин у вас?

– Нет, Анатолий Алексеевич, уехал.

– Вы у него много торфа купили? – спросил Чистов.

– Тридцать тысяч тонн на сумму двадцать семь тысяч рублей, – ответил Арепин.

– Ничего себе уха, – сказал Чистов и выругался. – Вы не имели права решать эти вопросы без директора совхоза.

– Я с ним, Анатолий Алексеевич, согласовал по телефону. Юрин сказал: «Осталось всего тридцать тысяч тонн сухого торфа с влажностью сорок процентов. Так как вы мне хорошие друзья, давайте его оформим вам и возите на здоровье. Такой торф ММС больше готовить не будет, это указание треста».

– Все ясно, – сказал Чистов и повесил трубку.

– Он сейчас ударился в Панинский совхоз, – сказал Зимин. – Уговаривать Тихомирову тысяч на сорок.

Чистов внимательно посмотрел на Зимина, поднял трубку и попросил Панинский совхоз. Ответила Тихомирова.

– Здравствуйте, Надежда Александровна. Как дела? – спросил Чистов.

– Хорошо, Анатолий Алексеевич, – ответил голос в трубке.

– У вас Димы Юрина нет?

– Здесь, Анатолий Алексеевич, – ответила Тихомирова. – Просит оформить совхозу сорок тысяч тонн сухого торфа. Я ему сказала, что торф купить можно, но, прежде чем оформлять документы, караваны надо обмерить, установить количество торфа, проверить влажность, а не так, как он думает.

– Правильно, Надежда Александровна, вы решили, – сказал Чистов. – Гоните его из совхоза в шею. Он ведь продает не свой торф, а Лесуновской ММС. Мы организуем свою ММС.

– Я знаю об этом, но обижать своего земляка не могу, – ответила Тихомирова. – Он, Анатолий Алексеевич, слышит вас.

– Раз слышит это – очень хорошо, еще раз скажите ему от меня, что он делец.

– Анатолий Алексеевич! Он ушел не попрощавшись, – раздалось в трубке.

– И хорошо сделал, – сказал Чистов и повесил трубку. – Сейчас куда направится Дима Юрин?

– В Ярымовский совхоз к Сорокину, – ответил Зимин.

Чистов снова снял трубку, вызвал Павлово и Ярымовский совхоз. Сорокина на месте не было. Предупредил главного бухгалтера совхоза, чтобы торф у Юрина не покупали.

– Все, товарищ Зимин, все вопросы с вами утрясли, – сказал Чистов.

Зимин встал:

– Разрешите идти, Анатолий Алексеевич?

– Идите, – ответил Чистов, – к Бородину. Вы, Михаил Яковлевич, оформите на товарища Зимина рекомендательные бумаги в трест «Мелиоводстрой» и обком партии.

Зимин вышел в приемную. Следом за ним – Бородин.

– Все утряслось, Ульянов Александрович. Получай рекомендательные письма и в понедельник жми в Горький за повышением. Вези приказ на пост директора ММС.

Глава третья

Реорганизовать район проще. Растащить из всех организаций мебель, имущество и сдать в архив бумаги. Вновь организовать дело значительно сложнее. Надо подобрать и освободить помещения для каждой организации. Бедного Никиту Сергеевича Хрущева не только ругали, но и проклинали. Он натворил, а сейчас расхлебывай. Все надо приобретать вновь. Три года назад мебель и имущество из райкома партии, райисполкома и всех подведомственных организаций увезли в Павлово. Вначале Сосновский район растерзали на части. Львиную долю включили в состав Павловского района, поменьше отдали Вачскому. Через три месяца объединили Павловский и Вачский, стал большой Богородский район. Снова поехали имущество и мебель не то в Богородск, а, скорее всего, по частным домам и квартирам. Сейчас приходится все покупать заново.

Чистов сидел в кабинете директора завода «Металлист» и думал: «Если взялся за гуж, то будь дюж».

Завод освободил контору заводоуправления. Оставил всю мебель и сейфы. Пока разместили только райком партии и райисполком с общим и плановым отделами. Остальные отделы планировали разместить в старом бараке, освобожденном от нескольких жителей. Велись работы по его восстановлению и приспособлению под конторы.

Вопрос с кадрами был решен. В основном все кадры сохранились от бывшего района. От людей не было отбоя, шли и просились на разные должности.

Вот уже два часа как Чистов сидел в кабинете, еще никого не было. Он говорил по телефону со всеми руководителями в сельском хозяйстве и промышленности.

Сейчас делать было нечего, поэтому Чистов ждал чего-то, чего и сам не знал. Бородин носился по цехам завода. Сафронов в кабинете сидеть не любил, рвался подальше в Рожок, Николаевку или Венец. Бойцов уехал в Павлово в «Сельхозтехнику» и автохозяйство.

Руководство районом возложили на Чистова. Никто ни за что сам не брался. Каждому надо давать задание. Промышленность Чистова пока мало интересовала. Все его думы и мысли были прикованы к сельскому хозяйству.

Сосновский, да и Панинский совхозы уже несколько лет корма завозили из вне. В отдельные годы ездили даже в Волгоградскую область. Когда-то прекрасные заливные луга в пойме реки Сережи, а их было больше 10 тысяч гектаров по району, заросли лесом. Осталось не более 1000 гектаров, да и то изуродованных и нужных только в период сенокоса. Ценные травы на них выродились. Суходольные начинали зарастать мхом. Накашивали не более 6–7 центнеров с гектара.

Пойма Сережи была богата торфяниками. Горское, Горелое и Лесуновское болота вместе взятые – более 6 тысяч гектаров. Вот где ценность.

Машинно-мелиоративную станцию уже организовали, ее работу надо было направить на освоение торфяников и восстановление лугов Сережи.

Зимин мужик был серьезный, грамотный. Чувствовалось, что дела у него пойдут. Еще и месяца не прошло с тех пор, как организовалась ММС, а Зимин сумел получить восемь новых тракторов, одну бортовую автомашину и много торфяного и мелиоративного оборудования.

Думы Чистова прервал с шумом вбежавший в кабинет Бородин. Сзади него шел вразвалочку выше его на голову директор завода Шурочков. Вошел внутрь, поздоровался и грузно сел.

– В чем дело, Борис Михайлович? – спросил Чистов.

Шурочков не успел раскрыть рта, как за него ответил Бородин:

– Анатолий Алексеевич, они же через два-три дня останоят завод. Нет ни металла, ни угля. Они обычно очень притки, а тут все молчат. Ни Муругов, ни Поляков, не говоря уже о нем, – указал на Шурочкова, – даже не позвонили.

Чистов грозно посмотрел на Шурочкова. Тот спокойно сказал:

– Что толку от этих звонков. По решению бюро райкома весь транспорт автоколонны направлен на вывозку торфа с Лесуновского болота. Я как член бюро и на заседании бюро говорил, что все это направлено против завода.

До организации района вся автоколонна предназначалась и работала для завода. Мы еще заимствовали транспорт у колхозов и совхозов, и часто выручал нас Ежов, начальник автохозяйства, прикомандировывал четыре, а иногда и пять тяжелых автомашин. Сейчас же никто не дает, следуют вашему лозунгу: «Все для сельского хозяйства».

Утром с шести до девяти часов в автоколонне сидят Поляков и Крутов, забывая о делах на заводе. В течение двух недель Черепков ни одной автомашины не дает, ссылается на Бойцова и на вас.

Каждое утро я разговариваю лично с вами, Анатолий Алексеевич. Вы отвечаете одними словами: «Обождите до распутицы». Вот мы ждали, ждали и дождались. На станции Metallist все наши разгрузочные площадки завалены. Материалы разгружать становится негде. Начальство железной дороги грозит штрафами. Прекрасно знаете, что у завода своего транспорта нет, Хрушев все отобрал.

– Вы кончили? – нервно спросил Чистов.

– Да, Анатолий Алексеевич, – ответил Шурочков, – вроде все.

Чистов вызвал из приемной секретаршу и велел пригласить начальника автоколонны Черепкова.

В кабинет Чистова вразвалку зашел Бойцов. Со всеми скупно поздоровался и сел на свое место члена бюро.

– Иван Нестерович! – сказал Чистов. – Руководить автоколонной я поручил вам. От вашего умелого руководства Борис Михайлович Шурочков сейчас поставил меня перед фактом. Ты знаешь о том, что завод на днях прекратит свою работу? Нет ни металла, ни топлива.

– Знаю, – невозмутимо ответил Бойцов, – но помочь я ничем не могу. На автомашины автоколонны вынесено решение бюро райкома партии: «Все на вывозку торфа». Ничуть не лучше положение на Елизаровском и Давыдовском заводах.

Чистов покраснел, хотел задать Бойцову хорошую трепку, но раздумал. При посторонних неудобно. Он думал: «Все валят на меня. Обождите, я с вами разберусь на досуге».

В кабинет осторожно, неторопливо вбежал Черепков. От дверей поздоровался и попытался сесть на крайний от входа стул.

– Проходи сюда, Сергей Петрович.

Черепков подошел ближе и сел.

– Почему ты тормозишь работу завода? – начал Чистов. – Почему ты не обеспечиваешь завод транспортом? Да ты знаешь о том, что за такие дела не только выгоняют с работы, но и отдадут под суд.

Чистов начал с полного разноса Черепкова. Тот сидел, ерзал задом, говорил:

– А я при чем?

– А ты еще и оправдываешься.

На выручку и прямо в лобовую атаку пошел Бойцов.

– Анатолий Алексеевич, – почти крикнул Бойцов. – Он-то здесь при чем? Без моего разрешения он никому ни одной автомашины не дает. Я лично проверял по путевкам.

Черепков словно ожил. Втянутая в плечи голова стала подниматься, он уже смело сказал:

– Пожалуйста, проверяйте, я здесь ни при чем.

Чистов был осажен, разноса не получилось.

– Что будем делать? – сказал он уже мирно.

– Переключить все автомашины автоколонны, да еще Ежов сегодня обещал до десятка автомашин – все для заводов, – сказал Бойцов. – Это единственный выход из создавшегося положения.

– Правильное решение, – поддержал Бородин.

– Тогда так и решим, – сказал Чистов. – Нас здесь четыре члена бюро. Понял, товарищ Черепков?

– Как не понять, – ответил Черепков. – Разрешите идти?

– Иди, – сказал Чистов.

Из приемной Черепков выскочил пулей. Он думал: «Слава богу, пронесло. Хорошо, что Бойцов за меня горой с первого знакомства, иначе капец. Проверили – нашли бы грязи».

– Иван Нестерович, – сказал Чистов. – Почему вы так неуместно заступаетесь за Черепкова?

– Извините, Анатолий Алексеевич, но он мужик честный и хороший, – ответил Бойцов.

– Нашел честность, – сказал Бородин, – как у лесуновской Клавды Тоскиной, которая принимает за ночь по три мужика.

Шурочков расхохотался, но молчал. Глядя на Шурочкова, захохотали Бойцов, Бородин и Чистов.

– Надо и повеселиться, – сказал Бородин. – От веселья еще никто не умирал.

– Вот мы здесь все члены бюро, руководители района, – начал Чистов. – Перед нами сейчас одна задача – это поднятие сельского хозяйства. Из трех совхозов района два – убыточ-

ные. Только один Панинский кое-как вылезает без убытков. Про колхозы и говорить страшно. В целом по району надои молока на фуражную корову низкие. Урожайность зерновых и картофеля тоже. Плана мясозаготовок хозяйства не выполняют. Дела наши не из легких.

Откровенно говоря, я даже боюсь, сумеем ли мы сплотить коммунистов и поднять сельское хозяйство. Показатели по хозяйствам из года в год ухудшаются. Все три колхоза не только стали экономически слабы, без нашей помощи они не способны ничего делать. Остались от них только громкие названия: Николаевский имени 21 партсъезда, Рожковский имени Ульянова и Венецкий имени Горького. Мы же их делами позорим великих людей. Давайте до организации совхоза будем называть их по-народному: Николаевский, Венецкий и Рожковский.

В совхозах семена есть, надо отдать должное директорам. В колхозах же ни одного центнера семян не засыпано. Крупный рогатый скот дохнет от бескормицы. От них только одни просьбы. Только одно дал, так у них другого нет.

На всех председателей – Трифонова, Стачева и Попова – масса жалоб. Автомашин используют в личных целях. Все трое пилят тес на пилорамах, возят в Павлово и Вачу, продают. Деньги в кассу колхоза не приходят, кладут себе в карман.

– Возят не только тес и дрова, – поправил Бородин. – Вчера у меня был Кузнецов Сергей Васильевич из Бочково. Это бывший председатель Рожковского колхоза. Говорит, что Стачев всю овцеферму скоро уничтожит, то есть сам съест. Каждую субботу он ездит домой в Сосновское. В пятницу едет в деревню Большая Пустынь к бригадиру Сидорову, вместе с ним идет на овцеферму. Сам выбирает барашка или ярокку. Приказывает убить рано утром в субботу. Его шофер едет и забирает тушку. Говорит, что в воскресенье у него будет начальство. Раньше говорил на богородское, сейчас уже на сосновское. В эту субботу он увез уже двух барашков, – Бородин говорил и внимательно смотрел на Бойцова. – Если он будет возить каждую субботу по две овечки, то его овцефермы хватит ненадолго.

– Ты что так на меня смотришь? – не выдержав, спросил Бойцов.

– Смотрю и думаю, – ответил Бородин, – правду Стачев Сидорову говорит или врет.

– Что он говорит? – спросил Чистов.

– Третью овечку в прошлую субботу увез Бойцову.

Бойцов мгновенно покраснел и закричал на Бородина:

– Твое-то какое дело!

На него сурово посмотрел Чистов и сказал:

– Правда это или ложь?

– Правда, Анатолий Алексеевич, – понизив голос и невольно улыбаясь, ответил Бойцов. –

Всего две по десять килограмм.

– Значит, доля правды есть, – уже более грубым тоном сказал Бородин. – Он ссылался Сидорову и на вас, Анатолий Алексеевич.

Лицо Чистова мгновенно стало багровым, но он сдержался, тихо сказал:

– Давайте об этом поговорим наедине.

Шурочков встал и сказал:

– Я вам мешаю?

– О нет, Борис Михайлович, – ответил Чистов, – обождите, не уходите. Мы сейчас пригласим Теняева, начальника управления сельского хозяйства, и разберемся кое в каких вопросах. А Кузнецов превратился из мужика в сплетницу, бабу. Ходит и болтает, что надо и не надо. Кстати, где он сейчас работает? Стачев говорит, что он присвоил себе колхозный мотоцикл «Урал». Его судить надо.

– У нас на заводе работает, – ответил Шурочков, – в отделе снабжения.

– Гоните его в шею отсюда, – сказал Чистов. – Дайте ему, алкоголику, железную лопату и заставьте копать землю. Какой из него снабженец? Сидит дома за тридцать километров от

завода. Стачев говорит, только одно и знает, что со сворой собак ходить на охоту. Браконьерит в любое время года.

Спокойный Шурочков собирался что-то ответить, но его опередил Бородин:

– Сегодня утром ко мне приходил прокурор Алимов и говорил, что будет открывать уголовное дело на Мишу Попова. Он показывал мне три заявления – на продажу теса, дров, поросят и присвоение денег. Одно заявление от гражданки деревни Красненькая. Миша Попов занял у нее восемьсот рублей на покупку мотоцикла «Урал». Мотоцикл купил для колхоза, но тут же продал за две тысячи рублей, все деньги присвоил себе. Этой женщине долг не отдает.

– Ну и плут, – сказал, улыбаясь, Чистов. – Я с ним поговорю, пусть немедленно рассчитается. Прокурору Алимову, Михаил Яковлевич, скажите, пусть он свой нос куда не следует не сует. Вчера был у меня, на Зимина возбуждает уголовное дело. Якобы тот продал автомашину теса. В отношении Трифонова обещал расследовать и тоже открыть уголовное дело за продажу дров и теса. То же самое на Стачева и Андрианова. Еще только две недели, как приехал в район, а уже собирается половину руководителей посадить. Через неделю, Иван Нестерович, он доберется и до нас с тобой. Ты ведь тоже баранину любишь и берешь в колхозе.

Бойцов снова покраснел, насутился, но промолчал.

– Он на прокурора-то не походит, – улыбаясь, сказал Шурочков. – Заморыш какой-то. Он на днях был у меня. Когда вошел, я подумал, что школьник. Маленький, худенький. Подходит к моему столу и протягивает мне руку. Говорит: «Я прокурор района. Мне надо с вами познакомиться. У вас тут не все в порядке с учетом поступающих материалов и топлива. Кое-кого надо привлечь к ответственности за хищение». Я его до конца не выслушал, посоветовал ему обратиться к Полякову.

– Не прокурор, а настоящий Шерлок Холмс, – смеясь, сказал Чистов, – говорят, здорово закладывает.

В кабинет вошел Теняев. Он спокойно обошел всех, поздоровался. Сел за стол и неприужденно устремил взгляд на Чистова.

– Как дела, Василий Георгиевич? – спросил Чистов.

– Хорошо, Анатолий Алексеевич, – ответил Теняев. – Кажется, вывозку удобрений сдвинули с мертвой точки. Областное управление сельского хозяйства выделило сто тонн мочевины, триста тонн калийных, тысячу тонн аммиачной селитры. Дают почти неограниченно фосфоритной муки. Сколько сумеем вывезти. Предлагают брать аммиачную воду и доломитовую муку. Как здорово, Анатолий Алексеевич!

Чистов отлично знал, чего дают и чего не дают, потому что каждый центнер минеральных удобрений с большим трудом выпрашивал сам. Нередко для этого просил помощи у секретаря обкома по сельскому хозяйству Семенова, который к Чистову относился по-свойски и ни в чем ему не отказывал. Теняева не перебивал, слушал внимательно.

Теняев с довольным видом, улыбаясь, докладывал:

– С вывозкой торфа тоже наладили. Совхозы «Сосновский» и «Панинский» последние дни вывозят по тысяче тонн. Но дорога становится с каждым днем хуже. На болоте автомашины местами уже проваливаются. Там проще – Зимин поставил дежурный бульдозер, который вытаскивает застрявшие автомашины и ремонтирует дорогу. Хуже дела обстоят на полевых дорогах, вот-вот рухнут.

Чистов лучше Теняева знал, кто сколько возил торфа. Он знал, как организована погрузка, даже знал бульдозеристов, трактористов и экскаваторщиков. Спросил:

– Как обстоят дела у Трифонова? Сколько он вывозит торфа от экскаватора?

– Анатолий Алексеевич, это пустая затея, – ответил Теняев. – Он возит не торф, а воду. Экскаватор черпает торф из воды и грузит на транспорт. Я считаю, это не дело.

– По-твоему, лучше совсем не возить? – повысив голос, сказал Чистов. – Каждая тонна торфа с минеральными удобрениями – это центнер прибавки урожая зерна.

– Нет, почему, – ответил Теняев. – Готовить торф экскаватором надо. Пусть он лето полежит, высохнет, а на следующую зиму возить. Сейчас надо бы и Трифонову возить с Лесуновского болота. Почему? Я вам докажу простым арифметическим расчетом.

– Не надо, Василий Георгиевич, – ответил Чистов. – Всем ясно: разница между торфом – сорок и девяносто процентов влажности. Но не нужно забывать и другого. От экскаватора он торф возит за один-два километра, а с Лесуновского болота – за двадцать километров. От экскаватора он возит торф на всех видах транспорта, даже на лошадях. С болота же у него возить практически нечем.

– Все правильно, Анатолий Алексеевич, – согласился Теняев.

– Как дела с кадрами? – спросил Чистов.

– Главного зоотехника прислали, – ответил Теняев, – нашел инженера-строителя по совместительству. Главный агроном по вашей рекомендации Пономарев Руслан из Ярымовского совхоза увольняется, но Павловский райком не хочет его отпускать.

– Как не хочет? – перебил Чистов. – Все согласовано с обкомом партии. Им должен был позвонить Семенов, чтобы не задерживали его.

Чистов снял трубку, попросил междугороднюю и попросил вызвать Семенова. Семенов тут же ответил.

– Василий Иванович, здравствуйте, – спокойно говорил в трубку Чистов. – Спасибо вам за оказанную нашему району большую помощь по выделению минеральных удобрений, транспорта и комбикормов.

В трубке раздалось:

– Пожалуйста, Анатолий Алексеевич. Что у вас? Без комплиментов, коротко. Я срочно ухожу.

– Василий Иванович, – просящим голосом сказал Чистов, – помните, я просил вас позвонить в Павлово Логинову в отношении агронома Пономарева? Они его не отпускают. Он же живет в нашем поселке в своем доме, жена здесь работает учительницей. Каждый день ездит на работу за двадцать километров.

– Все ясно, Анатолий Алексеевич, – ответил Семенов. – Сейчас же будет исполнено, до свидания, – и повесил трубку.

Чистов еще с минуту держал трубку, откуда раздавались короткие гудки. Затем сказал:

– Все решено. Руслан на днях приедет.

– Остальных сотрудников я уже подобрал, – сказал Теняев.

– Жену Бойцова тоже устроил? – спросил Чистов.

– Да! – ответил Теняев.

В знак подтверждения Бойцов улыбнулся и кивнул.

– Вот, товарищи, – начал Чистов. – Я детально разобрался в делах всех совхозов и колхозов. При всех наших усилиях мы еще долго не добьемся желаемого результата. Поэтому сообщаем нам надо детально продумать все вопросы.

Вы знаете о том, что район организовали почти вопреки желанию областного руководства, в частности председателя облисполкома Чугунова. Он сказал мне: «Если вы в течение двух-трех лет не поправите дела сельского хозяйства, мы вас держать не будем, район снова реорганизуем, так как никакой нужды в нем нет и не будет». Что мы сумеем сделать за два года, начиная почти с нуля? Как думаешь, Василий Георгиевич?

– Очень многое, Анатолий Алексеевич! – ответил Теняев. – Но и еще раз но. Надо сделать полную инвентаризацию земель. За совхозами и колхозами числится пахотных земель, сенокосов, пастбищ и лесов, – он вытащил из кармана блокнот и назвал цифры. – Часть их перешла из одной категории в другую. Например, пахотные земли сократились даже за последние пять лет не менее чем на тридцать процентов. Часть их подверглась эрозии, другая превратилась в

пастбища, много засажено и заросло лесом. По Барановскому совхозу в деревнях Селитьбе и Бочихе выбыло около трехсот гектаров.

Я не буду приводить данные по всем совхозам, они неточны. При проведении инвентаризации постараться избавиться от малопродуктивных земель и перевести их из категории пахоты, например, в лес или пастбища. Количество пахотных земель уменьшится, отсюда повысится урожайность с гектара. По последнему постановлению правительства о мелиорации земель, нас обяжут вводить новые земли. Избавившись от непригодных земель, мы будем разрабатывать и вводить более плодородные.

Чистов смотрел на Теняева и думал: «Вообще-то я в нем сомневался, а он, оказывается, мужик деловой и умный. Я об этом пока не думал. Он подсказал правильный выход из положения».

– Кроме этого, – говорил Теняев, – для выполнения плана закупок молока, мяса и других сельхозпродуктов надо привлекать и местное население. Закупочные цены государством сейчас повышены. Только соответствующая работа с народом и заинтересованность. Например, за каждый надоенный литр молока сверх нормы дояркам мы даем прибавку комбикорма, а почему бы не давать комбикорм местному населению за сданное за совхоз молоко. Пока дела наши неважные, включать его в счет выполнения плана совхозом. Вы извините меня за предложения, может, я с ними полез в болото оппортунизма.

– Все правильно, – сказал Чистов. – Продолжай, Василий Георгиевич.

– Анатолий Алексеевич, это я предлагаю на первое трудное время. Заживем богато – откажемся. То же самое надо делать и с мясом. Закупать у населения скот и убойное мясо и тоже включать в счет выполнения плана совхозами. У нас поощрительных мероприятий по району много. Сенокосы в первую очередь выделять тем, кто сдает молоко и мясо и так далее.

«Мысль очень хорошая, – думал Чистов, – об остальном сами решим. Вот Бойцову об этом было бы не додуматься. Да он вообще-то думает только об одном – где бы сорвать выпить и закусить».

– Спасибо, Василий Георгиевич, за хорошие предложения, – сказал Чистов. – Идея правильная, только ее надо немедленно претворять в жизнь. В нашем районе до сих пор хозяйничают богородские, ардатовские и кулебякские заготовители. Закупают мясо, скот, масло сливочное и так далее. Наша кооперация пока бездействует. Нам надо поговорить с народом лично. Давай, Михаил Яковлевич, составляй список, кто куда поедет. Проведем общие собрания во всех крупных деревнях и селах. Себе я беру самые трудные деревни: Венецкий колхоз и село Лесуново.

– А я, Анатолий Алексеевич, Рожковский колхоз, – отметил Бойцов.

– Я поеду в Яковское, Студенец и Пашигорье, – добавил Бородин.

– Мне тогда давайте Бараново, Захарово, Сергейцево, – сказал Теняев.

– Учтите их просьбы, Михаил Яковлевич, – сказал Чистов, – а мне добавьте еще Николаевский колхоз. С этими двумя хозяйствами надо разобраться по-настоящему.

– А ты, Борис Михайлович, куда поедешь? – спросил Бородин Шурочкова.

– Да никуда, – ответил Шурочков.

– Как никуда? – изумленно проговорил Чистов. – Ты что, не ешь хлеб, мясо, молоко?

– Некогда, Анатолий Алексеевич! Получили проект реконструкции завода, надо же во всем разобраться. Определить, где что разместить. Да и дела на заводе не блещут, вы сами знаете.

– Надо освободить его, Анатолий Алексеевич, – поддержал Шурочкова Бородин. – Мне кажется, без него справимся. Нас народу на три совхоза и три колхоза хоть отбавляй. На все хозяйства хватает. Нас три секретаря, председатель райисполкома имеет двух заместителей. Вот уже шесть человек. А сколько у нас отделов в райисполкоме, не говоря об инструкторах и специалистах управления сельского хозяйства. Если всех двинуть в колхозы и совхозы, нас

же целая армия. На каждое хозяйство придется по десять человек. Если всех будем направлять одновременно, директора совхозов и председатели колхозов схватятся за голову, а затем сбегут, оставив высокие посты. Ведь получится полная неразбериха. Одному одно, другому – другое и так далее.

– Да... – протянул Шурочков.

На него посмотрели все.

– Что, Борис Михайлович, хотел сказать? – спросил Чистов.

– Да так, ничего, – улыбаясь, ответил Шурочков. Подумал: «Что там говорить. Вообще все это излишняя надстройка. Организовали карликовый район. Набрали одного начальства более полсотни человек. Это на три-то совхоза, а колхозы считать нечего, скоро будет еще один нахлебник на шее государства – это совхоз «Рожковский». По-видимому, так и назовут его. По сути дела, разделили бы его снова между Вачским и Павловским районами – это было бы куда лучше. Сколько бы сократилось бездельников. Одной зарплаты была бы экономия около ста тысяч рублей в год».

Думы его перебил Чистов:

– Товарищи, пошли, надо пообедать, а то засиделись и про обед забыли.

Глава четвертая

К девяти часам утра в кабинет Чистова был вызван весь поселковый актив по подготовленному Бородиным списку. В каждую большую или маленькую деревню района направлялся человек, чтобы провести собрание.

Перед собравшимися выступил Чистов. Говорить он, надо сказать, умел. Выступление свое начал с инструктажа, к кому следует обращаться в деревнях:

– Привлечь к работе сельский актив: коммунистов, депутатов сельских советов и всю сельскую интеллигенцию. Наша задача – оказание практической помощи, надо говорить не «колхозам и совхозам», а «государству», в сдаче мяса, молока, шерсти и так далее.

Совещание продолжалось около часа. Выйдя из кабинета, большинство стало пробираться на места в деревни. Чистова ждал Бойцов. Решили ехать вместе, но каждый на своей автомашине.

«С двумя колхозами и селом Лесуново за день не управимся», – думал Чистов и решил начать с Лесуново. Две новенькие «ГАЗ-69» стояли рядом с проходной завода. Шоферы сидели в одной автомашине и что-то громко рассказывали друг другу. Увидев выходящее начальство, замолчали и сели по своим машинам. Чистов с Бойцовым вышли вместе. Оба не по годам грузные, растолстевшие, одинаковые ростом. Лицо Бойцова походило на улыбающееся солнце, какое обычно рисуют дети. Лицо Чистова, несмотря на упитанность, казалось продолговатым, с длинным носом и хорошо развитым подбородком.

Сели они оба в одну автомашину райкома. Своему шоферу Бойцов крикнул:

– Следуй за нами.

Дорога до Лесуново составляла 20 километров. Твердое покрытие было только до совхоза «Сосновский», то есть до окраины поселка. Остальная часть – грунтовая. До леса 7 километров. Весной и осенью дорога становилась непроезжей. Лесом идут сыпучие пески. По ним дорога отлично накатывалась в сырую погоду и становилась труднопроезжей в летнюю сухую.

По хорошо накатанной обледеневшей покрытой торфом дороге автомашины шли на большой скорости. Навстречу почти сплошной вереницей тянулись трактора МТЗ с тележками, гусеничные с санями и автомашины, груженные торфом. Одни автомашины шли нагруженные наравне с кабиной, другие – вровень с бортами. Одни шоферы стремились за рейс вывезти больше, другие наоборот – гнались за количеством рейсов.

Чистов следил за проходившим мимо транспортом, кто как гружен, но из-за кабины встречной автомашины, как правило, груза видно не было. Когда машина проходила мимо, останавливать ее было поздно.

– Надо, Иван Нестерович, выставить посты и недогруженные автомашины возвращать обратно.

Бойцов о чем-то глубоко задумался, не понял, что сказал Чистов, но переспрашивать не стал. Ответил себе под нос:

– Надо.

– Строительство лесуновской дороги, – сказал Чистов, – первоочередная наша стройка. Мы ее все равно выстроим, и скоро. Только бы нам суметь затянуть в район секретаря обкома или председателя облисполкома.

Бойцов подумал: «Не говори «гоп», пока не перепрыгнул», но промолчал.

– На болото заедем? – спросил Чистов.

– Нечего там делать, – ответил Бойцов. – Если там что-то не будет ладиться с погрузкой торфа, нас с тобой разыщут не только в Лесуново и Рожке, но и в Арзамасе, если бы мы придумали туда ехать.

Чистов расхохотался и сказал:

– Что верно, то верно, Иван Нестерович.

До Лесуново доехали быстро.

– Я останусь здесь, а потом поеду в Венец, оттуда позвоню, разыщу тебя, – Бойцов перешел в свою автомашину и уехал в Рожок, расположенный в 5 километрах от села Лесуново.

Чистов подъехал в контору бригады совхоза. Там сидели пять женщин и о чем-то кричали. С появлением Чистова замолчали.

– Где бригадир? – спросил Чистов.

Одна из женщин, прижавшись плотно к печке, сказала:

– Уехал в Сосновское в совхоз. Еще вчера его вызывал директор совхоза.

– Вот что, дорогуша, – сказал Чистов. – Все, кто работает и не работает, давайте собирайтесь в клубе, проведем собрание.

– Кто же побежит собирать? – ответила другая женщина. – Село огромное, более пятисот дворов, пробегаешь целый день.

– Как ваша фамилия? – спросил Чистов.

– Шабаева, – ответила женщина.

– Кем вы тут работаете?

– Ездовой.

– Я вам, товарищ Шабаева, лично поручаю собрать в клубе всех, кто работает в совхозе.

– А тех, кто нигде не работает, можно собрать при помощи школьников, – посоветовали женщины. – Ребятишки на ноги легкие, и их много, они быстро все село оповестят.

«Дельное предложение», – подумал Чистов и поехал в школу.

В учительской никого не было, шли уроки. Чистов открыл двери одного класса и попросил выйти учительницу. Отрекомендовался ей. Сказал:

– Я секретарь райкома Чистов, мне нужен ваш директор.

Директор школы Бубнова почти бегом вбежала в учительскую:

– Я вас слушаю, Анатолий Алексеевич.

– Вот что, Антонида Александровна. Надо организовать в клубе общее собрание сельчан.

– Трудное дело, Анатолий Алексеевич, народ здесь специфический, но попробуем. Что от меня требуется?

– От вас, Антонида Александровна, требуется организовать собрание, – раздраженно сказал Чистов. – Послать для этого человек десять хороших ребят из старших классов, комсо-

мольцев. Распределить их по участкам, где кому собирать. Мы с вами и со свободными учителями пройдем в клуб.

Бубнова быстро все организовала. Ей предоставился хороший случай поговорить с секретарем райкома.

Чистов позвонил по телефону директору сушильного завода Ивлеву и велел всех рабочих во время обеденного перерыва вести в клуб на собрание. Ивлев, человек исполнительный, сказал, что все будет сделано.

Бубнова, не откладывая в дальний ящик, тут же начала жаловаться Чистову:

– В школе нет дров. Здание требует капитального ремонта, не хватает учителей. Для учителей не созданы бытовые условия. Все молодые специалисты живут на частных квартирах. Кто старше – обзавелись своими домами. Поэтому учителя у нас не держатся, изыскивают причины, чтобы уехать.

Она говорила быстро, чтобы успеть высказать все наболевшее. Ей показалось, что Чистов слушал внимательно. Однако он ее почти не слышал. Думал о собрании, о том, сколько соберется людей. В голове витали мысли об огромном селе, о людях, проживающих здесь, об использовании их в сельском хозяйстве. Он думал, как лучше и с чего начать беседу. Потому что отлично знал специфику народа, который не работал в колхозе и не работает в совхозе. Большинство жило за счет личного хозяйства и шабашничества.

Вопреки разговорам, что народ созвать трудно, набрался полный клуб. Скамеек и стульев не хватало. Люди стояли, заполняя все проходы. Чистов в сопровождении учителей пробрался на сцену, поднял руку. В клубе наступила тишина.

– Товарищи! – начал Чистов. – С вашего разрешения собрание будем считать открытым. Давайте выберем президиум.

– Разрешите мне, – громко сказала Бубнова. – Мое предложение – президиум избрать из пятнадцати человек.

– Кто за это предложение, прошу голосовать, – сказал Чистов.

Поднялись руки.

– Единогласно, – снова подтвердил Чистов. – Давайте персонально.

Бубнова зачитала список.

– Товарищи, согласны с выдвинутыми кандидатурами в президиум?

– Согласны, – послышалось несколько голосов.

– Если согласны, то давайте проголосуем.

В зале потянулись кверху руки.

– Единогласно, – подтвердил Чистов.

Места в президиуме заняли быстро. Бубнова объявила:

– Слово имеет секретарь райкома партии Чистов.

Чистов подошел к пыльной, только что принесенной из кладовки трибуне и начал свое выступление.

– Товарищи! Вы, по-видимому, уже все хорошо знаете. Снова организовался наш Сосновский район. Я приехал посоветоваться с вами. Село ваше большое. Народу много и большинство нигде не работает. Наша не только задача, но и святая обязанность обеспечить вас всех работой.

В зале наступила тишина. Все внимательно слушали и ожидали чего-то невероятного.

– Мы еще окончательно не решили, что у вас лучше организовать: сельскохозяйственное или промышленное предприятие. Если сельскохозяйственное, то на базе Лесуновского торфяника, площадь которого свыше трех тысяч гектаров. Половина торфяника уже осушена. Можно начинать освоение. Однако для того, чтобы начать освоение, нужен проект и финансирование. У нас пока нет ни того, ни другого, но мы готовим заявки.

Большинство поняли по-своему.

– Слава богу, – говорили друг другу. – Снова у нас организуют торфопредприятие. Построят торфобрикетный завод. Рабочих потребуется много.

– Если промышленное, – продолжил Чистов, – организуем от завода «Металлист» цех по выпуску напильников или слесарно-монтажных инструментов. В будущем построим большой цех, примерно на одну тысячу рабочих.

Чистов доходчиво обрисовал будущее села. Говорил, что достигнуто партией и правительством за прошедшие годы. Речь свою закончил просьбой к населению сдавать государству молоко, мясо и другие сельхозпродукты.

Первым в прениях выступил директор сушильного завода Ивлев. Он тоже говорил о достижениях партии и правительства в области сельского хозяйства и промышленности. Коротко рассказал о результатах работы сушильного завода.

– Кто еще желает выступить? – несколько раз повторил Чистов. Думал: «Все идет хорошо. Народ молчит, значит доволен».

Поднялся невысокого роста старик и, заикаясь, сказал:

– Разрешите мне.

В зале зашумелись, на лицах появились улыбки.

– Куда тебе, Михаил Иванович, – раздался звонкий голос. – Сидел бы дома на печи, еще лезет выступать.

Раздался смех.

– Тише, товарищи! – крикнул Чистов. – Вы проходите сюда, к трибуне.

Старик быстро прошел к трибуне. Внимательно посмотрел на членов президиума и, заикаясь, начал:

– Можно откровенно говорить всю правду? Мне ничего за это не будет, не посадят?

– Можно, говори, – сказал Чистов. – Времена страха и подавления критики давно прошли.

– Мужики и бабы! Кто постарше, тот хорошо помнит, когда жили единолично. С тех пор село немного расширилось и домов прибавилось от силы полсотни. Народу, мне кажется, не прибавилось, а много убавилось. Наши земли, хотя и песчаные, в ту пору нас всех кормили. Правда, пшеницы мы не сеяли, она у нас плохо росла. Зато рожь, овес, ячмень, просо и гречиха давали отменные урожаи. Сельчане хлеба не покупали. Самим хватало, и скот кормили. А какое стадо было! Одного крупного рогатого скота свыше двух тысяч голов, не говоря уже об овцах и свиньях.

Что сейчас осталось от наших полей и сенокосов? Почти ничего, одной десятой части нет. Главный агроном совхоза Арепин все наши земли отдал лесничеству под посадки сосны. Год тому назад грозился и деревню всю обсадить лесом. Говорил: «Вашу деревню сотру с лица земли, как змеиное гнездо». Вот уже третий год совхоз не обрабатывает и не сеет на оставшихся лучших участках земли. Тоже зарастают сосной и березой.

– А что толку сеять, – раздался голос из зала.

– Товарищ Серов, не перебивайте, – вмешался Чистов.

– Наши сенокосы тоже все заросли лесом. В те времена в селе не знали, куда девать молоко и мясо. Никто его не брал. Продать было очень трудно. Волей или неволей приходилось самим есть.

В зале все захохотали.

– Верно говорит. Чего ржете? – раздался голос.

– Товарищ Серов, – сказал Чистов, – прошу на трибуну.

Серов только что приехал из Сосновского и поспешил в клуб. Он думал, что его обязательно будут критиковать. Знал за что. За день он выпивал по два-три литра водки. Трезвый почти никогда не был. На его поведение никто не обращал внимания. Потому что до него все председатели колхоза и бригадиры пили. Пили не на свои, а кто на что, за счет хозяйства. Все

смотрели на это сквозь пальцы. Думали, так надо. Если есть возможность и здоровье позволяет – пей.

Серов подошел к трибуне, голову держал в противоположную от президиума сторону. Знал, что от него идет запах водки и, что еще хуже, чеснока. Сегодня он выпил большую дозу. Серов хриплым не то от алкоголя, не то простуженным голосом заговорил:

– Вот до меня выступал Михаил Иванович. Говорил, что не сеем ничего на наших полях. Что толку сеять? Один скандал и нервотрепка. Ставь сто сторожей, и все равно все разворуют. У нас, по-видимому, село такое, вор на воре. Но такого, как сейчас, никогда не было. В прошлом году совхоз посадил 25 гектаров картошки. Половину, выкопанную из буртов, украли. Сено теперь нельзя стоговать на лугах, все перетаскивают, а остатки стогов сжигают. Вот поэтому Арепин в горячке сказал, что наше село надо обсадить сосной по самые усадьбы, а когда вырастет, в сухую ветреную погоду поджечь. Это он пошутил.

– Сколько у вас на сегодня пахоты? – спросил Чистов.

– Восемьдесят три гектара, – ответил Серов.

– А сколько было?

– Я точно не знаю.

Из зала раздались голоса:

– В 1930 году было восемьсот тридцать гектаров.

– Кто, товарищи, еще желает выступить? – проговорил Чистов.

На трибуну поднялся пьяный Николай Тоскин. В селе его все звали Колька Жулик. Кличка ему привилась еще в детстве. Уже забылось, кто его первым назвал Жуликом.

– Вот что я вам, мужики, скажу. Такого собрания у нас лет двадцать пять не было. Мы жили, никому не мешали, но и нам никто не мешал. Вы думаете, Чистов зазря к нам приехал. Подумаешь какое открытие – район организовали. Три года у нас не было района. Народу стало жить вольготнее. Косили, дрова рубили, за нами никто не гонялся. А сейчас, посмотрите, снова что будет?

– Как и было три года назад, – раздался в зале чей-то голос.

– Точно, – подтвердил Жулик. – В сенокос вся милиция по месяцу будет жить у нас. Берегитесь, бабы, особенно одинокие и вдовушки, вам покоя не будет.

В зале поднялся шум. Жулик вышел из-за трибуны и скрылся в дверях. Следом за ним, как за вожаком, стал выходить народ. Напрасно Чистов кричал:

– Граждане, товарищи, куда вы?

Народ стихийно собрался, стихийно и разошелся. В зале остались одни учителя и деревенский актив. Председатель сельпо Валентин Галочкин подошел к Чистову и позвал обедать. Звал его и Ивлев, но Чистов отказался. Его не только возмутило, но и оскорбило такое поведение народа. Он думал: «Обождите, вы еще будете помнить меня». В сопровождении оставшихся он вышел на улицу и сел в автомашину.

– Ну как, Костя, дела? – спросил он шофера.

– Отлично, Анатолий Алексеевич, – ответил шофер. – Не пора ли нам пообедать?

Чистов на вопрос не ответил, лишь сказал:

– Поехали в Венец.

Миша Попов ждал Чистова в конторе колхоза. В ожидании не раз он измерил шагами контору от угла до угла. Было велено собрать народ на собрание, но народа он боялся больше, чем кипящей смолы в аду у сатаны. За бездеятельность, праздность и чванство народ его не любил. В конторе пьяные мужики часто высказывали ему все прямо в глаза. Он думал: «Будь что будет, а собрание собирать не буду». Секретаря партийной организации Кочеткова он отправил навстречу Чистову. Велел ему стоять на дороге, рядом с кучами торфа и навоза, вывезенного на поля. Этим показать: мы тоже работаем, и вот наши результаты.

Как-то внезапно подошла автомашина, Чистов и улыбающийся Кочетков вылезли из нее. Чистов вошел в контору и спросил:

– Где народ собрали?

– Пока нигде, – ответил за Попова Кочетков.

– Как нигде? – удивленно спросил Чистов.

– Потому что сегодня в селе пьяных почти пятьдесят процентов мужиков и баб. Вчера в леспромхозе и в лесничестве давали получку. Сами знаете, что значит получка для нашего народа. После получки, как правило, день никто не работает.

Попов глядел на Кочеткова и думал: «Молодец, вот находчивость. Я до этого, пожалуй, и не додумался бы».

– Тогда поедem в вилейскую бригаду, – сказал Чистов.

– Там сегодня вообще делать нечего, – ответил Попов. – Зимой почти все население деревни работает в мухоловской лесозаготовительной конторе. Они сегодня с утра начали выдачу денег.

– Ну тогда поедem в залесную бригаду, – сказал Чистов. – Кстати, там надо разобраться. Поступила на тебя жалоба от женщины, что ты займы взял денег на покупку мотоцикла для колхоза. Мотоцикл продал, а деньги не отдаешь.

– Что верно, то верно, – ответил, краснея, Попов. – Деньги я ей вчера отдал. Больше она жаловаться не будет. В Залесье и Красненькой большинство народа работает в леспромхозе. Положение такое же, что и в Венце.

– Тогда что будем делать? – улыбаясь, спросил Чистов.

– Обедать, Анатолий Алексеевич, – ответил Попов.

– Пообедать не мешает, но вначале покажи свое хозяйство.

Они вышли из конторы. Шофер запустил мотор, Чистов крикнул:

– Костя, жди здесь.

Они не спеша прошли по коровнику, свинарнику и конному двору. Чистов спрашивал у заведующего фермой и доярок, чем кормят скот, интересовался рационом и нормой питания. Доярки охотно отвечали.

Вернулись снова в контору колхоза. Чистов вызвал по телефону Рожковский колхоз. Ответила женщина. Чистов попросил позвать к телефону Бойцова. Женщина сказала, что его нет. Он давно уехал обедать, а куда – не знает.

– Собрание давно закончилось? – спросил Чистов.

– Какое собрание? – удивленно переспросила женщина. – Никакого собрания не было. Более двух часов сидели в кабинете председателя колхоза, а затем уехали обедать.

– Все ясно, – сказал Чистов и повесил трубку. – Ну что, товарищи, пора и нам пообедать.

Все трое сели в автомашину, уехали обедать к кассиру колхоза Агнее, которая с утра готовила обед и унесла из магазина десять пол-литровых бутылок водки.

После продолжительного двухчасового обеда Чистов проверил наличие семян, их качество, готовность тракторов и сельскохозяйственных машин к весеннему севу. Попов заверил райком партии в лице первого секретаря Чистова, что весенний сев проведет в сжатые сроки, если райком поможет вовремя завезти семена, снабдит тракторами и горюче-смазочными материалами.

После двухчасовой прогулки снова посетили Агнею, откуда вышли поздним вечером. Попов поехал вместе с Чистовым в Сосновское, прихватив на всякий случай пару бутылок.

Кочетков, как моряк в бурю по кораблю, шел плавно покачиваясь с боку на бок, ища опору вместо убегающей из-под ног земли. В пьяном мозгу его витали возвышенные мысли: «Какой отличный человек Чистов. Он меня отлично понимает. Обещает дать направление на учебу в высшей партийной школе. Хоменко, секретарь Богородского горкома, – это негодяй. Хотел меня исключить из партии и отдать под суд. Ладно, старое вспоминать не будем. Не

будем портить хорошего настроения. Все обошлось. Дела снова налаживаются». Он негромко запел малознакомую песню на новый мотив.

Бойцов к конторе Рожковского колхоза подъехал с форсом. Шофер его Сашка это умел. Автомашину поставил на самом видном месте под окнами конторы, обозреваемой со всех сторон усадьбы колхоза. Председатель колхоза Стачев его ждал. По случаю приезда разрешил заколоть одного барана. Барана и все принадлежности к нему, то есть пол-ящика водки и столько же минеральной воды, отвезли на квартиру к бухгалтеру Кузнецову. Жена его тоже работала в конторе колхоза – счетоводом. Была освобождена от работы, чтобы приготовить обед. Стачев считал, что Чистов будет обедать у него. Поэтому обед был заказан на десять персон.

Стачев встретил Бойцова в дверях конторы. Подхватил его под руку и провел в свой кабинет, где сидели его подчиненные: Степан Храмов, временно исполняющий обязанности секретаря партийной организации, бессменный завхоз, председатель Рожковского сельсовета Лобанов и бухгалтер Кузнецов. Бойцов разделся, не спеша поздоровался со всеми, сказал:

– Приехал к вам разобраться в ваших делах, как вы тут дышите. Начнем с бумаг и отчетности.

– Пока с бумагами возимся, – улыбаясь, сказал Стачев, – в это время соберем народ на собрание.

– Надо ли собирать народ? – ответил Бойцов. – Мне кажется, в этом нет необходимости. С народом вы каждый день работаете. У вас каждое утро почти собрание. Как правило, все собираются к конторе колхоза.

– Это верно, – подтвердил Стачев. – У нас что ни планерка, то собрание.

Бойцов не любил собрания. На собрании надо выступать. Для выступления готовить доклад, что отнимает очень много времени. Без подготовки и доклада он не мог связать и двух слов. Непринужденная беседа с активом колхоза может продолжаться часами, ничто не ускользает: если что и забудешь – припомнят.

– Давайте приступим к обсуждению злободневных вопросов, – сказал Бойцов. – Можно пригласить заведующих фермами, бригадиров и кое-кого из актива, если они недалеко.

Народ собирался в клубе. Стачев сидел как на куче раскаленных углей, искал выход из положения. Клетки головного мозга напряженно работали. Если пойти в клуб и объявить, что собрания не будет, то народ может его неправильно понять. Если Бойцову объявить, что народ собран в клубе – это вопреки его желанию. Он может понять его неправильно. С первого шага нельзя идти вразрез с председателем райисполкома. От него зависит почти все.

Чистова Стачев помнил в бытность старого района. Особой симпатии они друг к другу никогда не испытывали, общались как-то отчужденно. Чистова он знал давно, но знал его маленьким человеком, не решающим никаких вопросов. Долгое время Чистов работал счетоводом в бухгалтерии МТС. На этой работе своих талантов не обнаружил. Главный бухгалтер неоднократно просил директора убрать коллегу из отдела и испытать на другой работе.

Фортуна улыбнулась Чистову. Директор МТС не хотел его обижать и порекомендовал секретарю райкома взять на партийную работу, не поскупился на отличную характеристику. Чистов был принят инструктором района. За ним закрепили отдаленные колхозы. В сельском хозяйстве он немного разбирался, так как сам родился в деревне в бедной семье. Отец его умер рано, поэтому Чистов с детства знал почем фунт лиха.

С большим трудом получил семилетнее образование. Учился плохо. Тупая исполнительность сыскала доверие у секретарей, его считали тружеником, поэтому впоследствии перевели на работу технического секретаря райкома. Выражаясь гражданским языком, это завхоз райкома. Боязливое и безропотное выполнение любых распоряжений начальства поставили Чистова в число надежных коммунистов и работников. Он поступил учиться в вечернюю школу-десятилетку. Зная, что в атомный век с семилетним образованием далеко не пойдешь,

с большим трудом и большими хвостами смог получить аттестат зрелости. При очередном наборе в высшую партийную школу он подал заявление и получил согласие секретаря райкома.

Все это время Чистов и Стачев были далеки друг от друга. Стачев после демобилизации из армии в 1945 году работал на руководящих работах, большую часть – председателем колхоза. В отдельные времена пользовался авторитетом у районного начальства. После окончания партийной школы Чистов вернулся работать в район, вначале заворготделом, а затем вторым секретарем. Тогда уже были организованы совхозы, и Стачев работал заместителем директора совхоза. Назначить его на другие должности не могли. За спиной его осталось образование в шесть классов без какой-либо специальности.

Чистова Стачев считал человеком с узким кругозором, не знавшим ни промышленности, ни сельского хозяйства. Он боялся его, думал, что при первом удобном случае Чистов с ним нянчиться не будет. Поэтому во что бы то ни стало надо было наладить деловые связи. Но как? На что клонет Чистов? Над этим часто думал Стачев. Предлагал Чистову мяса, масла, картошки. Тот деликатно отказывался.

Бойцов мужик хороший, за него надо держаться, думал Стачев. Поэтому, извиняясь перед Бойцовым, попросил разрешения отлучиться минут на пятнадцать.

– В это время вас, Иван Нестерович, познакомят с нашей отчетностью и скромными результатами по сдаче мяса и молока.

Стачев пришел в клуб. Народ собрался и все еще подходил.

– Товарищи, собрание придется отложить на несколько часов. К нам должен приехать секретарь райкома Чистов. Будем его ждать.

«Выход найден, – думал Стачев. – Второй раз, хоть сам секретарь обкома приезжай, вряд ли соберешь».

– Бригадиры, заведующие фермами, учетчики и так далее, – объявил Стачев, – ко мне в кабинет на совещание. Остальные пока будьте свободны.

Народ быстро разошелся. Стачев со всем своим активом вошел в кабинет. Люди садились на свободные стулья, кому не хватило, пристроились к стенам на корточки. Бойцов недовольно смотрел на вошедших и думал: «Вот черт, для чего он всех тащит в кабинет. Хочет показать, что народ его уважает, что он имеет связь с народом». Степан Храмов сидел за столом рядом со Стачевым. Смотрел на всех вошедших широко раскрытыми глазами, придавая себе начальствующий вид. Когда все вошли, он хрипло заговорил, опережая Стачева:

– Товарищи, мы вас пригласили сюда посоветоваться по ряду важных вопросов. Давайте посмотрим на наше хозяйство год назад, когда председателем был у нас пьяница, можно сказать алкоголик, Кузнецов Сергей Васильевич. Он все колхозное добро пропивал, тащил себе, на него при бывшем районе и районном начальстве не было управы. Да что говорить, когда первый секретарь райкома Сулимов был ему лучшим другом и помогал пропивать колхозные денежки, раз в неделю устраивались банкеты.

– Ну, понес как Емеля, – раздался полусшепот из угла.

Стачев громко сказал:

– Не мешайте, товарищи.

Бойцов подумал: «Действительно как Емеля. Вместо разговора о деле обливает грязью старого председателя».

Храмов не мигая смотрел в лицо Бойцова, словно просил о поддержке, и продолжал:

– Кузнецов по сей день ездит на колхозном мотоцикле «Урал» и считает его своим. До сих пор продает колхозные дрова как свои. Долго ли это будет продолжаться? Товарищи, настало время все это обсудить на партийном собрании колхоза и выгнать его из партии. Начальство объединенного Богородского района быстро поняло и освободило его от должности председателя. Но дело не довели до конца, не выгнали из партии.

Храмов из стоявшего на столе графина с водой налил полстакана, выпил половину и уже громче говорил:

– Вы только поглядите, за какой-нибудь год облик нашего колхоза благодаря товарищу Стачеву изменился. Везде порядок. Народ стал работать не покладая рук. Раньше торф возили почти за семь-восемь километров с Лесуновского болота. Стачев добился составления проекта на пойменные торфяники реки Чары, и уже в прошлом году заготовили пятьдесят тысяч тонн торфа. С весны этого года начнем осушение и освоение торфяников. В этом нам поможет вновь организованная Лесуновская ММС. Освоение трехсот гектаров пойменных лугов и торфяников выдвинет колхоз из отстающих хозяйств по району в одно из передовых. Стачев добился получения новой автомашины, двух тракторов «ДТ-54». Сейчас у нас дела пойдут. В люди ходить и просить помощи в пахоте больше не будем.

Храмов снова стал хвалить Стачева, но Бойцов его перебил и бросил реплику:

– Ты брось хвалить председателя, мы знаем его заслуги не хуже твоего.

Храмов, невзирая на реплики, говорил еще долго – о готовности колхоза к весенней посевной, продуктивности животноводства, подсобных промыслах и так далее.

Стачев выступлением Храмова был доволен. Сиял как майская роза в солнечный день. Храмов еще не поспел сесть на место, как поднялся бригадир Шибаев и почти повторил слова Храмова, говорил о том же. За Шибаевым выступил бригадир большепустынской бригады Сидоров. Он говорил то же самое о севе и животноводстве. Выступили еще два бригадира. Выступления их были длинные, похожие друг на друга, как близнецы. В кабинете стало невыносимо жарко и душно. Открытая форточка не помогала.

– Может, перекурим? – спросил Бойцова Стачев.

Бойцов подумал, что они собираются здесь выступать целый день, но сказал другое:

– Можно и перекурить.

Собравшиеся встали и вышли на улицу. В кабинете остались Бойцов, Храмов и Стачев. Бойцов достал папиросу и поднялся, чтобы тоже выйти, но Стачев, улыбаясь, предложил:

– Курите здесь, Иван Нестерович. Мы с Храмовым не курим.

Бойцова злило, что Храмов не оставлял их наедине со Стачевым. Ему надо было поговорить, попросить мяса, да не мешало бы и картошки два-три мешка. Храмов, как бельмо на глазу, не покидал своего места, делая начальственный вид, что злило Бойцова, но выдворить из кабинета боялся. Бойцов спросил Храмова:

– Можно приехать сюда на охоту?

Храмов ответил:

– Я не охотник, но зверь и птица есть. В Горском болоте и на реке Сереже много глухарей, тетеревов и уток. Но беда в том, что у нас проживает недалеко отсюда в деревне Бочково браконьер – это бывший председатель колхоза Кузнецов, о котором я уже говорил здесь. Он имеет целую свору собак и, не соблюдая сроков охоты, охотится круглый год. Бьет что под руку попадет. На Сереже не один десяток бобров уничтожил. Бьет даже лосей. Однако мер к нему никаких никто не принимает.

Бойцов подумал: «Неплохо бы с таким охотником познакомиться», – и сказал:

– Наведем порядок, Степан Иванович, все в наших руках.

– Давно пора, – сказал Храмов и подумал: «Раз Бойцов охотник, то он с Кузнецовым скоро найдет общий язык».

Кто не курил быстро возвратились в кабинет и занимали свои места. С запахами табачного дыма входили и курильщики. Бойцов шепнул Стачеву:

– Постарайся быстрее закончить совещание.

В знак согласия Стачев, улыбаясь, кивнул и громко сказал:

– Крикните тем, кто не вошел. Товарищи, продолжим наше совещание. Кто хочет выступить?

Поднялся заведующий фермой Трифонов. Он глухо заговорил, ссылаясь на выступления бригадиров и Храмова:

– Вот здесь говорили, что у нас все хорошо и вроде мы ни в чем не нуждаемся. Кормов нет, скот кормим гнилой соломой. Многих коров поднимаем, сами от истощения не встают. Имеются случаи падежа. Степан Иванович, выступая, ругал Кузнецова. Он пил, но дело знал. Такого положения при нем не было. С нас требуют высоких надоев. Я вам скажу старую поговорку: у коровы молоко на языке. Хорошо будешь кормить, будут и надои. У меня все.

Второй раз поднялся Храмов, почти крикнул:

– Ну кого ты хвалишь? Пьяницу Кузнецова! Он же разорил все колхозное хозяйство.

Все стали говорить. В кабинете поднялся шум. Одни хвалили Кузнецова, другие ругали. Стачев крикнул несколько раз:

– Тише, товарищи!

Храмов хотел продолжить, но встал Бойцов и сказал:

– Товарищи, мы собрались здесь не Кузнецова обсуждать. На это мы найдем свободное время. Руководство района интересуют другие вопросы. Все выступающие говорили одно и то же, переливали из пустого в порожнее, а конкретно, кроме заведующего фермой Трифонова, никто не сказал. У кого чего не хватает, кто в чем нуждается, как вы подготовились к весеннему севу. Из официальных источников на территории вашего колхоза заготовители Ардатовского района скупают скот, масло, яйца и так далее. Ваш колхоз не выполнил плана поставок мяса и молока государству. Однако у местного населения колхоз не закупает. Всем вам необходимо провести разъяснительную работу среди населения и обязать каждое хозяйство, имеющее корову, сдавать не менее двухсот пятидесяти литров молока. Чужих заготовителей с территории колхоза гнать в шею. Мясо, яйца, масло закупать самим и сдавать государству в счет выполнения колхозом плана.

Бойцов говорил двадцать минут. Он критиковал правление колхоза за безразличное отношение, плохие надои молока от фуражной коровы, неподготовленность к весеннему севу, слабую вывозку органических удобрений на поля. В конце своего выступления сказал:

– Давайте будем переходить от слов к делу.

Председатель сельского совета Лобанов, казалось, безразличный ко всему, не дожидаясь приглашения выступить, встал, окинул взглядом всех присутствующих, чуть слышно начал:

– Иван Нестерович правильно говорил. Колхозу надо производить закупку сельхозпродуктов у населения. Это прямая обязанность и сельского совета. Но палка о двух концах. Даром нам никто не даст ни яиц, ни молока, ни мяса. Потребуют наличные денежки. В кассе колхоза шиш ночевал. Денег никогда не бывает. К нашему стыду, не лучше дела обстоят и со счетами в госбанке. Колхоз вечный должник. Где же выход из положения?

Лобанов сел на стул и безразлично смотрел на Бойцова, ожидая ответа. Бойцов молчал, не знал, что ответить. Стачев понял замешательство Бойцова, сказал:

– Найти выход из положения нам поможет руководство завода. По-видимому, заставят госбанк дать ссуду. Я говорил с Чистовым, он сказал, что на днях этот вопрос будет решен. Вызывал управляющего госбанком Соколова, который обещал ему изыскать возможности. Но тут, к сожалению, действительно палка о двух концах. Как же быть с многосемейными? Молока от одной коровы не хватает на свои потребности. Таких семей у нас более пятидесяти процентов. Согласно постановлению партии и правительства, двух и более коров держать не разрешают.

– Кто не будет сдавать молоко, – бросил реплику Бойцов, – тому не будем выделять сенокосных угодий. Двести пятьдесят литров не ущемят и многосемейных. Живут же люди и совсем без молока.

– Что верно, то верно, Иван Нестерович, – согласился Стачев. – Будем проводить работу среди населения.

Стачев подробно охарактеризовал дела колхоза по бригадам. Журил бригадиров и заведующих ферм за нерасторопность, уход от своих прямых обязанностей. Хвалил постановку работы секретаря партийной организации Храмова.

«Как же все-таки правдива, – думал Бойцов, – басня Крылова. За что кукушка хвалит петуха? За то, что хвалит он кукушку».

Стачев закончил свое выступление:

– Товарищи, совещание считаю закрытым, идите все по своим местам. Иван Нестерович желает осмотреть наше хозяйство, поэтому останьтесь здесь заведующие фермами и бригады.

В сопровождении целой делегации Бойцов обошел и осмотрел все хозяйство. Они прошли по коровникам, свинару, конюшне и закуту, где размещались овцы. Впечатление о Стачеве у Бойцова сложилось хорошее. Везде была чистота и порядок. Корма приготавливались по всем правилам. То, что их недоставало, от Стачева во многом не зависело. Да и порядок от него не зависел. Он был заведен давно.

– Трактора нельзя считать готовыми к весеннему севу, – говорил Бойцов. – Они у вас до сих пор работают ежедневно.

– Все будет готово, – ответил Стачев. – Наши механизаторы все сделают. Наша просьба – помогите с запчастями. Помогите привезти зерно на семена из Павлово.

Бойцов почти не слушал лепет Стачева. Отвечал невпопад. Он злился на Стачева и думал: «На кой черт он таскает за собой такой хвост. Всех бригадиров, заведующих фермами. Хочет показать себя, дескать, я решаю все вопросы не один, а коллективно». Бойцову надо было поговорить со Стачевым наедине, но никак не удавалось. «Надо просить мяса. На рынке мясо бывает, но оно слишком дорого. Торговцы только что организовали райпотребсоюз, пока раскачиваются, дешевого мяса не завозят. Семья большая, трое почти взрослых детей да жена. Продуктов требуется много. Хотя и председатель райисполкома, а оклад жидковатый, двести рублей. Попробуй всех одень, обуи и накорми. Вот и приходится побираться». Бойцова злила привязанность Храмова к Стачеву, который ни на минуту не отставал от него и все время заглядывал в рот.

Когда обошли всю территорию центральной усадьбы колхоза, Стачев пригласил всех обедать. Женщины от обеда отказались, ссылаясь на занятость. Да и неудобно было в рабочий день пьянствовать с мужчинами. Что скажут мужья.

Все остальные предложение Стачева приняли с большим удовольствием. Многие мечтали пообедать и выпить за счет колхоза.

Вошли в квартиру Кузнецова Евгения, где их ждали еще четыре человека. Среди них важно сидел Сафронов.

«Вот этого еще не хватало, – подумал Бойцов. – Теперь все пропало. Неудобно при нем просить мясо. Надо же, все складывается как нельзя хуже. Сафронов выпивку словно по запаху чует».

Присутствие Сафронова вывело Бойцова из равновесия. Ему хотелось начать разговор вежливо, как с равным, но из этого ничего не получилось. Бойцов хотел спросить: «Как дела, Николай Михайлович? Что нового в Николаевке?», но вместо заготовленных слов сами собой с языка слетали грубости.

– Ты зачем сюда пришел? – резко спросил Бойцов.

Среди присутствующих возникло замешательство. Все знали, зачем здесь Сафронов – выпить и хорошо пообедать. Сафронов смутился, покраснел и сразу не нашелся, что ответить. Полуминутная тишина тяготила всех. Сафронов обиженно, с возмущением ответил:

– В Николаевке во всех бригадах я провел собрания вместе с председателем колхоза Трифионовым Михаилом Ивановичем. Индивидуально поговорил с особо строптивым народом.

Дай, думаю, загляну сюда, как здесь дела идут, и попутно хотел с вами доехать до Сосновского. Не забывайте, Иван Нестерович, я секретарь райкома по сельскому хозяйству.

Бойцов в душе ругал себя за столь грубый тон, но разозлился еще больше. Вместо того, чтобы сгладить ситуацию, он повторил, уже более грозно:

– Ты зачем сюда приехал? Где твое место?

Сафронов не ожидал такой отповеди Бойцова. Понял, что делать тут больше нечего и грубо ответил:

– Если я тебе помешал, уйду.

Встал и направился к вешалке для одежды. Распри между Бойцовым и Сафроновым Стачеву были невыгодны. Он хорошо запомнил польскую поговорку: «Паны дерутся – с холопов головы летят», поэтому решил выступить посредником. Стачев, улыбаясь, сказал:

– Что вы, Николай Михайлович. Спасибо, что зашли. Я вас не пушу. Сейчас вместе пообедаем и скатертью дорога.

Бойцов понял, что переборщил, не сумел сдержать горячность. Поэтому ласково заговорил:

– Вы меня неправильно поняли, Николай Михайлович.

Сафронов, понимая свое положение, что в присутствии Бойцова он лишний, спешно оделся и направился к выходу. Бойцов поймал его за рукав, примирительно улыбаясь, быстро заговорил:

– Никуда не пойдешь, обедать будем вместе и домой поедим вместе.

Сам думал: «Вот еще черт навязал его на мою голову. Если уйдет, завтра извращенно все доложит Чистову. Вдобавок наживу я себе врага в его лице. С ним шутки плохи. Член бюро райкома, правая рука Чистова. Будет капать при каждом удобном случае, а ведь без греха один Бог». Поэтому Бойцов, не выпуская рукав пальто Сафронова, помог ему раздеться и посадил его за стол рядом с собой.

Обед начался. После выпитой 150-граммовой дозы водки все ели с большим аппетитом, молча. В это время в избу вошел дед Карбыш с кожаной сумкой в руках, заядлый рыбак и охотник. Формально в колхозе он считался сторожем по охране лугов и сена в пойме реки Сережи, за что ему круглый год начисляли трудодни. Фактически снабжал только рыбой и лишь председателя колхоза, раньше Кузнецова, сейчас – Стачева. С порога он заявил: «Опоздал, вовремя не сумел», – и протянул Стачеву полную сумку свежей рыбы: щуки и язи. Карбышем его прозвали за то, что он карбид называл карбишем. Многие в деревне не знали его настоящего имени. Стачев пригласил его садиться за стол. Карбыш деликатно отказался, попросил налить стакан водки. Одним глотком выпил, вытер грязной рукой черную длинную взлохмаченную бороду, поблагодарил.

– Можно сказать пару слов? – спросил Карбыш, обращаясь к Сафронову, поскольку Бойцова он еще ни разу не видел. Сафронов сидел задумчивый, чувствовал себя не в своей тарелке. За него ответил Бойцов.

– Вот вы начальство, – начал Карбыш, – а в людях плохо разбираетесь. Мишку Трифонова, моего соседа и родственника, поставили в Николаевке председателем колхоза. Беднее его, пожалуй, в деревне никто не жил. Лодырь из лодырей. Вы посмотрите на его дом, все валится, скоро его придавит. Ничего ему не надо. Сейчас каждый день принимает гостей. Из колхоза потащил все. Сам Чистов у него частый гость. Не говоря вот об этом, – он показал на Сафронова пальцем.

– Иди, Карбыш, домой, – сказал Стачев. – Начальство знает, что делает.

– Да какой из него председатель? Работал в колхозе трактористом и чуть с голоду не умер. Послали на два года учиться в какую-то профсоюзную школу, приехал и стал председателем.

– Не профсоюзную, а партийную, – поправил его Трифонов, и тоже Михаил.

– Руби мне голову, а все равно буду говорить, что толку из него не будет.

– Про кого он? – спросил Бойцов.

– Про Трифонова, председателя Николаевского колхоза, – ответил Стачев.

– Но это ты, Карбыш, зря, – сказал Сафронов. – Мужик он хороший, грамотный, человек дела.

– Я вам прямо скажу, вор наш Мишка. Если сейчас еще мало ворует, то скоро научится. Стачев налил ему стакан водки.

– Вот что, уважаемый, выпей и иди, а за рыбу мы с тобой в расчете.

Карбыш не закусывая выпил второй стакан водки, поднялся и вышел. С порога крикнул:

– Вот вспомните мои слова!

По избе распространился запах жареной рыбы. Обед продолжался до полуночи. Пили, ели, курили и играли в домино. Играли азартно, одни проигрывали – садились другие. Бесшумными были Бойцов и Стачев. Они все время выигрывали. Когда им надоело, вышли из-за игального стола. Стачев вывел Бойцова в сени, оглядев темные углы, тихо сказал:

– Иван Нестерович, я распорядился положить тебе в машину двадцать килограмм баранины и оставшуюся рыбу.

Бойцов облегченно вздохнул, ответил с важностью:

– Зачем, Николай Алексеевич?

– Как зачем, – возразил Стачев.

– Спасибо, – ответил Бойцов. – Выпиши сколько стоит и возьми деньги.

– Что вы, Иван Нестерович! За что деньги? – возразил Стачев. – Как-нибудь споем.

Стачев был доволен, что Бойцов не брезгует, берет все, чего ни предложишь. В трудные минуты поможет и поддержит, ведь хорошее не забывается.

За полночь гул автомашины Бойцова огласил спящую деревню. Когда машина выскочила сквозь легкую пелену тумана на поле и вместе со светом фар погрузилась в ночной мрак, изнутри послышалась песня Бойцова. Ее подхватили шофер Сашка и Сафронов. С песнями и разговорами путь был коротким. Сашка подъехал к временной квартире Бойцова. Бойцов изъявил желание проводить Сафронова. Он боялся, если Сашку пустить одного, он обязательно возьмет себе мяса и рыбы. Сафронов был очень доволен таким большим уважением Бойцова. Они говорили друг другу, что друзья навеки.

Глава пятая

Весна выдалась ранняя. В буераках и на увалах появились проталины. В чистом воздухе далеко раздавалась песня жаворонка. Где-то вдали курлыкали журавли. Русская земля – самая прекрасная на земном шаре. Родное поле, окаймленное лесными опушками, – самое милое, самое дорогое русскому человеку. На току рано утром и поздно вечером раздавались монотонные тетеревиные песни. Временами они нарушались шипением, похожим на змеиное. Воздух был чист и прозрачен. Дышать было легко, хотелось не только бежать, а прыгать и летать. Лес, а лес, окружающий родные поля! Он пел свою весеннюю песню. Он издавал тысячу разнообразных запахов. При легком дуновении ветра он оживал, шевелился и шетинился. Где-то вдали раздавалась грозная игра самца-дятла на деревянной скрипке. Паря в воздухе, блеяли, как бараны, бекасы. С хрюканьем проносились вальдшнепы. Стаи уток разрезали острыми крыльями воздух. Музыка, торжественность наполняли лесное и полевое царство. Так устроена земная жизнь. Самец без подруги – что лиса без хвоста. Самка без самца – что волк без зубов.

Жаркое апрельское солнце на безоблачном небе плавало снег не только на полях, но и в лесу. Пятого апреля вышла из берегов река Сережа. Вешние воды затопили пойму. Старики пророчили малую воду, так как снега были неглубокие, рыхлые. Дружная теплая весна сделала свое дело. Снег растаял быстро, но земля не оттаяла. Вся вода ушла в овраги и балки, не напоив кормилицу-землю. Вода была большой вопреки ожиданиям. Тащила мусор, хворост, затопляла

и рушила бобровые плотины. Местами в чашобах образовывала заторы. Она срывала и уносила плетеные загороди рыбаков-браконьеров, рвала сети и крылены.

За месяц с небольшим как организовался район провели два пленума, два партийно-хозяйственных актива, пять раз собиралось очередное бюро и два – внеочередное райкома партии. Провели две сессии и четыре заседания исполкома районного совета. На все приглашались руководители организаций, предприятий, совхозов и колхозов. Не было ни одного свободного дня без совещаний и собраний. Кое-кто роптал: «Если руководству района нечего делать, хотя бы нас не отрывали и не мешали нам работать». Доходило это и до ушей Чистова. По его словам, все эти мероприятия направлены на то, чтобы вовремя и в сжатые сроки провести весенний сев, увеличить поголовье крупного рогатого скота, свиней и овец, получить рекордные урожаи всех видов сельхозпродуктов и зерна. Совхозы и колхозы брали на себя баснословные социалистические обязательства, зная, что они невыполнимы. Заставляли взять на себя социалистические обязательства всех: механизаторов, доярок, свинок и так далее. Работники райкома партии и райисполкома поспедали везде.

На собрании в Барановском совхозе Чистов спросил бригадира тракторной бригады Евгения Лапшина:

– Ты взял на бригаду такие большие обязательства, сумеешь ли выполнить?

Лапшин ответил:

– Анатолий Алексеевич, я не читая подписал бумагу. Что в ней написано, не знаю. Эту бумагу положат в шкаф, и о ней забудут. Ведется так не первый год, а все время, как помню. Таких бумаг мы подписываем каждый год много, на каждый месяц и квартал. Выполним мы или не выполним, с нас никто не спросит.

Чистов детально ознакомился со всеми хозяйствами района. Он знал не только бригадиров, заведующих фермами, но и всех передовых доярок и свинок. Ежедневно до обеда он сидел в кабинете, звонил по телефону руководителям областных организаций, что-либо просил или требовал. К своим просьбам часто подключал работников обкома партии, чаще всех – Семенова.

Чистов никогда не тревожил председателя облисполкома Чугунова, так как боялся его. Чугунов был ярый противник организации Сосновского района. Он правильно считал, что от всей этой организации одни убытки. В год требуются сотни тысяч рублей только на содержание одного аппарата района, а со всеми прямыми и косвенными затратами – миллионы рублей.

Не будь Сосновского района, положение в области несколько бы не изменилось. Подумаешь, если увеличится на один совхоз Вачский район и на два – Павловский. Зато государственные деньги пошли бы на другие цели.

Директор Барановского совхоза Козлов ходатайствовал оставить его совхоз в ведении Богородского района. Он считал, что от этого была бы только польза: меньше дергали бы на разные районные сборища, меньше мешали бы работе. Районное руководство и работники райкома из Богородска появлялись раз в неделю. Сейчас – каждый день по несколько человек. Только встречай и провожай, работать некогда.

После обеда Чистов, да и Бойцов от него не отставал, совершал поездки в намеченные по плану деревни и села. Чистов детально изучал положение дел, разбирался во всех хозяйственных вопросах каждого отделения совхоза и бригады. Домой возвращался поздним вечером усталый, голодный. Обедать или ужинать он позволял себе только у своего друга детства Евсеева, начальника Захаровского отделения Барановского совхоза, реже у Трифонова в Николаевском колхозе и еще реже – у Попова в селе Венец. Мясом и всеми сельхозпродуктами его снабжал только Евсеев. От остальных не хотел зависеть и иметь лишние разговоры. Всех уполномоченных из области, падких на угощение, отвозил только к Трифонову, реже приглашал к себе домой в свой маленький домик, чем создавал впечатление, будто секретарь райкома живет как средний житель поселка.

Решением бюро райкома и исполкома райсовета были мобилизованы все трактора и часть автомашин на весенний сев и вывозку удобрений под посевные культуры. Служащие всех районных организаций перебирали картофель в буртах.

Двенадцатого апреля все хозяйства приступили к весеннему севу. Обработке почвы мешал вывезенный на поля и сваленный в мелкие кучи замерзший торф. Он таять никак не хотел. Его разбивали бульдозерами, мяли гусеницами тракторов. Только один Барановский совхоз возил небольшое количество торфа. В основном вывозил на скотные дворы, компостировал или складывал на полях в большие кучи вперемешку с навозом. Большие кучи не промерзали, весной их развозили по полю.

Сафронов, не имевший закрепленного за ним транспорта, уезжал на три и более дня в основном в лесную часть района, где население уважало его и считало уже своим. Он не брезговал зайти в любой дом и выпить стакан крепкого самогона, которого в каждом доме в изобилии. Домой возвращался с опухшими глазами, вялый, уставший. Поили его председатели колхозов, бригадиры и заведующие фермами. Он не считал зазорным появляться в любом общественном месте в пьяном виде.

У Бойцова тоже были избранные в каждой деревне, но в отличие от Сафронова один или два, не более. Бойцов напивался в одном месте, любил посидеть за чарочкой, поздним вечером возвращался домой. Спотыкаясь, взбирался по ступенькам в сени, стучал, чтобы открыли. Без сопротивления слушал упреки и ругань жены Надежды Владимировны. Ложился спать не думая о завтрашнем дне и спал мертвецким сном до семи утра.

Он тоже считал, что звонками областному начальству оказывает большую услугу колхозам и совхозам района, и думал, что результаты на лицо. Так, колхозы и совхозы за короткий срок были обеспечены семенами. Сверх плана получили в достаточном количестве минеральные удобрения и комбикорма. Были получены незапланированные трактора и автомашины.

«Это заслуга только нас с Чистовым, – размышлял Бойцов. – К осени областное руководство не обидит нас, должно представить к правительственным наградам».

Начальник управления сельского хозяйства Теняев и землеустроитель Астафьев неделями жили в Горьком. С ходатайством об изменении земельного баланса района они обивали пороги отдела землеустройства и управления сельского хозяйства облисполкома. Носили с собой папки-планшеты с картами. Они доказывали, что пахотные земли и луговые угодья района значительно сократились за счет эрозии и зарастания лесом. В свою очередь, Чистов каждый день напоминал об этом секретарю обкома Семенову. Семенов дал указание пересмотреть земельный баланс Сосновского района, решить вопрос справедливо, и вопрос был решен. Сотни гектаров истощенной измученной земли, не выдавшей удобрений с первого дня организации колхозов, передали лесхозу для посадки леса. Плановые заливные и суходольные луга были переведены в площади, покрытые лесом. План посева уменьшился в среднем на 25 процентов.

По приезду из Горького Теняев с Астафьевым пришли доложить Чистову. Чистов спросил Теняева:

– Как вы считаете, Василий Георгиевич, что нам даст эта авантюра? На сколько поднимется урожайность?

Теняев не задумываясь ответил:

– По моим неточным расчетам, в целом по району уже будет прибавка в три-четыре центнера с гектара, что в областном масштабе выведет нас на среднее место. Мы будем близки к черноземным районам области. Земли, которые мы постарались списать, практически не собирали высеянных семян. Они требовали внесения большого количества органических и минеральных удобрений, известкования. У наших колхозов и совхозов на восстановление земель не хватает силенок, поэтому, я считаю, пока сделали правильно.

«Да, только пока, – подумал Чистов. – Пройдет время, и их снова будут вводить в севооборот, но уже с большими затратами. Они быстро зарастут лесом. Потребуется все виды мелиоративных работ. Но это уже не наше дело. Новое поколение простит нас за это».

У Астафьева Чистов ничего не спросил. Астафьев просидел в кабинете десять минут, не вымолвил ни слова. После приема спросил Теняева:

– Меня-то зачем таскал к Чистову? – и выругался: – Кошки в окошки.

Теняев улыбнулся, посмотрел на него, ответил:

– Так надо. Вместе трудились, вместе и отвечать будем.

Теняев – мужик скромный, хороший, опытный специалист. Более десяти лет работал главным зоотехником, последние шесть лет – в Барановском совхозе. Все это время был не только первым заместителем директора совхоза, но и непосредственно руководил совхозом. Спиртное он пил только в особо торжественных случаях. Появляться на работе в нетрезвом виде считал не только позором, но и преступлением. В поездках по деревням от обедов с водкой он деликатно отказывался, ссылаясь на состояние здоровья, но и сам никого никогда не угощал. Окунувшись в работу начальника районного управления сельского хозяйства, где почти каждый день надо было принимать гостей из областного управления сельского хозяйства обкома и облисполкома, он считал своим долгом устроить их в гостинице, показать им, где находится столовая, и уходил домой. Среди уполномоченных с области с первых дней работы прослыл черствым негостеприимным аскетом. Чистов с Бойцовым часто начинали об этом разговор и тут же забывали.

В торжественный день начала весенних посевных работ Чистов пришел на работу раньше обычного. Бойцов, как правило, приходил рано. Ему надоедало слушать упреки жены об одном и том же – пьянке. Бойцов увидел шедшего по улице Чистова и поспешил к нему навстречу.

В кабинет вошли вместе. Бойцов сел на свое место, которое занимал во время проведения бюро, и не дождавшись, когда разденется Чистов, заговорил:

– Вчера после обеда приезжал Кукушкин из обкома партии. Теняев не предложил ему даже пообедать.

– Я знаю об этом, – ответил Чистов. – А ты где был? Ты бы мог встретить, а не ехать пьянствовать к Стачеву.

– Я ездил по делу, – ответил Бойцов.

– Ладно, пререкаться не будем, – дружелюбно сказал Чистов и подумал: «Теши кол на голове, а он все свое».

– С выбором кандидатуры Теняева мы очень ошиблись, – сказал Бойцов.

– Я считаю, ошибки никакой нет, – поправил Чистов. – Я Теняева давно знаю. Работать он может. Человек скромный, хороший специалист, а то, что гостей принимать не может, чуждается, мы это поручим тебе, Иван Нестерович.

Бойцов принял слова Чистова за шутку и сказал:

– Не только в наше время, это было и будет во веки веков, не подмажешь оси и ступицы телеги – не поедешь. Начальство надо встречать, угощать, а кое для кого надо устраивать банкеты. Не угостишь – помощи от них не жди. Да и вообще ездить в наш район не будут. При встречах будут смотреть отчужденно, неучтиво. Тогда уж как ни старайся работать, все равно будешь не мил и у всех на виду как белый волк. Про тебя будут внушать высшему начальству области, что ты никчемный, никудышный человек, глуп и неперспективен. Все это ложится темным пятном на руководство района. Теняева мы не перевоспитаем, у него это в крови.

– Что верно, то верно, Нестерович, – смеясь, сказал Чистов. – Тут ты, несомненно, прав. Над этим вопросом нам надо подумать.

– Да что там думать, – вспыхнул Бойцов. – Мне кажется, пока не поздно, вопрос надо решать немедленно. Вместо Теняева подобрать другую кандидатуру.

– А кого? – серьезно спросил Чистов. – Предлагай, кого?

Бойцов молчал, он людей района еще мало знал, поэтому уже тихо ответил:

– Я бы предложил Тихомирову.

Лицо Чистова покраснело, и он со злостью сказал:

– Ты долго думал? Тихомирова пока единственный в районе директор, у которого рентабельный совхоз, и ты хочешь его обезглавить. Нет, дорогой мой, я с тобой не согласен. Пока правильно произведена расстановка кадров, а там время покажет. Поживем – увидим, может быть, и Теняев поймет, что к чему. Только ему надо подсказать, какими источниками пользоваться для встречи гостей. Зарплата его меньше нашей.

Чистов молча смотрел на Бойцова и думал: «При первом впечатлении ты вроде отличный мужик. Как можно ошибаться в людях. Хотя мы с тобой и однокашники, товарищ Бойцов, я в тебе тоже ошибся. Я не знал, что ты недалекий, незрудированный человек да вдобавок пьяница и крохобор. Но сейчас уже поздно раскаиваться, дело сделано. Тронь тебя, в области поймут по-своему – не сработались. В таких случаях выгоняют обоих. Поэтому придется набраться терпения на долгие годы».

В кабинет вошла делопроизводитель приемной и сказала:

– Анатолий Алексеевич, просит принять прокурор Алимов. Он пришел с Сенаторовым.

В это время в кабинет зашел второй секретарь Бородин.

– Пусть входят, – ответил Чистов.

Бородин сел к окну и внимательно разглядывал что-то на улице. Маленький, юркий Алимов важно вошел в кабинет, за ним, как тень, следовал Сенаторов. После короткого приветствия Чистов спросил:

– Как дела, товарищи блюстители правопорядка?

– Отлично, Анатолий Алексеевич, – ответил Алимов. – Вместе с начальником ОБХСС Сенаторовым начинаем раскрывать преступление за преступлением среди должностных лиц.

Чистов знал, что Алимов с Сенаторовым ведут предварительное расследование для возбуждения уголовных дел в отношении председателей колхозов Попова, Трифонова и Зимина, только что утвержденного директором ММС. Сфабриковали анонимную жалобу и на директора Елизаровского завода замочного производства Горшкова. Председателя Рожковского колхоза они уважают. Он им с первого знакомства понравился, напоил их досыта водкой. Директор Сосновского совхоза Андрианов не отказывает им, выписывает по совхозной цене мясо, этого тоже обижать нельзя. До Козлова и Тихомировой они еще не добрались.

Алимов смутился, на него в упор грозно смотрел из-под мохнатых бровей Бородин. Он почувствовал что-то недоброе и не находил, с чего начать. После минутной паузы, которая показалась ему вечностью, глухо заговорил:

– Мы пришли, Анатолий Алексеевич, согласовать с вами вопрос об аресте Зимина, директора ММС.

– За что? – улыбаясь, спросил Чистов. – Уж не врагом ли народа оказался.

– Не враг народа, – ответил Алимов, – но близок к нему. В ноябре прошлого года продал три кубометра теса. Деньги в сумме двести рублей не оприходовал, присвоил. Это нами уже доказано. Тес возил продавать шофер Галочкин. Он это подтвердил.

– Это не тот ли Галочкин, которого Зимин уволил? – спросил Бородин.

– Да, тот, – ответил Алимов.

– Да-а-а, – протянул Бородин, – ну и дела. Этот подтвердит сейчас не только продажу теса. Он с успехом может сказать, что в Рожке сгорели два дома – якобы поджег Зимин. Он на Зимина может повесить все, что угодно, вплоть до убийства. Я знаю его, он был у меня с жалобой на Зимина. Лил на него грязь целыми ушатами.

Все улыбались, улыбался и Алимов. Только Сенаторов был серьезен, сосредоточен.

– Кто ведет следствие? – спросил Чистов.

– Я! – ответил Сенаторов.

– Расскажите, что вы установили, – спросил Чистов.

– На основании свидетельских показаний установлено, – ответил Сенаторов, – что Зимин продал тес. Имеются и другие сигналы – о выписке фиктивных документов и присвоении денег. Мы все это постараемся установить.

– Дорогие товарищи юристы, – сказал Чистов, – напрашивается вопрос. При ком Галочкин передавал Зимину деньги?

– Без свидетелей, – ответил Сенаторов.

– Тогда откуда вы знаете, отдал Галочкин Зимину деньги или нет, – продолжал Чистов. – Вами пока ничего не установлено, а вы пришли просить согласия на арест. Мне кажется, не слишком ли вы торопитесь. Сначала установите все его злоупотребления и приходите ко мне. Только тогда будем решать.

– Вы очень правильно сказали, – подтвердил Алимов. – Все от нас зависящее мы сделаем. Зимина как преступника скрутим. Все его махинации разоблачим.

– Товарищи Алимов и Сенаторов, – очень резко заговорил Бородин. – Не слишком ли вы горячо беретесь за порученное вам дело? Вы почему-то с самого начала работы делаете ставку на руководителей колхозов и организаций. Вам надо рассматривать жалобы на них и о результатах сразу докладывать нам в райком. Они коммунисты, и в первую очередь разбираться с ними будем мы. Сначала мы их будем наказывать, потом передавать вам для привлечения к уголовной ответственности. Мне говорил начальник милиции Козлов, что вчера вы допустили большую ошибку: полностью парализовали работу ММС, вызвав на допрос более тридцати человек свидетелей. Даже товарищ Сенаторов во всеулышание заявил, что арестует Зимина и оттуда больше не выпустит до решения суда. Этим вы скомпрометировали руководителя районного масштаба, даже больше. Лесуновская ММС, которой руководит Зимин, обслуживает два района – Сосновский и Вачский. Вы говорите, Зимин продал три кубометра теса. Но ведь тес-то продавал не Зимин, а Галочкин. Кто из свидетелей может подтвердить, что тес продал Зимин?

– Лосев и Тоскин, рабочие пилорамы, – ответил Сенаторов.

– Все они лесуновские, близкие родственники. Откуда могли знать Лосев с Тоскиным, куда Галочкин повез тес? На завод по наряду или продавать?

– Им говорил Галочкин, – вставил Сенаторов, – что он возил тес продавать.

– Все ясно, – сказал Бородин. – Завтра Галочкин то же самое может сказать и про вас.

– А Зимин вам признался, что получил деньги от Галочкина?

– Нет, – сказал Сенаторов.

– Допускаю, Зимин и взял деньги у Галочкина, и в этом случае вы ничего не докажете. Потому что Галочкин с пилорамы возил тес почти каждый день заводу «Металлист» и Павловскому инструментальному. Сколько он продал теса и с кем делил деньги, об этом знает один Галочкин. На это дело вы уже потратили много времени и собираетесь еще продолжать. Не лучше ли вам взяться за ваши прямые обязанности. По району очень много нарушений. В совхозах воруют сено прямо с лугов, целыми стогами. В лесной части района во всех деревнях гонят самогон. Много хулиганских поступков. Вот это вы не хотите расследовать. Уклоняетесь, ищите причины. Вы только начинаете работать, а на вас уже масса жалоб о недостойном поведении, пьянка в рабочее время. Нам тоже скоро придется разбираться с вами.

Чистов, улыбаясь одними глазами, смотрел на Сенаторова и Алимова и думал: «Вряд ли из них будет толк», – и спросил:

– Я слышал, вы заводите дела на Попова и Трифонова?

– Да! – подтвердил Алимов. – Дела более сложные. Там продана не одна автомашинка теса, а сотни автомашин дров и тесу. Поэтому для следствия потребуется много времени.

– Все ясно, товарищи, аудиенция окончена, – сказал Чистов. – Вопросы ко мне есть?

– Нет! – ответил Алимов. – Все ясно.

Алимов с Сенаторовым вышли из кабинета.

– Ну и кадры мы подобрали, – сказал Бородин. – Как на подбор. Один хлеще другого. Про Сенаторова в промкомбинате, где он работал мастером, рассказывают такое, что уши вянут. Без воровства он не мог жить ни одного дня. Сколько раз его ловили с украденным. Об этом спросите Зыкова, зампреда райисполкома, он расскажет. Сенаторову давно бы сидеть в тюрьме, но почему-то ему все прощали. Я был очень удивлен, когда узнал, что он начальник ОБХСС. Да и в промкомбинате народ смеется над нами. Не могли лучше подобрать.

Чистов покраснел, насупился и зло сказал:

– Ты бы чем критиковать лучше подсказал кого взять.

– А меня не спрашивали, – ответил Бородин. – Алимов тоже не прокурор. Он напоминает мне несерьезного мальчишку, да и притом пьяница.

– Надо признаться, – сказал Чистов, – я его не знал. Цаплин, новый директор промкомбината, Сенаторова рекомендовал, хвалил его.

Бородин строго посмотрел на Бойцова, хотел сказать что-то острое, но, улыбаясь, произнес:

– У Алимова жена, Кира Павловна, женщина хорошая, работает врачом на здравпункте завода «Металлист». Жаловалась мне на мужа. Домой приходит каждый день пьяный и устраивает скандалы. Она просила поговорить с ним, но ни в коем случае на нее не ссылаться. На днях к концу работы я зашел к дежурному по отделению милиции. Алимов с двумя незнакомыми мне парнями распивал водку. Увидев меня, Алимов недопитую бутылку спрятал в карман, пока я с дежурным разговаривал, он ушел. После выяснилось, что и начальник милиции Козлов принимал участие. За одну минуту до меня ушел в кабинет.

– Козлов ведет себя вызывающе, – сказал Чистов. – Каждый день мне звонит по телефону, приходит на прием и все по одному и тому же вопросу. Не просит, а требует предоставить квартиру. Я его терпеливо уговариваю. Скоро будет выстроен двенадцатиквартирный дом, и он первый получит в нем квартиру.

– Он работать у нас не собирается, – сказал Бородин. – Уже просит перевода на работу по месту жительства жены. Я разговаривал с Усановым, мы же с ним большие друзья. Вместе учились в партийной школе. Усанов говорит, что подбирает кандидатуру вместо Козлова.

– Скатертью дорога, – сказал Чистов. – Начальника милиции из него не получится и не получится.

– Тебе, Михаил Яковлевич, все не нравятся, – глухо заговорил Бойцов. – Козлов не хорош, Алимов пьет, Сенаторов пьяница и вор, Прокофьеву давно не место в милиции. Лешу Гурина не надо было брать участковым. Подскажите, пожалуйста, где нам найти хороших людей?

– Если надо, Иван Нестерович, я еще раз повторю и перечислю каждого в отдельности, кто чего стоит. Это пока не кадры, а заполнение свободных мест. Сегодня рекомендуем на работу, а завтра будем просить, чтобы освободили или выгнали. Пока мы все делаем курам на смех.

Бойцов покраснел, нервной дрожью забил пальцами по столу, собирался грубо ответить. Чистов опередил его:

– Вчера разговаривал с заместителем начальника областного управления сельского хозяйства Росляковым Спиридоном Ивановичем. Это хороший друг нашему району. Благодаря ему получили многое. Он напрашивался приехать к нам на охоту вместе с Семеновым. Я ответил: «Милости просим. Вашему приезду с Василием Ивановичем мы будем очень рады». Надо подумать куда повезем.

– Надо посоветоваться с Зиминым, – предложил Бородин. – Он организует.

– Я не возражаю против Зимины, – ответил Чистов, – но он под следствием. Впрочем, я сегодня поеду в Николаевку, заеду к нему.

Чистов снял трубку и попросил ММС. Ответил Зимин.

– Ульян Александрович, чем занимаешься? – спросил Чистов.

– Помогаю составлять квартальный отчет, – кричал в трубку Зимин. – Пишу объяснительную записку.

– Сегодня я у вас буду, – сказал Чистов. – Примерно в шесть или семь часов вечера, – и повесил трубку.

– Если Зимин замешан в продаже трех кубометров теса, – сказал Бородин, – то Трифонов в сто раз больше. Я Зимина отлично знаю, мужик он неглупый. Погорячился, выгнал шофера, и тот на него пишет во все концы. Сенаторов и этот шофер Галочкин, оказывается, большие друзья, да и родственники по женам. Вот поэтому Сенаторов горячо и взялся за Зимина. Но, я уверен, за Зиминим он ничего не найдет. Жаль только, что компрометирует.

– Следствие есть следствие, запретить проводить его мы не можем, – сказал Бойцов. – Пусть люди работают, за это деньги получают. Зимин, Трифонов и Попов пусть оправдываются. От следствия они не поглупеют, а будут умнее.

В кабинет без стука вошел Теняев.

– Мы сегодня не виделись, но по телефону я со всеми разговаривал, – Теняев по очереди всех поприветствовал.

– Василий Георгиевич! – сказал, улыбаясь, Чистов. – Для вас сегодня большой сюрприз. К нам на днях приедет Росляков. Вы отлично знаете его симпатию к нам. Кстати, вы с ним еще и коллеги, оба зоотехники. Одних комбикормов он дал нам сверх установленного лимита больше ста тонн. На эти комбикорма мы покупаем у населения молоко, чем увеличиваем надой коров в совхозах и колхозах, кроме того, поднимаемся ввысь среди областных показателей. Как ты думаешь его встретить?

Теняев смутился, на его бледном лице появились красные пятна. Он смотрел на Чистова немигающим взглядом и пытался улыбнуться. Вместо улыбки он судорожно скривил губы, тихо ответил:

– Что вы имеете в виду, Анатолий Алексеевич?

– Что, что! – сказал Чистов. – Надо организовать обед и ночлег.

Бородин, улыбаясь, добавил:

– И хорошую бабу.

– Ночлег организуем в гостинице, лучше ничего не придумаешь, – ответил Теняев. – Обед закажу в столовой Сосновского совхоза. В отношении бабы надо подумать.

Все захохотали. Теняев все принял как должное. Он думал: «Если надо, то надо искать. На крайний случай привезу из Бараново». Там он знал женщин-любительниц острых ощущений.

– Как с деньгами будешь решать вопрос? – спросил Чистов в приступе смеха.

– Вот этого я не знаю, Анатолий Алексеевич, у меня лично денег нет, – ответил Теняев. – Рад бы в рай, да грехи мешают. Зарплату жена забрала и дает только на обеды.

– Ладно, что-нибудь придумаем, встретим, – сказал Чистов, – а сейчас к делу. Поговорим, с какими показателями мы должны прийти к концу года. Василий Георгиевич пророчит, что от одной земельной перетасовки мы должны получить прибавку минимум три центнера зерновых с гектара. Надой молока мы уже значительно увеличили. Планы по поставке мяса государству выполняем и будем выполнять. У Василия Георгиевича есть разумные советы. При уборке урожая мы ими воспользуемся. Все в наших руках. В районе мы хозяева, и только мы.

Раздался телефонный звонок. У телефона был Миша Попов. Он жаловался Чистову на прокурора, который начал сжимать ему горло.

– На завтра вызывают двенадцать человек свидетелей. По поводу продажи дров, теса и поросят. Он компрометирует меня как руководителя.

– Он совсем рехнулся?! – ответил Чистов. – Не волнуйся и не переживай, я с ним поговорю, – и повесил трубку.

– Прокурор маленький, а Миша Попов большой, – сказал Бородин, – а берет его прямо за горло. Сейчас Миша, во-видимому, забыл учительницу из Красненькой. Мне с большими подробностями рассказывал Сафронов. Позавчера после обеда он приехал в Венец. В правлении колхоза спросил бухгалтера Ваганова: «Где Попов?» Ваганов сказал: «Только что уехал в Залесье». «Но почему он мне не встретился на дороге?» Ваганов ответил: «Вот этого я не знаю». Когда Сафронов вышел из конторы, его поджидал бригадир из Вилейской бригады Пронин Михаил. Он сказал, что Миша верхом уехал в Красненькую к учительнице. Сафронов приехал в Красненькую, нашел дом учительницы, начал стучать. Никто не отвечал. Тогда он подошел к окнам и сквозь редкую занавеску увидел, как Миша спешно надевал брюки. Она стояла у кровати в чем мать родила, голенькая.

– Чем кончилось? – спросил Чистов.

– Ясно чем, – ответил Бородин. – Сафронов снова уехал в Венец, а Миша так и остался у нее ночевать.

– Ну и сластник, – сказал, смеясь, Чистов. – Не пора ли нам, братцы, сходить пообедать? После обеда всем в путь. Михаил Яковлевич у нас домосед, пусть остается на месте, решает все вопросы.

После обеда Чистов не поехал в Николаевку. Из приемной обкома партии сообщили, что с ним будет говорить первый секретарь. Он сидел в кабинете один, терпеливо ждал телефонного звонка. Звонки раздавались часто. Звонили директора совхозов и районных организаций. Одни жаловались, другие просили. Директора совхозов жаловались, что им на весенний сев многие организации и заводы не высылают трактора и автомашины, то есть не выполняют объединенное решение бюро райкома и исполкома районного совета. Руководители организаций и заводов жаловались на неправильность решения, тяжелое положение и так далее. Звонили Трифонов и Зимин, спрашивали, не передумал ли Анатолий Алексеевич приехать. Они ждали, каждый по-своему готовился к встрече.

Рабочий день кончился. Работники райкома уходили домой. Все по очереди заходили в приемную, спрашивали: «Чистов еще здесь?» Получали утвердительный ответ, глубоко вздыхали, как бы о чем-то сожалея. Уходили, спешили каждый по своему делу, кто домой, кто в магазин, библиотеку и так далее. Во всех кабинетах наступила тишина. В приемную вместо девушки-машинистки пришел сторож. Он сел за стол, свернул из газеты козью ножку. Насыпал махорки на грубую мозолистую ладонь. Не спеша набил папиросу махоркой и закурил. Голубой с зеленым оттенком дым стал заполнять небольшую комнату приемной, отравляя воздух едкими запахами. Раскурив огромную козью ножку, сторож подошел к двери кабинета Бородина. Убедился, что закрыто, затем заглянул в кабинет Чистова. Удостоверился, что секретарь на месте, пошел с проверкой по всем кабинетам. Проверив, что все в порядке и все закрыто, он снова сел за стол, натянул на глаза большие очки в розовой оправе. Раскрыл изрядно потрепанную книгу и углубился в чтение.

Чистов позвонил в приемную первого секретаря обкома. Женский голос ответил, что секретаря обкома нет, и вряд ли он будет. После разговора с обкомом Чистов вызвал к телефону Трифонова:

– Михаил Иванович! Извини, приехать сегодня не могу, дела. К встрече охотников готовься.

Трифонов ответил:

– Все готово, приезду буду очень рад.

Чистов сидел в кабинете до семи часов вечера и ждал телефонного звонка. Разговор с секретарем обкома не состоялся.

Без шофера выехал к Зимину. Тот ждал его в конторе у телефона. Ужин был приготовлен в столовой, но Чистов в столовую идти отказался. Зимин проводил его в свою комнату, где он часто ночевал. Отогнал автомашину к сторожевой будке. Из столовой принес приготовленный ужин. Думал: «Насколько осторожен наш секретарь, всего боится. От любопытных глаз народа ничего не скроешь». Чистов пил и ел с большим аппетитом. На покрасневшем лице выступили капли пота. Зимин пил не отставая от него, ел мало и думал: «Зачем Чистов приехал? Только ужинать или по другим вопросам? Главное, ничем не интересуется. Ужинать не отказался, значит дружеский визит. Спрашивать неприлично, но и неудобно».

Чистов, утолив голод, внимательно посмотрел на Зимина и спросил:

– Как народ у тебя, не кляузный?

– Всего понемногу, – ответил Зимин, – но в основном хороший, трудолюбивый.

– На охоту ходишь?

– Да, – ответил Зимин. – Хожу в основном на тетеревиные тока и на тягу вальдшнепа.

Редко за утками на Серезу.

– Это хорошо, что ты охотник.

Зимин хотел возразить, но Чистов бросил на него взгляд.

– Своди завтра меня.

– Можно, – ответил Зимин, – но куда и за чем? На ток за тетеревами или на Серезу за утками? На тягу за вальдшнепами мы опоздали. Надо было идти вечером. Они летят или, как называют охотники, тянут на последних отблесках зари.

– Я не охотник, – сказал Чистов, – поэтому на твоё усмотрение. У меня нет ни ружья, ни боеприпасов.

– Тогда пойдем на ток, – сказал Зимин. – Главное, здесь близко. Шалаши есть готовые. Надо только сходить к ребятам и предупредить, чтобы никто завтра не ходил на охоту. Шалаш я вам свой отдам, а ружье принесу от завхоза, у него, хвалится, хорошее.

Зимин вышел и вернулся через пятнадцать минут. Сказал:

– Все в порядке. Анатолий Алексеевич, вот вам ружье.

Чистов взял в руки выдавшее виды двуствольное курковое ружье, заглянул в его стволы. Они походили на дымовую трубу и, по-видимому, никогда не чистились, но ничего об этом не сказал, вспомнив пословицу: «Дареному коню в зубы не смотрят». Зимин наблюдал за Чистовым, понял его волнение, предупредил:

– Ружье нечищенное и несмазанное, но бьет очень хорошо. Если оно вам не нравится, берите мое.

Он вытащил из чехла разобранный ружье. Не спеша сложил его и отдал Чистову. Вороненные стволы блестели от тусклого света электролампочки. Чистов заглянул в стволы. В обоих отражалось блеском никеля.

– Вот это ружье, – восхищенно сказал Чистов. – Где вы его купили?

– У меня дядя генерал-майор, – ответил Зимин. – Когда его провожали на пенсию, ему сам маршал Говоров подарил это ружье. Кто производитель не знаю, но, судя по номеру и латинским буквам, не отечественное. Вот и берите его. Бьет оно далеко и отлично. Я же возьму эту старушку. Она тоже была моей, но послушал совет жены и продал, а сейчас жалею. Вот вам десять штук патронов с дробью номер три.

Чистов взял пачку патронов, хотел отказаться от предложенного ружья, но чистота и блеск покоряют человека. Поэтому предложение Зимина принял. Чистов с Зиминим был немногословен. Зимина он знал мало, но слышал о нем много. Одни говорили хорошее, другие наоборот. Поэтому держался с ним отчужденно. О себе ничего не рассказывал. Перед сном вместе с Зиминим прошли по поселку, слили воду с автомашины. Наказали сторожу разбудить в три часа ночи.

Ровно в три часа раздался стук по оконной раме. Чистов быстро оделся. Зимин одевался медленно и предлагал Чистову обуться в его валенки с калошами и надеть полушубок. Чистов отказался, сказал, что в ботинках бегать легко. Зимин просил надеть свитер и фуфайку, но все было тщетно. Сам с толстыми шерстяными носками обулся в валенки, натянул на себя свитер, пиджак и надел длинное шубное пальто.

– Ты что, Ульянов Александрович, на северный полюс собрался? – с иронией спросил Чистов.

Зимин вместо ответа предложил Чистову выпить для тепла водки. От водки Чистов не отказался. Он выпил полстакана, запил холодным чаем. Выключили свет и вышли на улицу.

Холодным воздухом обдало лицо. Дышать стало легко. На чистом весеннем небе с оттенками голубизны тускло блестели звезды. Горизонт по всей длине выглядел темным, загадочным. Несколько электрических лампочек освещали поселок. Тусклый серый свет проникал недалеко и терялся в воздушной бесконечности.

Почуяв идущих людей, залаяла собака. Ее лай подхватила еще одна, и, как цепная реакция, он разлетелся по всему поселку. Собачий лай раздавался везде. Собаки лаяли разными голосами. Одни басом, другие – тенором, третьи задыхались от злости, хрипели, выли и заливались звонкой трелью.

– Сколько же в поселке собак? – спросил Чистов.

– Не знаю, – ответил Зимин, – не считал. Однако мы растревожили все собачье царство. Долго они будут соревноваться, кто кого перелает.

До шалашей дошли быстро. Зимин показал Чистову шалаш, сказал:

– Сиди тихо, с рассветом обязательно должны прилететь.

Чистов обошел шалаш кругом, раздвинув ветки, влез внутрь и сел на постланное сено. Зимин ушел в другой шалаш. Первые полчаса Чистов сидел спокойно. Холод тонкими струями просачивался сквозь одежду и впивался в тело. Сильно зябли руки и ноги. Он пытался заняться физкультурой, шевеля всеми частями тела, которые поддавались движению. Ничего не помогало. Казалось, пальцы рук и ног теряли чувствительность. Сидеть становилось невыносимо тяжело, но и выходить из шалаша было неудобно.

Недалеко, хрюкая, пролетел вальдшнеп, за ним еще два. Медленно надвигалось утро. На горизонте северо-восточной части неба появилась белесая полоса. Она постепенно увеличивалась, распространялась все выше и выше. Звезды в ней меркли и исчезали. Недалеко от шалаша черным комом плюхнулся тетерев. Чистов забыл про озябшее тело, стал внимательно разглядывать, где же он. Раздвигая ветки шалаша, просунул ствол ружья в направлении приземлившейся птицы. На черной торфяной земле разглядеть тетерева было трудно, так как все сливалось в единый черный цвет. Да и тетерев не дремал, он тут же убежал в неизвестном направлении.

Чистов злился на Зимина, думал: «В своем одеянии он два часа и больше может выдержать сорокаградусный мороз. Напрасно отказался от предлагаемой одежды. Сейчас бы сидел и в ус не дул. Он, по-видимому, закутался в воротник и спит. Мне, пожалуй, не выдержать, придется позорно бежать. Даже челюсти стали непослушны. Зубы стучат, как у голодного волка. Но ничего, впредь наука. Теперь буду знать, что к чему».

Где-то далеко запел бесконечную песню самец-тетерев. Ему откликнулись несколько. Через две-три минуты по всему болоту зажурчала тетеревиная песня. Веером по безоблачному небу проносились с бляением бекасы. Недалеко в бору, как в переливную трубу, затрубил самец-вахирь, дикий голубь. Лес и болото проснулись. Со всех сторон раздавались голоса тетерок. В их брачной песне слышалось что-то куриное, «ко-ко-ко». Щебетали мелкие птахи. По небу плавно пролетали с карканьем вороны.

Чистов думал: «Как все устроено в природе. Не только человек, но и все живое стремится сохранить и продлить свой род, невзирая ни на какие трудности».

Утренний птичий хор усиливался и разрастался с каждой минутой. Раздались два выстрела, рядом кто-то стрелял дуплетом. На полминуты наступила тишина. Снова все оживило, казалось, что еще сильнее все запело и заиграло. Пел лес, пели торфяные поля. Чистов внимательно разглядывал торфяное поле вокруг шалаша, но тетеревов не было. Временами кидал свой взгляд на предполагаемый шалаш Зимина. Ему казалось, что шалаш был пуст, Зимина давно и след простыл. Если стрелял Зимин, то впустую.

Уже собирался выйти наружу. В это время рядом с шалашом, как черной ком, плюхнулся тетерев. Встал он в настороженную позу, озираясь по сторонам. Не обнаружив опасности, из-под черного наряда показались белые перья. Хвост распустился веером. Красные брови округлились, увеличились и яхонтом заблестели в лучах восходящего солнца. Раздались чувывание и шипение. Тетерев затанцевал, заходил кругами, призывая подругу. Чистов впервые в жизни увидел так близко тетерева в брачном наряде. На вызов тетерева, который слышен был на всю округу, прилетели еще два. Между ними завязалась драка, а затем свалка. Кто кого бил и за что, они и сами не знали. Над шалашом раздалось «ко-ко-ко». На шалаш села тетерка, затем она перелетела ближе к тетеревам. «Вот это зрелище», – думал Чистов. Он держал ружье озябшими руками, но стрелять не думал. Инстинкт охотника в нем не просыпался.

В это время до слуха донеслись звуки чьих-то шагов. Из леса вышел человек, державший наготове ружье. Чистов, не понимая своего поступка, быстро вылез из шалаша и крикнул: «Не стреляй!» Тетерева с шумом оторвались от земли и черными комьями пронесли над торфяным полем, скрылись за деревьями. Зимин, ругаясь отборными словами, тоже вылез из шалаша, в адрес пришельца кричал и грозил:

– Вот негодяй, ты же вечером обещал мне не приходить. Я тебе покажу, где раки зимуют. Пришелец круто повернулся и скрылся в лесу.

– Все, Анатолий Алексеевич, – кричал Зимин, – пошли в поселок, больше не прилетят.

Чистов сожалел, что не стрелял. Он думал, наверняка одного можно было убить. Убитая птица пригодилась бы для угощения высоких гостей из области. Было бы чем похвастаться перед ними. Он стоял на месте. Замерзшие руки и ноги не подчинялись рассудку. Зимин подошел к нему и спросил:

– Анатолий Алексеевич, почему не стреляли?

Чистов ответил не сразу. Он внимательно разглядывал стоявшего рядом Зимина, который в одной руке держал двух убитых тетеревов. Ему хотелось ответить правду, что загляделся на такое впервые видимое зрелище, забыл про ружье, а сказал:

– Ждал, думал, еще прилетят.

Однако по лицу его было видно глубокое разочарование, что ни разу не выстрелил. Зимин прочитал его мысли и предложил:

– Пока возьмите мои охотничьи трофеи, а в следующий раз не будете зевать, сами убьете. Надо же вам и перед Антониной Васильевной отчитаться. Наверняка спросит, где был и ночевал.

– Что верно, то верно, – ответил Чистов. – Но твоих птиц я не возьму. Ты убил, тебе они и принадлежат.

– Берите, Анатолий Алексеевич, – возразил Зимин. – У меня ни жена, ни дочери одного их вида не переносят, не говоря о еде. Жена отказывается их варить. Если не возьмете, я отдам их повару в столовую, пусть приготовит на завтрак.

– Завтрака ждать не буду, – сказал Чистов. – Мне ровно в восемь надо быть на работе, причем обязательно.

Тетерева токовали одиночками и небольшими группами по всему болоту. Их булькающие песни наполняли все пространство, глуша остальные звуки. Солнце поднялось высоко над горизонтом. Чистов и Зимин шли медленно с думами об охоте, временами перебрасывались редкими фразами. От завтрака Чистов отказался. Зимин положил ему обоих тетеревов в авто-

машину на заднее сиденье. Залил в радиатор горячей воды. Мотор завелся легко и быстро. Чистов уехал в хорошем настроении и с отличным впечатлением о Зимине. Он думал: «Из Зимина будет хороший друг и товарищ. Он человек откровенный, простой, эрудированный. С ним интересно говорить на любую тему. Охотник тоже неплохой. Бородин его давно знает, причем хорошего мнения о нем. Такого же мнения многие руководящие товарищи района. Только один Бойцов говорит, что с выводами спешить не надо. Надо сначала присмотреться. Большую ошибку допустил, рекомендовал тебя, товарищ Бойцов, председателем райисполкома. Если Семенов с Росляковым не раздумают приехать на охоту, возьму в компанию и тебя, Зимин. Для встречи и угощения товарищей с области ты будешь полезен мне и в целом району». С такими думами он доехал до Сосновского.

Глава шестая

За глаза все звали Михаила Федоровича просто Миша Попов. Имя Миша ему привилось в райкоме комсомола, где он работал инструктором, и закрепилось пожизненно. В двадцать пять лет он был принят в партию и тут же изъявил желание работать в райкоме партии. Заручился рекомендательным письмом и отличной характеристикой секретаря райкома комсомола, и мечта его осуществилась: он был принят инструктором райкома партии. Секретари поручали ему в основном грязные дела, разбор и проверку жалоб. В последнем Миша проявил себя талантливейшим следователем. Он мог из пустяка создать персональное дело и, наоборот, серьезные дела, связанные со злоупотреблением служебным положением, свести на нет, собрав необходимые доказательства. Такое удавалось не всем инструкторам.

Родился Миша в Крыму, в селе недалеко от Ялты, в семье крестьянина, мать и отец – болгары. В период оккупации полуострова немцами отец его, Федор Попов, был старостой, оказывал активную помощь немцам. Немало русских парней было выдано оккупантам отцом Миши. После освобождения Крыма вместе с крымскими татарами Федор Попов со всей семьей был выселен и сослан в Северный Казахстан.

Русский народ не злопамятен, быстро забывает все причиненные обиды. Миша был реабилитирован от репатриации и приехал в Сосновский район Горьковской области. Почему он выбрал Сосновский район – это его тайна. Вскоре был разрешен выезд его отцу с семьей. Отец его переехал в пригород Одессы, но Миша по каким-то причинам не направился к нему. По-видимому, за Мишей был большой грех. Он боялся встречи с людьми, среди которых провел свое детство и отрочество. Боялся быть опознанным, так как Одесса и Ялта расположены не так далеко друг от друга. Только поэтому Миша решил искать свое счастье в сердце России. В этом он не ошибся. Счастье ждало его в Сосновском. Он избрал правильный путь комсомольского, а затем партийного работника. Женился на девушке из хорошей семьи, с высшим образованием, она окончила агрономический факультет сельхозинститута. Под влиянием жены Миша поступил учиться в седьмой класс Сосновской вечерней школы и только благодаря помощи и настойчивости супруги с большим трудом получил аттестат зрелости.

Работники райкома партии при подборе руководящих кадров узрели в Мише Попове что-то лидерское и удовлетворили его давнишнюю просьбу – выдвинули председателем колхоза. Здесь Миша воспользовался не только материальными благами колхоза, но и решил учиться, зная, что без специальности рано или поздно ждет физический труд. С третьего захода он сдал на заочный агрономический факультет Горьковского сельхозинститута. Принят был в качестве исключения, поскольку был председателем колхоза.

Венецкий колхоз при умелом руководителе мог быть перспективным хозяйством. До коллективизации мужики большого села Венец в пятьсот дворов хорошо удобряли землю навозом, и она им щедро платила за труды. С проведенными реформами на селе вместо кулаков разоряли умных тружеников-крестьян. С организацией колхоза еще до войны отдельные поля запу-

стели. Навоз вывозили на ближние участки, большая часть земли затошала. В период войны и в первые послевоенные годы почти все мужицкие лесные и полевые сенокосы заросли лесом и кустарником. Посевные площади резко сократились. Из земли тянули последние соки, но ее, кормилицу, не кормили. Урожай зерновых стали низкими, в отдельные годы не собирали высеянных семян. Колхозники на трудодни не получали ничего. Народ сознательно стал избегать работать в колхозе. Мужики занимались отходничеством, устраивались в лесозаготовительные предприятия. Часть народа из села уезжала навсегда. Молодежь тоже не держалась, шла учиться и в село не возвращалась. Да ко всему этому частая смена председателей колхоза привела животноводство и полеводство в полный упадок.

Чтобы удержать народ на селе (чрезвычайные сталинские законы не помогали), было дано директивное правительственное указание: заниматься подсобными промыслами, организовывать промышленные колхозы. В селе Венец выстроили большой деревообрабатывающий цех. Установили в нем примитивное оборудование: ножные токарные станки, деревянные верстаки для столяров. Закупили большую партию ручных рубанков, фуганков, шершебок и так далее. Установили две пилорамы. Линии электропередач в залесной части района еще не было, поэтому к пилорамам и циркулярным пилам устанавливали дизельные тракторные моторы или пилили при помощи тракторов. Народ потянулся в цех, так как платили не трудоднями, а деньгами. Работники готовили тарные ящики и токарные изделия: ручки, отвертки, стамески и ножи для заводов Сосновского и Павлово. От побочного пользования колхоз стал получать большие доходы, но недолго. Секретарем райкома был избран директор Барановской МТС Сулимов. В этом ему помогло протекже тестя, работавшего в то время заведующим сельхозотделом обкома партии. Человек недалекий, с небольшим кругозором, с первого дня работы стал настаивать на ликвидации цехов и побочных пользований в деревнях. Основой послужили частые выступления секретаря ЦК Хрущева Никиты Сергеевича о ликвидации частного скота, садов и приусадебных участков не только рабочих и служащих, но и колхозников. Цеха стали закрываться, а затем уничтожаться. Народ разбежался, частично уехал из деревни, но пока многие держались за собственный дом, сад и корову. Каждый руководитель райкома, не думая о последствиях, вносил свою лепту вопреки директивным указаниям обкома партии.

В течение почти тридцати лет колхозы были мелкими, что ни деревня, то колхоз. Народ к этому привык. Колхозы обслуживали машинно-тракторные станции, поэтому за ними осуществлялся двойной контроль – со стороны МТС и района. Председатель колхоза был наподобие робота. Работал только по установленной программе райкома партии и МТС. С реорганизацией МТС районное руководство стало слабо осуществлять контроль за мелкими хозяйствами. Каждому колхозу надо было давать трактора, комбайны и всю необходимую сельскохозяйственную технику, обеспечивать кадрами инженерно-технический персонал, что привело к раздробленности и разбросанности. Поэтому было принято решение ЦК КПСС и совета министров СССР об укрупнении колхозов. Снова все это отразилось на экономике колхозов и благосостоянии колхозников. Каждая реформа, по-научному прогресс, при перестройке хозяйства или производства приносит большой ущерб на первых порах, а в сельском хозяйстве – на долгие годы. Укрупнили и колхоз «Венецкий». Влились в него, как в озеро, еще два колхоза – «Вилейский» и «Залесский». Во главе укрупненного колхоза поставили коммуниста, партийного работника, заместителя секретаря парткома Павловского автобусного завода Молокина. Рекомендовали его как хорошего организатора, всю сознательную жизнь проработавшего на комсомольской и партийной работе. Во время Отечественной войны Молокин возглавлял политотдел какой-то флотилии. Говорить он мог на собраниях красноречиво и подолгу, но сельскохозяйственного производства не знал. Вырос в городе, сельскохозяйственного образования не имел, а раз взялся за гуж, то будь дуж. Трудно сказать, как он решал вопросы и давал распоряжения. Однако за три года работы колхоз не двинулся ни шагу вперед. Ничего не построил, поголовье скота уменьшилось, посевные площади сократились. Районное началь-

ство любило, но и побаивалось языка Молокина. Его смелости и нахальству мог позавидовать любой генерал. Он без стука в дверь заходил к секретарю обкома и председателю облисполкома, обходя в приемной всех сослуживцев.

Один раз Молокин поспорил с секретарем райкома партии Сулимовым о том, что, если райком разрешит ему съездить в Москву к министру сельского хозяйства Мацкевичу, колхоз получит новый комбайн и бортовую автомашину. Поспорили они на приличную сумму.

Сулимов говорил:

– Мацкевич тебя не примет.

Молокин утверждал:

– Если Мацкевич будет в министерстве, то в день приезда попаду на прием.

На командировку попросил только трое суток. Как он сумел в день приезда быть на приеме у Мацкевича, один он знает, однако все подтвердил документами и личными подписями Мацкевича. В течение одного месяца прямо из фондов министерства были получены трактор «ДТ-54», автомашина «ГАЗ-51» и комбайн «СК-4».

Молокин говорил, что Мацкевич принял его вначале чуть ли не в штывки, но после короткого объяснения, а за словами он в карман не лез и мог нарисовать словесно любую картину будущего колхоза, беседовал с ним два часа. Когда вышел из кабинета, только тогда в приемной объяснился, что он – председатель колхоза имени Горького Сосновского района, имеющий свободный доступ к министру.

Сулимов поспорил, но Молокин ему об этом ни разу не напомнил, хотя он был частым гостем не только в будни, но и в праздники и воскресенья. Молокин на деньги колхоза был гостеприимен, не только руководство района, но и всех районных работников угощал обязательно с водкой, потому что сам без нее жить не мог ни одного дня. Даже на районные пленумы, сессии, активы, исполкомы и бюро он приходил обязательно с бутылкой водки и через каждые полчаса почти у всех на виду пил по сто грамм.

Время сталинских чрезвычайных законов шагнуло далеко назад. Народ почувствовал свободу и безнаказанность. Дисциплина в колхозе резко упала. Бесплатно работать никто не хотел. Колхозники стали требовать оплаты труда гарантийным трудовым. Платить было нечем, колхоз оказался большим должником перед государством, так как срок всех ссуд истек.

Молокин своими глазами увидел полный крах, да вдобавок жена начала жаловаться районному начальству на него как на алкоголика. Решил раз и навсегда бросить аграрное производство, как он называл колхоз. Прикинулся психбольным, потому что почувствовал недоброе, колхозники стали прямо в глаза говорить, что он пропил весь колхоз. Не пришлось бы отвечать за разруху и разгром аграрного производства. Лег в психбольницу, откуда заручился справками, и в колхоз больше не вернулся. Снова устроился работать на автобусный завод.

После ухода Молокина восстановить колхоз и попробовать свои силы решил Кочетков, секретарь парторганизации колхоза. Предшественника он ругал на чем свет стоит. Секретарем партийной организации подобрал Аверина, председателя сельского совета, ранее работавшего лесотехником в лесничестве. Первым наставником и советчиком был Сулимов. Он, выступая на пленуме райкома, заявил:

– Колхоз «Венецкий» Кочетков через два года сделает образцовым, самым передовым хозяйством района, а мы ему в этом поможем.

Сулимов обещал помочь сеном, соломой и комбикормами. В связи с реорганизацией областного управления сельского хозяйства по замыслам Никиты Сергеевича Хрущева были организованы производственные управления сельского хозяйства, одно на несколько районов. Как перспективный руководитель Сулимов был назначен начальником управления.

Если не повезет, то, говорят, одно несчастье сменяется другим. В это время академик Трофим Денисович Лысенко решил пересмотреть всю биологическую науку, создаваемую тысячами. Теорию Вильямса, которую мужики знали за столетия до рождения академика,

признали халтурой. Не только клевер, но и все сеяные травы по указанию самого Хрущева перепахали.

К этому прибавилось другое несчастье: 1962 год выдался неурожайным. Грубыми кормами колхоз обеспечился только на 60 процентов, не говоря о зерне. Всему виной стала последняя хрущевская реформа. Сосновский район реорганизовали, вместе с ним еще четыре, и организовали один объединенный сельскохозяйственный Богородский. Райкомы и обкомы разделились на сельскохозяйственные и промышленные.

К этому не хватало еще анархистов, монархистов и социал-демократов. Они бы приумножили неразбериху и внесли свою лепту в разорение государства.

Отсюда с Кочеткова и Аверина никто ничего не спрашивал. Им была предоставлена полная свобода, кроме директивных указаний сколько посеять кукурузы, свеклы, они считались главными культурами, ну и так далее. Молодые руководители колхоза решили отличиться, показать себя. Лучшие земли засеяли кукурузой, план посева значительно перевыполнили. Вопреки их ожиданиям злак не вырос. Отдельные чахлые всходы зарастали сорняками. Кочетков был упрям, все кидал на кукурузу, ее пололи вручную, поливали из бочек. Затратили много сил, а показать было нечего. С кукурузой упустили и лесные сенокосы, не выкосили, еще одно несчастье. Но Кочетков с Авериним все-таки не унывали, новому начальству докладывали, что все хорошо. Руководство укрупненного района к ним не приезжало. Мелкие бывали часто, от них отделялись обедами и водкой. Они, в свою очередь, докладывали то же – все хорошо.

Наступила осень, и снова несчастье: в середине октября выпал снег и не хотел таять. Весь скот пришлось поставить в стойла. Стойловый период удлинился. Специалисты-зоотехники управления сельского хозяйства прислали нормы, что, сколько и как надо скармливать скоту. Эти нормы Кочетков признал за директиву, то есть за основу, и, не думая о последствиях, стали кормить скот. Надеялись на помощь из Богородска, а может быть и с неба. Бухгалтер колхоза Вагин душой болел о животных и знал, что им придется туго. Предупреждал Кочеткова, выступал на каждом правлении колхоза, но Кочетков был упрям, не хотел на голодном пайке, рассчитанном Вагиным, держать скот. Хотел сохранить надои, упитанность и увеличить стадо.

В начале марта бригадиры и заведующие фермами заявили, что кормов больше нет. Начали собирать у колхозников. Кто сколько мог, столько и дал. Взяли все излишки у лесничества, но это была капля в море. Начали собирать на полях смерзшиеся кучи гнилой соломы. Снимали солому с крыш. Готовили в лесу ветки сосны, ели и березы.

Начался падеж скота, и от фермы крупного рогатого скота и овец остались рожки да ножки. Свиноферму свели к нулю еще осенью по приказу управления сельского хозяйства.

Скрыть такую разруху было невозможно. Партком управления сельского хозяйства послал в колхоз комиссию во главе с заместителем начальника Дуженковым. Дуженков был мужик принципиальный, разобрался в делах колхоза и доложил на бюро парткома истинное положение. Бюро приняло решение снять Кочеткова с работы и передать дело в следственные органы. Наказать его должен был народный суд, а от суда пощады не жди. Аверина освободили от должности секретаря парторганизации колхоза. По желанию он ушел на работу лесотехника в лесничество. Секретарь парткома Хоменко, мужик незлопамятный, поразмыслив головой делового человека, решение положил в сейф, следственным органам не передал. Может быть, он пожалел Кочеткова, или в то время уже распространялись слухи о новой реформе в управлении сельского хозяйства и промышленности, поэтому решил оставить Кочеткова для будущего. Ведь кому-то надо руководить. Кочетков отделался легким испугом и сразу же стал исполнять обязанности секретаря парторганизации колхоза.

Миша Попов в это время работал зональным инструктором парткома. При каждом удобном случае он просился на руководящую работу. Найти хорошего человека на доведенное до ручки хозяйство было трудно, поэтому партком удовлетворил его просьбу. Когда за Мишей закрылась дверь кабинета Хомченко, он сказал:

– Попов колхоза не поднимет, но и добивать-то там, кажется, нечего. Животноводство почти уничтожено, с трудом собирают высеянные семена. Пусть парень тренируется, может чего и получится.

Но Миша знал с чего надо начинать. Он больше всего на свете любил деньги и женщин. Работая инструктором, получал сто рублей, на которые не разгуляешься.

– На бедного человека и женщины с отвращением смотрят, – часто говаривал Миша.

В колхозе было две бортовые автомашины, три трактора «ДТ-54», исправная пилорама «Р-65». С первого дня работы нового председателя застучала пилорама. Трактора хлыстами таскали из леса древесину. Автомашины ежедневно грузились дровами или тесом и везли продавать в город Павлово или безлесный Вачский район. Деньги, вырученные от продажи теса и дров, брал себе, говорил шоферам, что обязательно будут сданы в кассу, а в какую – молчал. От уцелевших чудом двенадцати свиноматок потекли на рынок поросята, а они были дороги – 50–60 рублей каждый.

У Попова деньги появились, и много, нашлись и женщины. Вначале он по старому знакомству ездил ночевать в Лесуново к Тоскиной Клавдии, которую за распутство звали районной, но без денег она никого не принимала. За деньги к ней мог приходиться любой старик и даже урод. Один раз с сильного похмелья Миша ехал из Лесуново от Тоскиной. По пути посадил в кабину девушку. Она без стеснения спросила:

– Вы сегодня ночевали у Тоскиной?

– Нет! – смутившись, промычал Миша.

– Как нет! – улыбаясь, сказала девушка. – Ваша автомашина всю ночь стояла у нее под окном. Вы вроде порядочный человек, а на кого размениваетесь.

Миша не находил слов для ответа. Сначала он злился на девушку, хотел сказать: «А твое какое дело», но, посмотрев на ее красивое лицо, опрятность, промолчал. Девушка, улыбаясь, показывая белые ровные зубы, продолжала:

– Сколько же в вашем колхозе красивых молодых одиноких женщин, – тяжело вздохнула и замолчала.

– Вы откуда? – спросил Миша.

– Я не здешняя, третий год работаю учительницей в Красненской начальной школе. Живу одна в предоставленном мне колхозом доме.

– Вы замужем? – снова спросил Миша, как отличный товар разглядывая блестящими черными глазами ее высоко приподнятую грудь и талию, бросая беглый взгляд на ноги.

– Нет! – ответила девушка. – Выходила три года назад за одного парня, друга детства, но не повезло, не сошлись характерами.

Миша понял, женщина сама напрашивается. Остановил автомашину, попытался обнять и поцеловать. Она отстранила его руки и сказала:

– После Тоскиной до меня не дотрагивайся.

– А приехать к вам можно? – спросил Миша.

– Заезжайте в любое время.

– Я сегодня же к вам приеду, – обрадованно сказал Миша.

– После Тоскиной помойтесь в бане, – улыбаясь, ответила она, – буду ждать не ранее чем через четыре дня.

– Почему через четыре?

– Так надо.

Миша довез ее до дома, знакомство состоялось. Тоскина была забыта надолго.

Жизнь Миши с каждым днем налаживалась. В каждом доме он был свой гость. Деньги ручьем текли в его карман. Но сколько веревочка не тянется, а конец всегда бывает. Бухгалтер колхоза Вагин однажды встал на колени перед Поповым, как перед Богом.

– Михаил Федорович, – взмолился он. – Работать с вами я больше не могу, прошу Богом, уволь. Если не уволишь, покончу самоубийством. Скоро нас с тобой обоих посадят в тюрьму. Тебе-то ладно, есть за что и посидеть, все деньги от продажи теса и дров ты берешь себе. Уволь меня, пожалей моих детей, а у меня их шестеро. А меня-то за что будут судить? Какой позор! Если только за то, что каждый день пьем вместе. Как мне отчитываться? Куда я что буду списывать в отчетах? Шофера возят тес и дрова продавать, сжигают горючее, выписывают и заполняют путевые листы. К оплате я их принимать не могу. У шоферов таких путевок накопилось не по одной сотне.

– Отнять их и уничтожить! – вспыхнул Миша.

– За это завтра же арестуют. Путевые листы все зарегистрированы, – ответил Вагин. – Лесорубы готовят пиловочник и дрова, работает пилорама, надо всем платить зарплату. Чтобы платить зарплату, надо все приходовать. А на кого записать? Если только на вас.

– Ни в коем случае! – почти крикнул Миша.

– Подскажи тогда, как быть.

– На то ты и бухгалтер, – невнятно буркнул Миша. – Надо меньше языком болтать, а больше делать. А то, как ворон, накаркаете беду.

Вагин покраснел, его бледное с синевой почти цыганское лицо сделалось багровым, но хватило мужества потушить в себе нахлынувшую злобу. После минутного молчания, пытаясь улыбнуться, сказал:

– Да я сказал-то только между нами.

– То-то, так и надо, – мягко, с акцентом заговорил Миша. – Такие разговоры должны быть только между нами. Ввиду частой замены председателей колхоза вы лучше моего знаете, в каком положении находится хозяйство! Народ нам не верит, трезвые молчат, а напьются пьяными – в глаза все высказывают. Надо правду сказать, деловых мужиков среди председателей не было. Упреки народа в адрес нашего брата отчасти справедливы. Все ели и пили за счет колхоза.

Вагин смотрел на Попова немигающими темно-серыми глазами и думал: «Я бухгалтер колхоза почти с самой его организации. Колхоз появился в 1931 году, и меня сразу же послали на шестимесячные курсы бухгалтеров. После окончания стал бессменным бухгалтером. Только Отечественная война прервала колхозный стаж на четыре года. Председателей сменилось много, были хорошие и плохие, но бестолковее тебя как руководителя не было. Набиваешь ты свои карманы деньгами, больше ни о чем не беспокоишься. Деньги, вырученные от продажи теса и дров, смело, как свои, берешь у шоферов, а концы все снаружи, не умеешь прятать. Вот я смотрю на тебя и никак не пойму, или ты идиот, или глупец. Чем все это кончится?»

Попов продолжал:

– Народ в колхозе совсем испортился. Только и смотрят, где что близко лежит, нельзя ли утащить. Вор на воре и вором погоняет. Да вдобавок еще кляузный, так и следят за каждым шагом председателя. Увидят муху, а раздуют слона. С лесорубами, рабочими пилорамы и шоферами я сам рассчитываюсь.

– Как вы рассчитываетесь? – сдерживая улыбку, спросил Вагин.

– Очень просто, – ответил Попов. – Нагрузили автомашину теса три кубометра, из вырученных денег от продажи шоферу, пилорамщикам, лесорубам и трактористу даю по десять рублей. Ко мне пока претензий нет, мне кажется, все довольны. Волки сыты и овцы целы.

Вагин подумал: «Сколько же ты себе в карман кладешь, об этом молчишь», – и тяжело вздохнул.

– Да разве вы всем угодите, Михаил Федорович. Ко мне много раз приходили лесорубы и рабочие пилорамы и требовали оплаты за заготовку и распиловку. У них все записано, сколько и когда увезено. Вчера вечером разбирался с шоферами и трактористами, на них на всех чис-

лятся тонны горючего. Они просят списать, сами подумайте, куда я спишу. У них на руках путевки и наряды, подписанные мастером пилорамы, я их не принимаю к оплате, продукции-то нет.

– Ты не переживай, что-нибудь придумаем, – улыбаясь, сказал Попов. – Все горючее, бензин и солярку спишем на другие виды работ. Все в наших руках.

– Опоздали, Михаил Федорович, списывать. Надо было раньше об этом думать. Шофера высоко головы подняли, ушли недовольные и с угрозами, и это неслучайно.

Попов гневно посмотрел на Вагина, глухо, с акцентом сказал:

– Я их завтра же обоих сниму с автомашин и пошлю навоз грузить.

– Не спеши, Михаил Федорович, – поглядывая на дверь, тихо сказал Вагин. – Сегодня звонил прокурор Алимов, интересовался, сколько и когда оприходовано денег от продажи поросят, дров и теса.

Смуглое лицо Попова побледнело.

– Начинается, – сказал он. – Не успели организовать район, вместо деловой работы райком партии и райисполком только и занимаются разбором кляуз. Понабрали плутов и пьяниц со всей области. Прокурор и начальник милиции вместо работы занимаются шантажом и пьянкой и компрометируют руководителей.

– Михаил Федорович, я забыл вам сказать, звонил Чистов. Спрашивал, как дела с севом.

– А меня тоже спрашивал? – перебил Попов.

– Спрашивал, – ответил Вагин. – Я сказал, что вы в вилейской бригаде. Вас в конторе три дня не было, поэтому я не знал, что и говорить. Велел вам позвонить.

– Все-таки ты молодец, – похвалил Вагина Попов. – Никогда ни в чем еще не подводил.

Попова сев не интересовал. Он знал, что будь на месте или не будь, сеять все равно будут. Севом руководят агроном колхоза Аверин и бригадиры полеводческих и тракторных бригад. Животноводством – заведующие фермами и зоотехник. Все сведения о проделанных работах ежедневно собирает Вагин и передает в район. Так заведено уже тридцать лет.

Попов в конторе находился мало, непосредственно на производстве почти не бывал. Занимался больше личными делами. Вместо того чтобы использовать автомашины на севе, а работы им там непочатый край, он решил по-своему, загрузил обе тесом с пилорамы, да снял еще трактор с сева почти на день для сопровождения автомашин по плохой дороге. Грузные автомашины без приключений добрались до села Арефино, где продали тес. Ночью не поехали, ночевали. На следующий день дождался открытия магазина, изрядно похмелились, поехали в Сосновское. Автомашины Попов передал заводу «Металлист» для работы за наличный расчет, сам он строил личный дом. Только через три дня приехал в Венец. Шоферам строго наказал: «Если спросят, говорите, что застряли в грязи и сидели». Сам он ни перед кем не отчитывался.

– Как у нас идут дела с посевной? – спросил Попов Вагина. Тот смотрел на него темно-серыми немигающими и ничего не выражающими глазами. На щеках у него образовались две глубокие длинные морщины. Молча достал из стола толстую тетрадь, раскрыл и начал перечислять что и сколько сделано и чего не хватает в каждой бригаде.

– Бульдозер пришел с ММС? – спросил Попов.

– Да! – ответил Вагин. – Разве вы не видели, он грузит навоз у скотных дворов. Да беда, возить не на чем. Шофера приехали пьяные и, не просыхая, продолжают пить, – хотел сказать «вместе с председателем» и замолчал.

– Хорошо, очень хорошо, – сказал Попов. – Не посчитай за труд, вызови мне Зимина, надо с ним поговорить. Технику посылает, горючего не завозит, сам нигде не бывает. Вся работа у него пущена на самотек. Чистов человек умный, а в людях плохо разбирается.

Попов не успел высказаться до конца, как в контору вошел Кочетков, поздоровался и, улыбаясь, сказал:

– Давно вас, Михаил Федорович, не видно.

Попов ответил:

– Неотложные дела, – а какие Кочетков должен сам догадаться.

Кочетков отлично знал, что за дела. Он, улыбаясь одними глазами, в упор смотрел на Попова. Попов не выдержал взгляда, отвернулся. Кочетков подумал: «А правильная все-таки присказка «На воре и шапка горит». Вагин в это время крутил ручку телефона, вызывал Лесуново и Сосновское, затем крикнул:

– Зимин у телефона!

Попов прошел в кабинет, Кочетков ушел за ним.

– Здравствуй, милый, – крикнул в трубку Попов. – Я давно тебя не видал, соскучился. Может быть, ты завтра приедешь ко мне, надо поговорить. Спасибо за трактора, за бульдозер. Большую ты нам помощь оказываешь, я этого век не забуду.

Вагин держал у уха трубку параллельно присоединенного телефона. Слушал фальшивый голос Попова и думал: «Какой же ты мелкий, фальшивый человек. В глаза говоришь одно, а за глаза другое. На такое способны не все, только подхалимы и люди со слабой душой, короче говоря, предатели. От тебя, Михаил Федорович, можно ожидать любую пакость. Купишь человека и тут же продашь. Откуда у тебя все это взялось. Кто тебя этому научил». С трудом все укладывалось в голове Вагина.

Зимин ответил:

– Обязательно, Михаил Федорович, приеду.

– На автомашине не проехать, – предупредил Попов.

– Спасибо за предупреждение, – раздался голос в трубке, – до завтра, до встречи.

Попов крикнул Вагину:

– Заходи, поговорим.

Вагин зашел в кабинет и сел рядом с Кочетковым. Попов сидел на председательском месте, улыбка не сходила с его лица.

– Пусть хромой черт прокостыляет от Лесуново восемь километров, – сказал Попов. – Трактора ММС работают по всему району, а он из конторы не вылезает. Сидит, о стул штаны протирает да на талии конторских баб смотрит.

Кочетков снова встретил взгляд Попова, нахмурившись, сказал:

– Я Зимина близко не знаю, что он за человек. Но вы что-то равнодушны к нему, и ваши мнения неправильны. Зимина в кабинете можно застать только утром или вечером. Остальное время он на торфяных полях, то есть на добыче торфа, или в совхозах. Зимин человек трезвый и неглупый, дисциплина у него – нам с вами можно позавидовать. Вы прислушайтесь к коллективу рабочих и служащих, как о нем отзываются. Редко кто скажет плохое.

Лицо Попова стало серьезным, он кинул гневный взгляд на Кочеткова, ехидно сказал:

– Что народ, – но тут же спохватился. – Не хвали, Николай Васильевич, я его давно знаю. Это плут и жулик, таких редко матери родят.

– Давай не будем за глаза судить о человеке. Завтра приедет – поговорим, – улыбаясь, заключил Кочетков. – Нам с тобой надо поговорить наедине.

Вагин поднялся и собрался уходить. Попов его остановил:

– Сиди, от тебя у нас секретов нет и не будет. Здесь мы все свои.

Кочетков заулыбался и заговорил:

– Тем лучше, что нет. Я вчера ездил в Сосновское, встретил прокурора с начальником милиции. Они попросили меня зайти в кабинет начальника милиции. Никакие мои ссылки на некогда и протесты не помогли. Прокурор пригрозил: «Если добровольно не пойдете, то будем вынуждены задержать». Я подумал, уж не за колхоз ли меня начинают трясти. От Хоменко можно ожидать всего.

Кочетков внимательно смотрел в лицо Попова. Вначале оно стало бледным, затем покраснело, на лбу выступили капли пота.

– Ну, что он тебе сказал? – спросил Попов.

– Говорить? – ответил Кочетков, взглядом показывая на Вагина.

Попов в растерянности молчал. Вагин поднял голову от просматриваемых им бумаг, внимательно стал разглядывать Попова. Попов встретился взглядом с Вагиным, сказал:

– Говори, что как кота за хвост тянешь.

– Я думал, по моему делу будут допрашивать, а когда сказали, что дело создается на тебя, у меня на душе стало легче, – как бы оправдываясь выпалил Кочетков.

Попов быстрыми и твердыми шагами прошел по конторе, заскрипели доски пола. Подумал: «Каждый за себя в ответе. Чужая беда не беда». Чуть заикаясь, со специфическим славынским акцентом начал:

– Прежде чем создать на меня уголовное дело, прокурору следовало бы язык не распускать и не компрометировать. Сначала надо доказать степень моей виновности. Какой он несерьезный человек, мальчишка. Насобирали Чистов в район всякой швали. Ни одного порядочного человека в район не приехало извне. Я вам перечислю всех по пальцам. Бойцов пьяница и глуп, как турецкий барабан. Сафронов пьяница и бабник, Каташин тоже и болтун. Прокурор с начальником милиции – взяточники, пьяницы и воры.

Кочетков с Вагиным хохотали.

– Что вы смеетесь? – почти крикнул Попов. – Назовите мне хотя бы одного порядочного человека. Вся эта шваль от нечего делать с первого дня занимается только кляузами, своднями и так далее, не тем, чем следует заниматься. Мы еще посмотрим, товарищ Алимов, кто кого.

– Чего там смотреть, – задыхаясь от приступа смеха, сказал Кочетков. – Он уже завел на вас уголовное дело и поставил номер. Вызывал на допрос шоферов и тракториста. Рабочих пилорамы, лесорубов, зоотехника и бригадиров вызовет на днях. Повестки получили около пятидесяти человек. Он мне хвалился, что у него за весь период работы первое такое уголовное дело. Шофера подтвердили продажу тридцати автомашин теса и пятидесяти автомашин дров. Всего на сумму около семи тысяч рублей. Да плюс к этому продажа колхозного мотоцикла и поросят. Всего набирается кругленькая сумма.

Голова у Попова работала лихорадочно, во рту сохло. «Надо что-то предпринимать, – думал он, – а то запутаешься в паутину, как муха, и больше не выберешься».

Кочетков говорил медленно, его слова, как молот, били Попова.

– Алимов написал на имя Чистова представление на вас. Просит освободить вас от работы, обсудить на партийном собрании колхоза и бюро райкома партии. Вот по этому вопросу они меня и приглашали. Я им сказал, что эти вопросы надо решать только с Чистовым. Без его ведома ничего не сделаю и делать не буду. Я пошел к Чистову. Чистов принял меня как старого товарища и друга. В непринужденной беседе рассказал ему, что знал. Он вызвал Алимова с Козловым и попросил на период весеннего сева приостановить следствие, без его разрешения из колхоза пока никого не вызывать.

Попов облегченно вздохнул, лицо его приняло нормальный вид. Он думал, раз Чистов встал на защиту, значит все в порядке, в обиду не даст.

– Почему пока? – спросил Попов.

– Откуда я знаю, – ответил Кочетков. – Мне кажется, он тоже не может сказать, чтобы прекратили дело, так как сам только начинает работать. По закону прокурор в вопросах следствия независим от властей. Чистов говорил с ними очень деликатно. Они тоже не высказали ни одного возражения. Когда они ушли, Чистов сказал мне: «Передай Мише, пусть свои грехи замечает и замаливает, пока не поздно».

– Все ясно, – сказал Попов, вытащил из кармана две десятирублевые бумажки и положил на стол Вагину. – Сходи, Степанович, в магазин, надо отмыть всю грязь.

Вагин ушел, Кочетков с Поповым остались в конторе. Попов в раздумье два раза промерял шагами контору. Встал напротив сидевшего Кочеткова, спросил:

– Посоветуй, Николай Васильевич, что делать?

– Не знаю, Михаил Федорович, – ответил Кочетков. – Мне кажется, но только ты правильно меня пойми, надо тебе уходить из колхоза, чем скорей, тем лучше. Раз начали колхозники на тебя писать, а за тобой грехи есть, то не остановятся ни перед чем. Да и прокурор в тебя вцепился хваткой щуки, скоро он пасть не раскроет, будет держать тебя на прицеле. Надо сказать, положение твое не из легких. Ты молодой, здоровый и грамотный, будешь думать, и выход из положения будет найден.

– Я его уже нашел, – улыбаясь, сказал Попов. – Но пока и тебе не скажу – это единственный верный выход.

Под окном крикнул Вагин:

– Приходите ко мне, все готово.

Попов проснулся рано утром, смотрел на незнакомые стены, потолок и вспоминал, где он. Он хорошо помнил, что пили в доме у Вагина. Кочеткова домой увела жена, она его сильно ругала и кидала враждебный взгляд на него как на виновника пьянки. Болела голова, во рту было сухо и неприятно. Попов встал, оправил складки измятых брюк и рубашки, так как спал не раздевшись. Надел пиджак, рукой пригладил черные цыганские волосы и вышел из комнаты.

Вагин сидел за столом, ел горячую картошку с солеными огурцами.

– Садись, Михаил Федорович, завтракать, – сказал Вагин. – С похмелья лучшее лекарство – огуречный рассол.

– Что верно, то верно, – ответил Попов и вспомнил неприятный случай из своей жизни.

В первый год работы инструктором райкома партии ему поручили подготовить к приему в кандидаты партии председателя колхоза деревни Пуп Куприянова. Попов дал ему программу и устав партии, велел все заучить. Не знал, что председатель кроме заголовков и кто с кем развелся в газетах больше ничего не читает. Да, собственно, ему и читать-то было некогда. Он сам говорил, как избрали его председателем колхоза. После отчетно-выборного собрания его досыта напоили водкой и с тех пор до переизбрания уже не пил, а только каждый день похмелялся.

Вызвали Куприянова на бюро райкома для приема в кандидаты в члены партии. Он отвечал на все вопросы об уставе и программе партии.

Секретарь райкома Шубин вдруг спросил:

– Что мы завозим из Китая?

Куприянов стал перечислять:

– Шелка, ткани, хлопок.

– Ну, еще что? – спрашивал Шубин. – Ты самого главного не говоришь. Скажи, что ты утром пьешь, – допытывался Шубин.

– Да неужели из Китая мы завозим огуречный рассол? – выпалил Куприянов.

Все захохотали. За этот огуречный рассол здорово досталось Попову от Шубина, он его на всю жизнь запомнил.

От упоминаний Вагиным об огуречном рассоле у Попова все тело передернуло, и он сказал:

– Лучше налей мне сто грамм, если есть.

– Как не быть, – ответил Вагин, встал, подошел к шкафу, налил стакан водки и протянул Попову. Попов почти одним глотком осушил стакан.

– Сейчас можно и огурчиками закусить, – не умываясь сел за стол завтракать.

Пришел Кочетков, поздоровался, осведомился о здоровье.

– Вы уже завтракаете, а мне некогда. Пока разделался только с животноводством, а печь еще не топил. Кажется, мы вчера здорово набрались, неплохо бы и похмелиться.

– Садись, – сказал Вагин, – найду немного.

Кочетков выпил полстакана, заел огурцом.

– Я побежал, некогда, – глухо сказал он.

– Обожди минуточку, – задержал его Попов. – Я сейчас поеду в Залесье, возможно, меня не будет целый день.

– Все ясно, – сказал Кочетков, – вы же с Зиминим договаривались, что он приедет.

– Пусть ждет меня, ему все равно сидеть – что на болоте, что у нас.

Попов пришел на стоянку автомашин и тракторов. С видом делового человека осмотрел все машины. Взял у шофера новой автомашины ключ зажигания, ему самому предложил отдохнуть. Сел в кабину и уехал.

– Куда он поехал? – говорили шофера и трактористы. – Его не интересуют дела колхоза, он преследует только личные интересы. Но не все коту масленица. С севом дела идут плохо. Не хватает тракторов, транспорта, а он поехал пьянствовать.

Из поселка ММС Зимин выехал на тракторе «МТЗ-2» в семь часов утра. Попова встретил в деревне Залесье. Попов ехал на новой, еще без номеров автомашине «ГАЗ-51» один, без шофера.

– Михаил Федорович, я к вам, – кричал Зимин при шуме работавших моторов трактора и автомашины. – Я пригнал к вам еще один трактор для вывозки удобрений.

Попов, не выходя из кабины автомашины, крикнул:

– Спасибо, поезжай в Венец, жди в правлении колхоза, я скоро вернусь.

Зимин неловко влез в кабину трактора, уехал. В правлении колхоза никого не было. Он нашел агронома Аверина, отдал в его распоряжение трактор. Вместе с Авериним обошли работавшие трактора, побывали на севе. Аверин пригласил его пообедать. Затем звал его на озеро, где у него были поставлены сети и морды, говорил:

– Попова ты вряд ли дождешься. Уехал он в Залесье, а оттуда, по обыкновению, направится в Красненькую к учительнице учиться и вернется завтра утром.

Зимин не верил Аверину. Он думал: «Просто ты наговариваешь на своего председателя. Не может же он в такой ответственный момент всю работу пустить на самотек». Зимин ответил:

– Буду ждать Михаила Федоровича.

Ушел под окно конторы правления колхоза и сел на скамейку. Вагин в конторе щелкал костяшками на счетах. Улицы большого села были пусты. Все население, старые и малые, трудились на своих усадах.

Вагин открыл окно и подал Зимину пачку газет. Улыбаясь, заговорил:

– Читайте газеты, новости узнаете, и время скорее пройдет. У нас в селе наступила тишина. Не увидишь ни одного пьяного. Все тунеядцы трудятся на себя. Весенний день год кормит. Зима всех спрашивает, что летом делал.

Он высказал более десятка пословиц, закрыл окно и снова застучал костяшками.

Зимин, уткнувшись в газету, читал заголовки и думал: «Пожалуй, прав Аверин. Попова сегодня не дождешься. Вот уже кончили учебу в школе. Прошли ученики и учителя. Продавцы давно пришли с обеда и открыли сельмаг, а Попова нет. Какая безответственность, народ работает в поле, весенний сев в полном разгаре, а председатель колхоза уехал пьянствовать. По-видимому, правильно о нем говорит народ. У Вагина и Аверина тоже на душе неспокойно. По интонациям и коротким ответам все понятно. Попов – карьерист и пройдоха».

Вагин ушел, контора опустела. Зимин читал все подряд.

– Ульян Александрович, здравствуйте, – раздался звонкий голос.

– Здравствуйтесь.

Рядом с ним сел Кочетков.

– Какими судьбами пожаловали к нам?

– Вчера Попов просил приехать к вам и разобраться с работой тракторов, – ответил Зимин. – Я его встретил еще утром в Залесье. Сказал: «Скоро вернусь, жди». Вот, жду уже шесть часов.

– По секрету скажу, – наклонившись, шепнул Кочетков, как будто их окружал народ. – Не жди, сегодня его не будет.

– Мне уже говорили, он застрял в Залесье, а оттуда уедет в Красненькую. Как же так! – возмутился Зимин. – Забрал колхозную бортовую автомашину для того, чтобы прокатиться, ее место на севе. За день она могла вывезти до ста тонн навоза.

– Не принимай близко к сердцу, – сказал Кочетков. – Я уже привык к нему и его проделкам. Жаловаться неудобно, сочтут кляузником.

– Поэтому решил молчать, – с горечью сказал Зимин.

– Пока да, – ответил Кочетков, – а тебе советую, не теряй напрасно время, не жди.

Зимин поднялся, собираясь уйти.

– Ты на чем приехал? – спросил Кочетков.

– На своих двоих, – криво улыбнувшись, ответил Зимин и широкими шагами пошел в Залесье.

Четыре километра он прошел быстро. Войдя в деревню, не поверил своим глазам, его лучшие трактористы Великанов и Болдин пахали усады жителей деревни. Тракторист Великанов издали увидел Зимина, остановил трактор и пошел навстречу.

– Вы что делаете? – еще издали со злобой крикнул Зимин.

Великанов, фамилия ему соответствовала, был высокого роста, около двух метров. Пропорционально сложен, обладатель большой физической силы. Подойдя к Зимину, он протянул большую мощную ладонь и, добродушно улыбаясь, ответил:

– Пахать усады нас заставил Миша Попов.

– Сейчас же немедленно прекратите! – со злобой сказал Зимин. – Позовите сюда Болдина.

– Вон он идет, – Великанов показал пальцем в сторону деревни.

Болдин подошел, спокойно поздоровался и, задыхаясь от подступившего смеха, заговорил:

– Ульян Александрович, пахать усады я отказался. Попов мне сказал: «Уезжай немедленно в ММС и передай Зимину, что ты, негодяй и так далее, не выполняешь мои распоряжения». Что мне оставалось делать? Я знал, что вы здесь и сами разберетесь что к чему.

Вокруг трактористов и Зимина начал собираться народ. Все просили не угонять трактора, пока не вспашут усады. Одна сгорбленная временем старушка подошла к Зимину и заголосила:

– Миленький, разреши мне допахать усад. Я живу одна, муж и два сына погибли на войне. У меня нет сил копать лопатой, помоги.

– Ладно бабушка, тебе допашут, – сказал Зимин, – и на этом конец. Где же Попов?

Великанов расхохотался:

– Мы с Вовкой пашем, а он бутылки с водкой собирал. Пил целый день, сейчас только уехал.

– Куда? – спросил Зимин.

– Известно куда, – ответили несколько голосов. – К своей зазнобе в Красненькую.

– Где бригадир? – спросил Зимин.

– Он уехал вместе с Поповым домой. Они вместе целый день пьянствовали.

– Вот что, мужики, – обращаясь к трактористам, сказал Зимин. – Трактора пока поставьте под окна Великанову. Ты, Володя, заводи мотоцикл и езжай, вези агронома или Кочеткова.

– Зачем сюда везти? – ответил Болдин. – Садись на заднее сиденье, мигом съездим и договоримся, что делать.

В Венце Аверина не нашли, ушел на озеро. Кочеткова разыскали в поле. Он пас коров. Объяснил, что пастух сбежал, и приходится по очереди самим пасти. Зимин с возмущением заговорил:

– Николай Васильевич, вам выделили трактора на весенний сев. Почему же вы используете не по назначению? Попов два трактора в Залесье поставил пахать частные усады.

– От Попова можно всего ожидать, – равнодушно сказал Кочетков. – Вот выкинул действительно номер.

– Я завтра же пойду к Чистову, – сказал Зимин, – и обо всем доложу.

– Не советую, – сказал Кочетков. – Испортишь отношения с Поповым, а жизнь длинная, будете еще встречаться. Да, надо прямо сказать, и бесполезно. Трактора перегоняй в Венец, я их поставлю на пахоту. Завтра вместе с Поповым и агрономом разберемся.

– Ясно, Николай Васильевич, – сказал Зимин, – будет исполнено, до свидания.

Из Залесья до Лесуново Зимин шел пешком. В Лесуново встретил пьяного Бойцова, с ним доехал до Сосновского. Бойцов всю дорогу повторял слова:

– Как дела?

Зимин коротко отвечал:

– Как сажа бела.

Бойцов над этими словами всю дорогу хохотал.

О безобразиях Попова Зимин не сказал ни слова. Он колебался, думал: «А может, Кочетков прав, все бесполезно».

На следующий день в семь часов утра Зимин приехал в ММС. Навстречу ему из конторы выбежала уборщица и крикнула:

– Вам звонят по телефону. Просит вас с Венца Попов.

Зимин не спеша вошел в контору, взял трубку, крикнул:

– Я вас слушаю.

Миша кричал в трубку:

– Почему не дождался меня, уехал? Гастролер ты, а не директор.

Зимин слушал, не перебивал, потом спокойно ответил:

– Михаил Федорович, дорогой, я за тебя отвечать не хочу даже перед своей совестью. Ты же докатился до низости. Трактористов ММС заставил пахать частные усады, сам лично ходил, с населения собирал водкой и яйцами. Сейчас я договорюсь с Чистовым, пусть он нас вызовет обоих, там мы с тобой разберемся, – и повесил трубку.

Снова раздался звонок телефона. Вошедшему механику Карташеву Зимин сказал:

– Возьми трубку, если спросит Попов, скажи, что вышел.

Карташев снял трубку, в ней раздался голос Попова. Карташев ответил:

– Зимина нет, ушел в механическую мастерскую.

Попов кричал:

– Передайте ему – пусть меня подождет, я выезжаю.

Попов приехал быстро, долго они с Зиминным сидели на скамейке возле механической мастерской. Попов уехал довольный, значит, обо всем договорились.

Глава седьмая

Росляков Спиридон Иванович – страстный охотник. Родился он на берегу Иртыша, где несет свои быстрые воды Тобол, недалеко от тех мест, где пала грозная в боях дружина Ермака и погиб в пучине иртышских вод сам атаман.

Спиридон Иванович прекрасно знал, что в Сосновском районе охотиться почти не на кого, здесь охотников больше, чем дичи. После бесплодной прогулки с ружьем по лесу всегда появляется прекрасный аппетит. Сосновцы давно приглашали приехать и, для него это ясно, не на охоту, а хорошо выпить и поесть, то есть по-мужицки отдохнуть. Он агитировал секретаря обкома по сельскому хозяйству Семенова. Василий Иванович вначале над ним смеялся:

«Что там делать? Они всех ворон давно перебили», – и наконец согласился: «Давай проверим, посмотрим, что у них за охота».

Семенов Рослякову нужен был как заступник. Росляков работал главным зоотехником областного управления сельского хозяйства, был первым заместителем начальника. Туго в своих руках он держал всю кормовую базу области. Комбикорма колхозам и совхозам распределял только он. Когда организовался Сосновский район, к нему с низким поклоном приехало районное руководство, Чистов и Бойцов, и чуть ли не вставая на колени просило помочь комбикормами, сеном или соломой. Первый раз Спиридон Иванович принял их натянуто, с пафосом, но, однако, не обидел, выделил 50 тонн комбикормов. Второй раз они приехали с небольшим подарочком. Привезли два экспортных набора слесарно-монтажных инструментов, каждый стоимостью 50 рублей, и набор из трех бутылок коньяка и пяти бутылок сухого вина. Спиридон Иванович на сей раз понял. Сосновские аграрники мужики хорошие, дружить с ними можно, не подведут. Он им частенько стал помогать комбикормом и сеном из резерва.

Боялся Росляков председателя облисполкома Чугунова. Чугунов мужик был справедливый и любил справедливость. Он выступал против организации Сосновского района и неприязненно относился к его руководству. Не раз говаривал про Чистова и Бойцова, так как выпрашивать ходили они вдвоем:

– Из этих двух болтунов-аграрников толку не будет. Сельское хозяйство района они не поднимут.

Не только рука, но и слово Чугунова были тверды. Он по два раза никому не повторял. Недаром его за глаза называли Иваном Грозным.

Спиридон Иванович часто думал: «Не дай бог, если о моих махинациях узнает Чугунов. С навозом смешает. Осталось год с небольшим до пенсии. Не даст доработать».

Росляков искал верного защитника в лице Семенова. Человек грамотный, волевой, в обиду ни себя, ни друга не даст. В одном они походили друг на друга – оба страстные охотники. От Семенова зависела и дальнейшая судьба Рослякова. Бывшему начальнику управления Трапезникову, вышедшему на пенсию, при прямом участии Семенова тут же подобрали работу директором агрогорода. «У человека сохраняется пенсия, получает и будет получать до самой дряхлости приличную зарплату. Василий Иванович и для меня что-нибудь придумает», – размышлял Спиридон Иванович.

Росляков связался по телефону с Чистовым, сказал:

– Приедем с Семеновым на охоту, надеюсь, что все подготовите. Будем у вас завтра, то есть в пятницу, примерно в девятнадцать часов.

Короткий разговор для Рослякова как для гостя был приятный. Для Чистова и приятный, едет Семенов, состоится близкое знакомство, которое, как правило, переходит в дружбу, и неприятный, хлопотливый. Надо все организовать: ужин по приезду, ночлег, на следующий день охоту со всеми дополнениями, завтрак, обед и ужин в лесу. На все это нужны деньги, и большие. Он сомневался в Трифонове Михаиле Ивановиче. Вчерашний тракторист, мужик не шибко грамотный – семь классов и двухгодичная партийная школа. Гостей привезешь, а он руки разведет в стороны и скажет: «Извини, Анатолий Алексеевич, не подготовился». Тогда незачем будет ходить ни к Семенову, ни к Рослякову. Вместо друзей наживешь врагов.

Долго сидел и думал Чистов. Мысли в голову лезли разные, хорошие и плохие. Наконец пришла решающая: «Дай-ка я в помощь Трифонову подключу еще кого-нибудь. Двое не подведут». А кого? Перебирал по порядку директоров совхозов, заводов. Все кандидатуры были неподходящие. Остановился на Зимине. Мужик он рискованный, во всех отношениях нравится. Надо его срочно пригласить. Вызвал из приемной делопроизводителя.

– Найдите Зимина, пусть позвонит мне по телефону.

Через три минуты в кабинете Чистова раздался телефонный звонок. У телефона был Зимин.

- Здравствуйте, Анатолий Алексеевич, вы меня вызывали?
- Да! Ульянов Александрович, ты откуда говоришь? – спросил Чистов.
- Из Сосновского совхоза, – раздалось в трубке.
- Поскорее зайди ко мне, – сказал Чистов.
- Спешу, – раздалось в трубке.

Через десять минут Зимин стоял в пустой приемной Чистова и не решался войти в кабинет. На помощь ему пришел сам Чистов, он открыл дверь, с удивлением спросил:

- Ты уже здесь? Заходи.
- Ульянов Александрович, – тихо заговорил Чистов. – Я вас пригласил по одному очень важному вопросу. К нам едут гости с области. Надо будет помочь Трифонову Михаилу Ивановичу организовать встречу. Ты сейчас же, не теряя времени поезжай в Николаевку, найди Трифонова. Договорись с ним обо всем. Для этого нужны будут деньги.
- Знаю, Анатолий Алексеевич, – сказал Зимин.

Чистов продолжал:

- Закупите все необходимое, подготовьте хорошую избу для ночлега, найдите шесть или семь комплектов чистого спального белья. Одежда, матрацы, кровати и так далее. Сам знаешь.
- Знаю, Анатолий Алексеевич, – повторил Зимин.
- Тогда действуй, скатертью дорога, ни пуха ни пера, – пожелал Чистов. – О результатах звони на квартиру, буду ждать. У тебя транспорта здесь нет. Скажи Володе Дегтеву, чтобы он свозил тебя до Николаевки.

Зимин нашел Дегтева в гараже. Передал распоряжение Чистова. Дегтев сказал:

- Верю, но не знаю, сумеем ли мы проехать до Николаевки.
- Сумеем, – заверил Зимин, – поедем через Рамешки.

В Николаевку проехали без приключений, нигде не буксовали. Трифонова нашли в поле, он следил за севом и подготовкой почвы. Увидел автомашину Чистова, пошел навстречу. Зимин вышел из салона, поздоровался и сказал:

- По поручению Анатолия Алексеевича. Завтра вечером жди гостей. Все приготовил?
- Почти все, – ответил Трифонов. – В Николаевку мы их не повезем. Повезем в Рамешки, там я договорился с лесником, дом у него хороший. Хозяева ночуют у соседей.
- С постельными принадлежностями как? – спросил Зимин.
- Об этом я не подумал. Думал, будут ночевать по-охотничьи, по-деревенски. На сеновале, на сене или соломе.

Зимин сказал:

- Я семь комплектов постельного привез. Куда свалить?
- Тогда поедем в Рамешки, там все проверим.

Новый пятистенный дом с гладко выструганными белыми стенами, таким же потолком и полом Трифоновым был найден удачно. В комнатах, как и в лесу, пахло смолистой древесиной и эфирными маслами. В доме стояла скромная деревенская мебель: стол, покрытый клеенкой, старый самодельный буфет, откуда выглядывала чайная посуда, стаканы и рюмки. Маленький самодельный столик, на котором возвышался громоздкий радиоприемник неизвестной марки, по-видимому, завезенный из Германии. В углу над столом стояли большие иконы, перед ними висела медная начищенная лампадка. Трифонов показал на иконы и предложил хозяину временно убрать. Зимин запротестовал:

- Не трогайте, пусть все останется на своих местах. Так будет лучше.

Постельные принадлежности занесли в дом, а кровать-то была одна.

– Я посоветуюсь с Чистовым, надо ли завозить кровати, – сказал Зимин. – Гости мы уложим на хозяйскую кровать, а сами поспим на полу. Если мы поставим еще шесть кроватей, то будет похоже на общежитие.

Трифонов купил десять бутылок коньяка и ящик водки. Завтра обещался послать в Павлово автомашину за свежими лещами.

– Мясо будет парное, – сказал Трифонов, – баранина и свинина. Остальное найдем в Рамешках.

– Расходы пополам? – спросил Зимин.

Трифонов ответил:

– Ничего не надо, потом рассчитаемся. Дашь на один день бортовую автомашину и будем квиты.

– Хорошо, – согласился Зимин. – Я поехал, заеду к Чистову, доложу о готовности.

В девять часов вечера Зимин пришел на квартиру Чистова, подтвердил готовность к приезду гостей.

– Завтра вместе с Михаилом Ивановичем, – сказал Чистов, – готовьте ужин и ждите нас в Рамешках. Приедем вместе с шоферами, восемь человек. Никаких телефонных звонков и указаний больше не будет.

В два часа дня Зимин с Трифоновым взялись за приготовление ужина. Помогали им три женщины, жена лесника и две ее подруги. К шести часам вечера был сервирован стол на двенадцать персон. На столе стояли холодные закуски: соленые грибы, капуста, огурцы и помидоры, заливная щука, холодец, селедка и так далее. Зимин ходил возле стола и хвалил женщин:

– Какие вы молодцы, такое ни в одном ресторане не найдешь. Какие вы умелицы, вас надо направить на кулинарную выставку в Москву.

Трифонов тоже был на седьмом небе, его щеки покраснели от удовольствия, глаза горели алмазами.

Наступил вечер, давно обещанные семь часов вечера прошли, а гости не появлялись. Уже небесное светило отправилось на сон грядущий, на небе появились звезды. Кругом стояла необъятная тишина. В окнах домов погас свет. Жители деревни спали. Тишину нарушал заунывный лай и вой собак. Зимин с Трифоновым сидели на скамье под окном и прислушивались к каждому звуку. В одиннадцать часов в лесу послышался слабый звук работы моторов.

– Едут, – сказал Зимин, – слышишь, машины гудят.

– Слышу, – ответил Трифонов, – но никак не пойму, похоже и на гул моторов тракторов.

Через пять минут автомашины выскочили на поле, разрезая фарами светлую мглу майской ночи. Зимин с Трифоновым пошли навстречу и встретили их на краю деревни. Две автомашины были полностью укомплектованы охотниками.

Для встречи гостей изба осветилась ярким электрическим светом. Под тяжелыми телами в сенях закрипели ступеньки лестницы и белые начищенные половицы. Чистов вошел в избу первым, как бы показывая дорогу. Следом – Семенов и Росляков, замыкал шествие Зимин. Все стояли на ногах, разглядывали, как в музее, стены, полы, потолки и скромную крестьянскую мебель. Временами кидали мимолетные взгляды на стол.

– Прошу, товарищи, – громко сказал Трифонов. – Садитесь, пожалуйста, за стол.

– Надо вначале руки помыть, – возразил Росляков. – Как выехали из города, ни за что не держались, но руки все равно надо мыть.

– Вот этого мы не учли, – сказал Зимину Трифонов. – Умывальника-то нет.

Зимин нашел на кухне ведро, ковш, мыло и полотенце, скомандовал:

– За мной мыть руки у колодца.

Колодец хорошо был освещен из окон. Все с шутками и смехом подходили к Зимину, подставляли ладони. Он, не жалея, лил из ковша чистую холодную колодезную воду. Мыли руки, освежали запыленные лица. После умывания сели за стол.

Ужин начался. Пили коньяк по потребности, запивали холодным брусничным соком. Закусывали кому что нравилось. Женщины и хозяйка не дождались гостей, ушли спать. Зимин

с Трифоновым в роли поваров и официантов подавали горячие блюда. Баранину, свинину отварную и жареную. Гарнир – картофель жареный и кашу гречневую. На посошок принесли диких жареных уток и рябчиков.

Чистов чем-то был недоволен, искоса бросал свои жгучие взгляды на Зимина. Зимин заметил его недовольство и попросил выйти на кухню.

– Анатолий Алексеевич, надо посоветоваться с вами по одному вопросу.

Чистов этого момента ждал и пришел на кухню.

– Ты что это, дорогой товарищ, – начал тихо Чистов, сверля взглядом Зимина. – Почему запретил Трифонову убрать иконы? Почему не поставили кровати? Где будем спать?

Зимин не поспел раскрыть рта для оправдания, как позвал Семенов:

– Анатолий Алексеевич, идите сюда.

Чистов вышел из завешанной полотняной занавеской кухни. Семенов встал, улыбаясь, заговорил:

– Товарищи, давайте поблагодарим гостеприимных хозяев. Я очень доволен ужином. Впервые в жизни я вижу на столе такое разнообразие закусок, и так искусно приготовленных. Вечер вместе с вами я провел словно в раю. В этой новой деревянной избе я с большой радостью и наслаждением вдыхаю чистый воздух, перенасыщенный кислородом, и все ароматы свежего дерева. Спасибо вам, друзья, за такой приятный ужин.

Семенов посмотрел на висевшие в углу иконы. Чистов, нахмурившись, поглядел на Зимина. Зимин подумал: «Ну и влип я с этими иконами». Чистов грубо повторил:

– Почему иконы не убрали?

За Зимина ответил Семенов:

– Анатолий Алексеевич, у советских граждан личная собственность охраняется законом. Поэтому в чужом доме хозяйничать не надо. Я родился в деревне, вырос в деревянной избе, только наполовину меньше этой. Отец и мать были религиозны, а особенно бабушка. При виде икон вспоминается далекое безмятежное детство. Анатолий Алексеевич, зажгите лампадку, – за Чистова зажег Трифонов. – Сейчас выключите свет и обратите внимание, какое значение имеет тусклый свет этой маленькой лампадки.

Когда выключили свет, при свете лампадки лики святых словно ожили.

– Смотрите, какая торжественность, – продолжал Семенов. – Веры мы не должны отнимать у старых людей. Они с верой в Бога родились, с ней и умрут. С молодежью другой разговор, здесь мы должны прививать им другую веру, веру в коммунистическую партию, веру в наш народ. Времени, товарищи, уже час ночи, не пора ли хотя бы часик вздремнуть? Где тут, товарищи, у вас сеновал?

– Что вы, Василий Иванович, – запротестовал Чистов. – Ложитесь на кровать, белье чистое.

– Анатолий Алексеевич! Какой же я охотник, если спать буду в гостинице, в люксе.

Он подозвал Зимина и сказал:

– Веди на сеновал.

– Василий Иванович, – заговорил Чистов, – по стаканчику чая с медом?

– Спасибо, – ответил Семенов и вышел из избы. Чистов с Бойцовым, как тени, последовали за ним.

Сена у лесника было много, Семенов, не раздеваясь, зарылся в нем.

– Подъем в три часа, – объявил Зимин.

Послышался глухой ответ:

– Хорошо.

Росляков налил полный стакан коньяка, выпил, запил брусничным рассолом с медом, сказал:

– Сейчас старым костям пора отдохнуть. Я люблю тепло и мягкую постель, – разделся и лег на кровать. Остальные охотники разостлали матрацы на полу и легли.

Встали в три часа ночи. Зимин с Трифоновым никак не ожидали, что они будут организаторами охоты. Чистов строго сказал:

– Везите туда, где есть дичь.

Какая дичь, на кого охотиться – этого он сам не знал. Зимин предложил:

– Поедем в Королевку на Серезу, там все должно быть: глухари, тетерева и утки.

Так и решили Трифонов с Зиминим. До Королевки добрались с большим трудом. На востоке уже появилась заря. Вот-вот должно было выползти из-за горизонта солнце. Первая автомашина застряла, как говорят, влезла по уши.

– Пошли, товарищи, – сказал Росляков, – пока мы будем возиться с автомашинами, взойдет солнце и охоте конец.

Все ринулись в разные стороны, как тетеревята при объявлении матерью опасности. Чистов предупредил Зимина:

– Под твою личную ответственность оставляем автомашины. Далеко от них не уходи.

Зимин постоял возле застрявшей автомашины. Обошел кругом другую. Подумал: «Кому они нужны». Принял решение: «Пройду километр туда – десять минут. Километр обратно – еще десять. Это уже охота».

Издалека доносились выстрелы. «Они бьют дичь! – подумал Зимин. – Ясно, они, браконьеры, не оставят ничего для развода». Ему пришла счастливая мысль: «Я, возможно, окажусь счастливее их».

Он крался по просеке, которая почти примкнула к автомашинам. Ружье зарядил, в один ствол вогнал картонный патрон с дробью номер три, в другой – нулевку. Ружье нес наготове, со взведенными курками. Взоры его беспокойно бродили направо и налево.

Вокруг было чистое безоблачное небо да необозримые лесные дебри, разбуженные птичьим гомоном. Недалеко с задором закуковала кукушка. Просека вывела на бор. В редком бору, словно в переливные трубы, гудели дикие голуби вяхири, местное название – горлинки. Зимин не обращал на них внимания. Он мечтал о крупной дичи.

Пройдя бор, он уперся в Серезу. В непролазных кустах над небольшой рекой предутренние рулады щедро рассыпал серый соловей. Зимин свернул с просеки, прошел по небольшому лугу и направился к автомашинам. Вышел снова на луга.

Вдруг он остановился. Сердце его забилося, страсть охотника воспламенилась. Под кустом раскидистой козьей ивы в зарослях малины что-то виднелось. Пряталось что-то голубое с красным окольшем и смотрело на него красным переливающимся малахитовым глазом. «Наверное, глухарь», – подумал Зимин. Затаив дыхание, он осторожно приближался. Наконец, когда очутился на расстоянии пятнадцати метров, поставил правое колено на землю для лучшего упора. Зажмурил левый глаз. Правым прицелился, совместил прорезь с мушкой и нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.